

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (49) 2019

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2019

Вестник Волгоградской
академии МВД России.
Выпуск 2 (49) 2019 :
науч.-метод. журнал. —
Волгоград : ВА МВД
России, 2019. — 192 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Миразов, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
С. М. Голятина,
А. В. Секретева

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
18.06.2019.

Дата выхода в свет:
27.06.2019.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 24,0.
Усл. печ. л. 22,3.
Тираж 500. Заказ № 28.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2019

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, редактор редакторской группы редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Bulletin of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
Issue 2 (49) 2019 :
scientific and methodical
journal. —
Volgograd : VA MVD
Russia, 2019. — 192 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription index
at the catalogue
"Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Editors
S. M. Golyatina,
A. V. Sekreteva

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
18.06.2019.

Date of publication:
27.06.2019.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 24,0.
Conventional print sheets 22,3.
500 copies. Order № 28.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2019

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Team of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Associate Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И.
Оперативно-разыскная деятельность
и уголовный процесс:
вопросы сближения и взаимопроникновения

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Редько А. А., Яловенко Т. В., Гасанкадиев Т. Г.
Приоритетные направления
государственной политики
по соблюдению прав человека
в условиях противодействия
терроризму и экстремизму

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Егорова Н. А., Егоров А. Г.
Необходимая оборона
в деятельности сотрудников полиции:
вопросы уголовно-правовой оценки
Лихолетов А. А., Михайлов М. У.
Новое в уголовном законодательстве
в части противодействия
организованной преступности:
проблемы и пути решения
Нифталиева И. А.
Формирование и развитие принципа справедливости
в российском уголовном законодательстве
Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пшеничкин А. А.
Дорожно-транспортные происшествия
с участием пешеходов:
уголовно-правовые и криминологические аспекты
Ханова И. В.
Становление института уголовной ответственности
за доведение до самоубийства в России

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСЬКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бондаренко А. А.
Особенности производства по уголовному делу,
соединенному по основаниям,
не предусмотренным законом
Головащук Е. М.
Проблемные аспекты существования
стадии возбуждения уголовного дела
Голятина С. М., Ковальченко А. А.
Некоторые элементы
криминалистической характеристики
хищений электронных денежных средств
Еремин С. Г.
Возбуждение уголовного дела о преступлениях
в сфере дистанционно-банковского обслуживания,
следственные ситуации, версии, планирование
и расследование на первоначальном этапе

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

- 9 *Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I.*
Operatively-search activity
and criminal proceedings:
issues of convergence and interpenetration

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

- 15 *Redko A. A., Yalovenko T. V., Gasankadiev T. G.*
Priority areas of state policy
on observance of human rights
in the context of countering terrorism and extremism

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- 21 *Egorova N. A., Egorov A. G.*
Self-defense in police officers' activity:
criminal assessment issues
- 32 *Likholetov A. A., Mikhailov M. U.*
Novelties in the criminal code
in part related to counteracting the organized crime:
problems and ways of solution
- 40 *Niftalieva I. A.*
Formation and development of principle of justice
in the criminal law of the Russian Federation
- 48 *Strilets O. V., Semenenko G. M., Pshenichkin A. A.*
Road traffic accidents involving pedestrians:
criminal law and criminological aspects
- 56 *Khanova I. V.*
Formation of the institute of criminal responsibility
for actions resulting in committing suicide in Russia

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

- 62 *Bondarenko A. A.*
Peculiarities of production by criminal case
united on bases not provisional law
- 68 *Golovashchuk E. M.*
The problematic aspects of the existence
of the stage of institution of criminal proceedings
- 73 *Golyatina S. M., Kovalchenko A. A.*
Some elements of forensic characterization theft
of electronic money
- 78 *Eremin S. G.*
Initiation of criminal case regarding crimes
in the sphere of remote bank services,
investigation situations, versions,
planning and early stage investigation

- Зайцева Е. А., Сидорова Н. В.*
Регламентация международного сотрудничества
в сфере уголовного судопроизводства:
международный и внутригосударственный аспекты
Золотухина Н. В., Жукова П. Н.
Проблемные вопросы
собираания доказательств по уголовному делу
Катков С. В., Белокобыльская О. И., Горных С. А.
Оперативно-разыскная характеристика преступлений,
совершаемых в кредитно-финансовой сфере:
отдельные вопросы теории и практики
Климова Я. А.
Проблема реализации права на защиту
в досудебном производстве
Козаренко В. С.
О понятии оперативно-разыскного обеспечения
и его роли в осуществлении
государственной защиты
сотрудников органов внутренних дел
Ляпичев В. Е., Рустамзода З. Р.
Об установлении субъекта преступления
в сфере незаконного оборота наркотических средств
и психотропных веществ
Молбасин С. И.
Депонирование показаний
в системе средств доказывания
по Уголовно-процессуальному кодексу
Республики Казахстан
Павленко А. Ф. Актуальные вопросы,
возникающие при наложении ареста на имущество
Печников Г. А., Земенков А. И., Кокарева Е. В.
Доказательства, объективная (фактическая)
и формально-юридическая истины
в уголовном процессе
Плешакова О. В.
Личность преступника,
совершающего преступные посягательства
в отношении сотрудников органов внутренних дел
Решняк О. А.
О некоторых вопросах расследования
незаконного сбыта синтетических наркотиков,
совершенного бесконтактным способом
Садоншоев Д.
Реализация принципа презумпции невиновности
в практической деятельности
правоохранительных органов
Республики Таджикистан
Смагоринский Б. П., Евстифеева Е. П.
Особенности проведения
отдельных оперативно-разыскных мероприятий
при выявлении и раскрытии преступлений
в сфере игорного бизнеса
Филатов В. В.
Некоторые особенности проведения
доследственной проверки
по делам о нарушении авторских и смежных прав
- 85 *Zaitseva E. A., Sidorova N. V.*
Regulation of international cooperation
in the sphere of criminal proceedings:
international and internal aspects
- 94 *Zolotukhina N. V., Zhukova P. N.*
Problems of gathering evidence in a criminal case
- 100 *Katkov S. V., Belokobylskaya O. I., Gornyykh S. A.*
Performance and criminal characteristics of crimes
made in credit and financial sphere:
separate questions of theory and practice
- 111 *Klimova Ya. A.*
The problem of the implementation
of the right to protection in pre-trial proceeding
- 121 *Kozarenko V. S.*
On the notion of operative search support and its role
in providing state protection for Interior employees
- 126 *Lyapichev V. E., Rustamzoda Z. R.*
On identifying the subject of a crime
related to illicit drugs and psychotropic substances traffic
- 132 *Molbasin S. I.*
Depositing testimonies in proving procedure according
to the Criminal Procedure Code
of the Republic of Kazakhstan
- 138 *Pavlenko A. F.*
Current issues arising
in the implementation of arrest on property
- 142 *Pechnikov G. A., Zemenkov A. I., Kokareva E. V.*
Evidence, objective (actual) and formal legal truth
in criminal proceedings
- 149 *Pleshakova O. V.*
Personality of the criminal while
committing encroachment
upon law enforcement officers
- 156 *Reshnyak O. A.*
About some questions of investigation of illegal sale
of synthetic drugs, committed a non-contact way
- 161 *Sadonshoev D.*
Implementation of the principle of presumption of inno-
cence in practical activities of law enforcement agencies
of the Republic of Tajikistan
- 167 *Smagorinsky B. P., Evstifeeva E. P.*
Features of carrying out
separate operational-research activities
at identification and disclosure of crimes
in the sphere of gaming business
- 173 *Filatov V. V.*
Some features of the pre-investigation investigation
of cases about violation of copyright and related rights

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Конев А. Н.

Идеологические парадоксы
современного уголовного процесса

Мелихов А. И., Працко Г. С. Никитина Г. А.

Понятие «безопасность»
в современных гуманитарных науках
и законодательстве России

SCIENTIFIC DISCUSSION

179 *Konev A. N.*

Ideological paradoxes of the criminal process

183 *Melikhov A. I., Pratsko G. S., Nikitina G. A.*

The concept of "security" in modern humanities
and Russian legislation

УДК 343.13
ББК 67.410.2

DOI 10.25724/VAMVD.HIJK

Н. В. Павличенко, А. И. Тамбовцев

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ВОПРОСЫ СБЛИЖЕНИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ**

В статье рассматривается процесс объединения когнитивно-доказательственных потенциалов оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса. Целью настоящей работы является анализ нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-разыскную и процессуальную деятельность, а также изучение оперативно-разыскной и следственной практики и определение на их основе нормативной и функциональной границы между данными видами деятельности.

Авторы приходят к выводу об утрате как следственными действиями, так и оперативно-разыскными мероприятиями своих уникальных черт и о все большем симбиозе процессуального и оперативно-разыскного аспектов судопроизводства, их закономерной трансформации в единый инструментарий, сочетающий в себе когнитивные, доказательственные, процессуальные, оперативно-разыскные и гласно-негласные свойства, необходимость разработки которого обсуждается научной общественностью в настоящее время. Этот процесс обусловлен объективными причинами развития всех сторон жизни человека и общества, расширением когнитивных инструментов и методов познания действительности. Появление и изменение материалов, техники, способов хранения и передачи информации, видов собственности и многое другое неизбежно определяют и даже требуют адекватного развития и использования соответствующего более специализированного процессуального и оперативно-разыскного инструментария.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовный процесс, судопроизводство, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, доказательство, инструментарий.

N. V. Pavlichenko, A. I. Tambovtsev

**OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY AND CRIMINAL PROCEEDINGS:
ISSUES OF CONVERGENCE AND INTERPENETRATION**

The article deals with the process of combining cognitive-evidential potentials of operational investigative activity and criminal process. The purpose of this work is to analyze the normative legal acts regulating operational-investigative and procedural activities, as well as the study of operational-investigative and investigative practices and determine on their basis the normative and functional boundaries between these activities.

The authors come to the conclusion about the loss of both investigative actions and operational-investigative measures of their unique specific features and the increasing symbiosis of procedural and operational-investigative aspects of the proceedings, their natural transformation into a single tool, at the same time combining cognitive, evidentiary, procedural, operational-investigative and public-secret properties, the need for the development of which is discussed by the scientific community at the present time. This process is due to objective reasons for the development of all aspects of human life and society, the expansion of cognitive tools and methods of cognition of reality. The emergence and change of materials, equipment, methods of storage and transfer of information, types of property and much more inevitably cause and even require adequate development and use of appropriate more specialized procedural and operational investigative tools.

Key words: operational-search activity, criminal process, legal proceedings, investigative actions, operational-search actions, proof, tools.

Уголовное судопроизводство как «длящийся» социально-правовой институт насчитывает в своей истории уже несколько веков и при этом до сих пор продолжает перманентно развиваться во всех

без исключения аспектах, свойственных справедливому отправлению правосудия и являющихся его неотъемлемыми атрибутами: познавательном, доказательственном, техническом, процессуаль-

ном, оперативно-разыскном, правозащитном и пр. Хотя процессуальные и оперативно-разыскные средства познания и доказывания были изначально едины в своем генезисе и сфокусированы на общую конечную цель, постепенно по мере своего развития становились (и стали традиционно считаться) обособленными, а до некоторого времени даже законодательно «полярными».

Понемногу отдельные прикладные правила уголовного судопроизводства приобрели свое нормативное выражение, сконцентрировались и воплотились в незыблемые конституционные права, свободы и принципы и учитывающий их Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) со свойственными ему процедурами, который постоянно и целенаправленно эволюционировал. В то же время классический сыск (оперативно-разыскная деятельность в современном ее понимании), существуя и функционально прогрессируя в реальности, обеспечивая уголовный процесс необходимыми сведениями и действиями, не имел не только нормативного (хотя бы в нормах действующего УПК РФ), но и вообще какого-либо правового регулирования, за исключением «закрытых» ведомственных рекомендаций прикладного характера.

Принятие Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. № 2506-1, а затем Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ легитимизировало оперативно-разыскную деятельность (ОРД), обусловив тем самым возможность фактического объединения когнитивно-доказательственных потенциалов ОРД и уголовного процесса, теоретического сравнения и сопоставления норм УПК РФ и закона об ОРД и необходимость их приведения в обоюдоприемлимое соответствие, обеспечивающее достижение конечных целей судопроизводства [1], попытки чего наблюдаются в последние несколько лет.

В настоящее время в рассматриваемом социально-правовом явлении очевидна тенденция как функционального, так и законодательного сближения процессуального и оперативно-разыскного инструментариев, хотя и медленно, но неуклонно «проникающих» друг в друга и перенимающих наиболее важные для достижения целей судопроизводства познавательные и доказательственные качества друг друга. Особенно ярко уголовно-процессуальное «закрепление» арсенала оперативно-разыскных средств и методов проявилось в конце XX — начале XXI в. в правовых системах

некоторых государств ближнего и дальнего зарубежья и выразилось в имплементации, принятии на «вооружение» функционально-правового инструментария и процедур, одновременно отвечающих строгим общепознавательным требованиям (когнитивности и объективности), процессуальным (допустимости и относимости) и оперативно-разыскным (вариативности и негласности (при необходимости)) — все это исключительно на условиях легитимности и правомерности (принципе законности), характерных для обоих инструментариев. Данная правоприменительная практика была не только положительно отмечена российскими правоведами [2]; [3], но и признана легитимной Европейским Судом по правам человека [4]. В связи с этим она может быть если не примером для слепого подражания, то как минимум поводом и предметом для серьезного анализа.

Указанный объективный, на наш взгляд, процесс, свойственный развитию любого социально-правового института, стал предметом пристального изучения и обсуждения российской юридической общественностью [5]; [6]. Считаем, что складывающаяся сегодня непростую правовую ситуацию на нормативно-функциональной границе уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности можно охарактеризовать следующими тезисами современных правоведов (как процессуалистов, так и теоретиков ОРД и представителей иных отраслей права), точно и непредвзято отражающими одновременно ее внутреннее единство и противоречия.

Во-первых, «развитие системы следственных действий возможно путем ее пополнения познавательными приемами оперативно-розыскного характера» [3, с. 44]. Поддерживая данный тезис, считаем допустимым вести речь не о гипотетической возможности такого пополнения в отдаленном будущем, а о реальном процессе, активно происходящем уже сегодня. Так, современная практика проведения следственных действий, предусмотренных ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» и ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», наглядно и бесспорно свидетельствует о фактически состоявшемся легитимном и эффективном внедрении в уголовный процесс способов, методов и средств, свойственных исключительно ОРД. Подготовка и проведение отдельных следственных действий допускают негласный формат если не всего следственного действия, то как минимум некоторых его этапов, например, опознание лица по фотографии или в условиях,

исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, в соответствии с положениями ст. 193 «Предъявления для опознания» УПК РФ. К тому же предписания ст. 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» УПК РФ, а именно рассмотрение ходатайства единолично судьей, участие в заседании ограниченного круга лиц — прокурора и следователя (без подозреваемого или обвиняемого и его представителя), допускают фактически негласный характер процедуры санкционирования отдельных следственных действий как их обязательного этапа, придавая им черты конспиративности, ранее свойственные исключительно оперативно-разыскной деятельности, и нивелируя статус гласности как фундаментального «конституционного принципа всего уголовного процесса» [7, с. 58].

В рассматриваемом контексте интересным, значимым и перспективным представляется законодательно закрепленное право проведения следственных действий без участия понятых, что до недавнего времени было характерно исключительно для оперативно-разыскных мероприятий, а в настоящее время становится свойственным и следственным действиям, придавая им отдельные оперативно-разыскные качества, например оперативность (быстроту). Это, по нашему мнению, ликвидирует еще одно серьезное отличие между оперативно-разыскными мероприятиями и следственными действиями без какого-либо ущерба для их познавательной и доказательственной сущности. Ранее авторами рассматривались научная и практическая проблематика участия понятых в производстве следственных действий и приводилась аргументация законодательного отказа от института понятых не только в неопределенном будущем, но уже сегодня [8]; [9], что в целом подтверждает анализируемый тезис.

Во-вторых, «эволюция следственных действий происходит в направлении увеличения их видов и детализации процессуальной формы, обусловленной новыми приемами познания действительности, научно-техническим прогрессом, достижениями криминалистической тактики и потребностью более тщательного обеспечения конституционных и иных законных прав участников процесса» [3, с. 86]. Считаем необходимым всецело экстраполировать данное утверждение и на сферу оперативно-разыскных мероприятий. Следует признать, что отчасти указанный процесс детерминирован объективными причинами развития всех сторон жизни человека и общества, расширением когнитивных

инструментов и методов познания действительности. Появление и изменение материалов, техники, способов хранения и передачи информации, видов собственности и многое другое неизбежно определяют и даже требуют адекватного развития и использования соответствующего более специализированного процессуального (а также оперативно-разыскного, криминалистического, специально-технического и пр.) инструментария. Но нужно признать, что наряду с несомненным усилением познавательного потенциала отдельного следственного действия (и УПК РФ в целом) это одновременно ведет и к необоснованному увеличению количества самостоятельных следственных действий со свойственными им отдельными статьями УПК, многочисленными (отчасти дублируемыми) процедурами и формами, что, по нашему мнению, только существенно усложняет судопроизводство. Более того, считаем рассматриваемую тенденцию негативной, ведущей к неоправданному росту (практически до бесконечности) числа «сходных», единых по своей природе и базовым способам познания следственных действий (как и оперативно-разыскных мероприятий). В частности, такие существующее сегодня следственные действия общего характера, как осмотр и осмотр трупа, через определенное время могут быть дополнены рядом более детализированных, например осмотр автомобиля, осмотр оружия, осмотр документов и пр., которые в дальнейшем могут быть еще более детализированы. Это, конечно же, представляется нежелательным и полемичным с позиции жизнеспособности и перспективности подобного пути развития.

В-третьих, учеными отмечается неоспоримый и негативный для природы доказывания факт, что «отдельным аспектам традиционных следственных действий присуща избыточная процессуализация» [3, с. 79], затягивающая и усложняющая процедуру их проведения. С учетом того что следственные действия «являются основным способом собирания доказательств, а значит, и основным средством установления истины по уголовному делу» [10, с. 385], можно категорично признать их процессуальным инструментом правосудия. В связи с этим анализируемые попытки дополнительной процессуализации (являющейся, по нашему убеждению, совершенно излишней) необходимо рассматривать как чрезмерное воздействие на когнитивно-доказательственный инструментарий следователя в желании улучшить его познавательные, доказательственные, правозащитные и любые иные характеристики. Но здесь необхо-

димо помнить основополагающее праксеологическое предупреждение о том, что подобная «рационализация» чревата все большим возрастанием зависимости работника от инструментов, которые сами по себе диктуют методы работы. В силу этого последние еще больше отрываются от целей [11, с. 188—196]. Исполнитель становится занят «обслуживанием инструментов» — обеспечением многочисленных формальных (подчас абсурдных) процедурных требований подготовки, проведения и оформления следственного действия, а не выполнением своих непосредственных обязанностей — познанием с помощью инструментария действительности (отысканием доказательств и пр.). В то же время наличие излишне многочисленных требований к инструментарию всегда порождает сложность их буквального исполнения, а значит, высокую вероятность несоблюдения некоторых процедурных требований, которые возможно признать «нарушением», влекущим ничтожность полученных результатов, что часто и осуществляется стороной защиты. Разумеется, «процедура» как официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-либо является основой основ уголовного процесса, но при этом и процессуализация должна иметь определенные рациональные пределы, не позволяющие доводить ее до процессуального абсурда — процедуры ради процедуры.

В-четвертых, «очевидна тенденция к фактическому превращению оперативно-розыскных мероприятий в следственные действия» [3, с. 44]. С одной стороны, это выражается во все большем многоаспектном использовании их результатов в процессе доказывания, а с другой — в постепенной разработке и внедрении в практику конкретных процедур подготовки, осуществления и оформления оперативно-розыскных мероприятий по аналогии со следственными действиями.

Действительно, немыслимое для второй половины XX в. использование результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий (например, прослушивания телефонных переговоров, проверочной закупки, оперативного эксперимента или скрытого наблюдения) в качестве доказательств в настоящее время становится повсеместной положительной следственной и судебной практикой. Уже выработаны, апробированы, доработаны и легитимизированы процедуры рассекречивания и передачи в процесс таких материалов. Сегодня этот аспект детально регламентирован «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД

России от 27 сентября 2013 г. [12]. Подтверждением же процессуализации оперативно-розыскной деятельности (тенденции формирования оперативно-розыскных процедур) служат научные позиции [13]; [14] и предписания ведомственных наставлений и инструкций, содержащие строгие разработанные (и апробированные практикой) процедуры подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий и требования к их документальному оформлению.

В-пятых, логичным продолжением предыдущего тезиса является утверждение, что «на современном этапе существует объективная необходимость формирования системы процедурных норм, регламентирующих порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий» [15]; [16]. В настоящее время закон об ОРД не содержит конкретных положений и предписаний, аналогичных нормам УПК РФ, детально регламентирующих последовательность процедур подготовки, проведения и оформления оперативно-розыскных мероприятий, хотя в ряде ведомственных приказов, наставлений и инструкций непосредственным исполнителям (оперативным сотрудникам) предоставлены типовые рекомендации по проведению и формализованные бланки, по своей сути подобные протоколам следственных действий. Современная юридическая мысль изобилует «полярными» оценками рассматриваемой тенденции, имеющими свои интересные и убедительные противоположные аргументы.

По нашему мнению, произошедшая за длительную правоприменительную оперативно-розыскную практику определенная «стандартизация» и «алгоритмизация» некоторых оперативно-розыскных мероприятий позволяет констатировать фактическую утрату ими былой вариативности и «ситуативной импровизационности» и осуществление их сегодня по типовой «усредненной» (стандартной) процедуре, которая и может быть прописана в правовой норме федерального закона без функционального ущерба для самого процесса проведения оперативно-розыскного мероприятия и его результата. Тем более могут быть нормативно закреплены требования к оформлению оперативно-розыскных мероприятий. При этом считаем важным отметить их ключевые современные особенности (отличия): нередко конспиративный (негласный) характер и возможность проведения иными кроме оперативного сотрудника субъектами или лицами, в том числе конфидентами, что, несомненно, должно найти свое отражение в нормах.

В-шестых, правоведами отмечается позитивная, по нашему мнению, тенденция в научном, правоприменительном, правозащитном, и общегражданском сообществах «принципиального изменения отношения к использованию результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве в сторону увеличения их доказательственного значения» [16, с. 28]. Общество стало понимать и, что более важно, принимать, что правомерно проведенное оперативно-разыскное мероприятие, по сути, предоставляет в уголовный процесс «доказательство» (в виде информации или предмета), по качеству и процессуальным требованиям не уступающее доказательствам,

полученным процессуально, а нередко и превосходящее его по своей уникальности.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует об утрате как следственными действиями, так и оперативно-разыскными мероприятиями своих уникальных, специфических черт и о все большем симбиозе процессуального и оперативно-разыскного аспектов судопроизводства, закономерной их трансформации в единый инструментарий, одновременно сочетающий в себе когнитивные, доказательственные, процессуальные, оперативно-разыскные и гласно-негласные свойства, необходимость разработки которого обсуждается научной общественностью в настоящее время [18].

1. Назначение уголовного судопроизводства УПК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2017. С. 45—47.

2. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А. Г. Маркушин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 399 с.;

3. Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 200 с.

4. Класс и другие против Федеративной Республики Германии: решение ЕСПЧ от 6 сентября 1978 г. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

5. Мазунин Я. М. О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов всерос. науч.-пркт. конф. Омск: Омский юрид. ин-т, 2010. С. 61.

6. Колосович М. С. Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 138—145.

7. Уголовный процесс: учебник / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.

8. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России 2017. № 3 (49). С. 7—10.

9. Тамбовцев А. И. Генезис социально-правового института понятий: история, тенденции, перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 81—85.

1. Purpose of criminal proceedings Code of Criminal Procedure. Comment to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Under scientific ed. G. I. Zagorsky. Moscow: Prospect; 2017: 45—47.

2. Markushin A. G. Operational search activity. Textbook. Moscow: Yurayt; 2013.

3. Kalnitsky V. V. Questions of the theory and practice of criminal proceedings: selected works. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016. 200 p.

4. ECHR Resolution of 6 September 1978. "Klass and others vs the Federal Republic of Germany". Available from the information and legal portal "Garant".

5. Mazunin Ya. M. On the introduction of the results of operational investigative activities in the process of proving. In: 15 years of the Federal Law "On operational investigative activities": collection of materials of all-Russian scientific and practical conference. Omsk: Omsk legal Institute; 2010: 61.

6. Kolosovich M. S. Neglasnaya activities in a criminal case. Actual problems of Russian law. 2016; 2: 138—145.

7. The criminal process. Textbook. Ed. by B. B. Bulatov, A. M. Baranov. Moscow: Yurayt; 2012.

8. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Operational-search measures and investigative actions requiring judicial authorization: questions of correlation. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 49 (3): 7—10.

9. Tambovtsev A. I. The Genesis of the Social and Legal Institution of Understandings: History, Trends, Perspectives. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 77 (1): 81—85.

10. Смирнов А. В., Калининский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004.

11. Тадеуш Котарбинский. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 249 с.

12. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2013. № 26. Ст. 3207.

13. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: моногр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2006. 232 с.

14. Тамбовцев А. И. Процедура и документальное оформление оперативно-розыскных мероприятий, как критерии их доказательственного значения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 127—134.

15. Чечетин А. Е. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий: моногр. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2005. 300 с.

16. Гусев В. А. Понятие и сущность юридических процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 63—70.

17. Захарцев С. И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 41 с.

18. Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19—26.

© Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И., 2019

Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: aldan1973@rambler.ru

Тамбовцев Андрей Иванович,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: bestcopat@mail.ru

10. Smirnov A. V., Kalinkovsky K. B. The criminal process. Textbook. St. Petersburg : Peter; 2004.

11. Tadeusz Kotarbinsky. Treatise on good work. Moscow: Economics; 1975.

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ministry of Defense of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Customs Service of Russia, SVR of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia of 27 September 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On approval of the Instruction on the procedure for presenting the results of operational-search activity to an inquiry body, investigator or court". Collection of legislation of Russian Federation; 1995; No. 33; Art. 3349; 2013; No. 26; Art. 3207.

13. Chechetin A. E. Ensuring the rights of the individual during the conduct of operational search activities. Monograph. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006.

14. Tambovtsev A. I. Procedure and documentation of operational-search measures, as criteria for their evidential value. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 79 (3): 127—134.

15. Chechetin A. E. Theoretical and legal problems of operational search activities. Monograph. Barnaul: Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005.

16. Gusev V. A. The concept and essence of legal procedures for conducting operational-search measures // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2013; 1: 63—70.

17. Zakhartsev S. I. Theory and Legal Regulation of Operational-Search Measures. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. St. Petersburg; 2004.

18. Girko S. I., Lugovik V. F., Gusev V. A. On legal relations, procedures and operational search law. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 44 (4): 19—26.

© Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I., 2019

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich,
deputy head of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: aldan1973@rambler.ru

Tambovtsev Andrey Ivanovich,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: bestcopat@mail.ru

* * *

УДК 343.9.01
ББК 67.511

DOI 10.25724/VAMVD.HJKL

А. А. Редько, Т. В. Яловенко, Т. Г. Гасанкадиев

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ**

В статье авторы анализируют содержание государственной политики по соблюдению прав человека в условиях противодействия терроризму и экстремизму, исследуют проблематику данного вопроса и выявляют приоритетные направления антитеррористической и антиэкстремистской деятельности. Авторы отмечают разное понимание категорий терроризма и экстремизма в современной правовой науке и законодательстве Российской Федерации. В заключение статьи следует вывод о том, что необходимо разграничить указанные явления как независимые социальные и правовые, обусловленные различными специфическими особенностями и требующие к себе отдельного законодательного внимания. Основным направлением государственной деятельности по соблюдению прав человека в условиях противодействия терроризму и экстремизму должна стать разработка прозрачной и при этом максимально эффективной и гибкой государственной политики, способной менять вектор в зависимости от глобальной и локальной стратегической ситуации.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, государственная политика, национальная безопасность, права человека, законодательство, уголовная политика, свобода слова, власть, государство.

A. A. Redko, T. V. Yalovenko, T. G. Gasankadiev

**PRIORITY AREAS OF STATE POLICY ON OBSERVANCE
OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM**

In the article the authors examines the content of state policy on observance of human rights in the context of countering terrorism and extremism, explores the problems of this issue and identifies the main priorities for solving the issues of counter terrorist and extremist activities. The article also highlights the problems of interpretation and understanding of relationship between the categories of terrorism and extremism in modern legal science and the legislation of the Russian Federation. In closing the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to distinguish between the perception of the categories of extremism and terrorism as independent social and legal phenomena, due to various specific features and requiring separate legislative attention. The main priority of the state to respect human rights in the context of countering terrorism and extremism is to develop a transparent and at the same time maximally effective and flexible state policy that can change the vector depending on the global and local strategic situation.

Key words: terrorism, extremism, state policy, national security, human rights, legislation, criminal policy, freedom of speech, power, state.

Борьба с терроризмом и экстремизмом является одним из важнейших направлений государственной политики. Согласно статистическим данным в 2011 г. было зарегистрировано 622 преступления экстремистской направленности, однако за последние пять лет количественные показатели существенно увеличились. В 2014 г. было совершено 1 034 преступления, в 2015 г. — 1 329, в 2016 г. — 1 450, в 2017 г. — 1 521, в 2018 г. — 1 265 [1].

В среднем около 50 % преступлений сопряжены с насильственными действиями. Зафиксирован также рост числа преступлений террористического характера. В 2014 г. было зарегистрировано 1 128 преступлений, в 2015 г. — 1 538, в 2016 г. — 2 227, в 2017 г. — 1 871, в 2018 г. — 1 679 [1].

В настоящее время нередко происходит отождествление понятий «терроризм» и «экстремизм». В соответствии с Федеральным законом «О про-

тиводействию экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (далее — ФЗ № 114) [2] терроризм рассматривается как одна из разновидностей экстремизма. Однако следует выделить ряд нормативных правовых актов, правовое регулирование которых включает в себя ориентацию именно на терроризм. В первую очередь в их числе нужно назвать Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (далее — ФЗ № 35) [3] и Указ Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 г. № 116 [4].

Некоторые авторы отмечают, что экстремизм — явление, подчиненное терроризму, феномен, оправдывающий терроризм. Так, по мнению О. Н. Писаренко, терроризм выступает эмпирическим выражением экстремистской коммунитарности, формально продолжая экстремизм [5, с. 241]. Однако в уголовно-правовом аспекте терроризм обладает четкими рамками, имеет свои особенности, отличающие его от экстремизма.

Рассматривая терроризм как одну из крайних форм проявления экстремизма, отметим, что такая корреляция не может быть перенесена на уровень правового регулирования. Об этом говорит существование ранее действовавших специализированных законов «О борьбе с экстремизмом», «О борьбе с терроризмом». В уголовном законодательстве данные виды преступных деяний также разграничены как преступления террористического характера и экстремистской направленности, закреплены в разных главах и имеют разный объект посягательства.

При рассмотрении методов борьбы с терроризмом и экстремизмом приведем в качестве примера Соединенные Штаты Америки, где вообще отсутствует антиэкстремистское законодательство. В соответствии с Биллем о правах «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее вероисповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [6]. Таким образом, власти США вынуждены разрешать неонацистским группам проведение в еврейских кварталах шествий или иных провокационных мероприятий. Вместо ограничений свободы слова в стране реализуется политика добровольного отторжения маргинальных точек зрения [7, с. 75]. Однако этот факт не мешает осуществлять при необходимости точечную агрессивную контрполитику, которая может включать в себя как разгон демонстраций,

акций и митингов, так и многоуровневую операцию, иногда граничащую с провокацией международного уровня, как, например, в случае с поимкой братьев Царнаевых, подозревавшихся в совершении теракта на бостонском марафоне 15 апреля 2013 г.

В большинстве ситуаций (90 %) при применении огнестрельного оружия, в том числе при массовых беспорядках, полицейские службы США находят поддержку у государства. С одной стороны, здесь усматривается позитивный элемент усиления авторитета власти, а с другой — это порождает полицейский произвол, что уже привело к открытому недоверию граждан любым, даже правомерным действиям сотрудников полиции. Кроме того, полиция в США это не федеральный орган, ее формирование находится на уровне органов местного самоуправления и/или штата, что неминуемо влечет за собой трудности в координации и взаимодействии, а также конфликт между подразделениями полиции разных регионов. Вместе с полицией предупреждением террористической угрозы как внутри страны, так и за ее пределами занимаются спецслужбы (несудебные методы изоляции подозрительных лиц в Гуантанамо и уничтожение террористических лидеров и баз организаций, открыто выступающих с призывами к насильственным действиям против США) [8, с. 14].

Несмотря на то что Соединенные Штаты подвергались атакам террористов, которые были вызваны вполне конкретными проколами внешней или внутренней политики, а также на обилие внешних врагов и внутренние противоречия с множеством экстремистски настроенных групп, не представляющих, однако, реальной социальной угрозы, уровень безопасности страны высок.

Важно, чтобы понятие «экстремизм», закрепленное в ФЗ № 114, было максимально корректным, избегающим оценочных и двусмысленных категорий, а его формулировка не допускала правовой коллизии. Приведем пример, связанный со свободой слова: ФЗ № 114 предполагает вынесение предупреждения Генеральным прокурором и/или подчиненным ему соответствующим прокурором о недопустимости размещения (или уже размещенного) материала экстремистского характера, тогда как ч. 2 ст. 280 и ч. 2 ст. 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают конкретные санкции, т. е. правоприменитель находится в нелегком положении, балансируя между общественным резонансом и законностью. Исходя из этого особую актуальность приобретает проблематика правомерного ограничения свободы

слова, а также ее соотношение с институтом цензуры, запрещенным действующей Конституцией Российской Федерации. Особого внимания требует сеть «Интернет» как доминирующий информационный источник. С 1 августа 2014 г. вступили в силу поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ и отдельные законодательные акты Российской Федерации, обязывающие блогеров, интернет-страницы которых ежедневно посещают более 3 тыс. пользователей, выполнять требования, предъявляемые к средствам массовой информации [9].

Деятельность Министерства юстиции Российской Федерации по формированию Федерального списка экстремистских материалов представляется нам неэффективным инструментом реагирования на экстремистскую угрозу. Признание одного конкретного видеоролика или иного материала экстремистским ничтожно по сравнению с колоссальным объемом экстремистской информации, тем более что некоторые ресурсы (например, YouTube) не предоставляют сотрудникам правоохранительных органов доступа к своему видеоконтенту. Кроме того, эта деятельность слишком трудоемка в своем процессуальном исполнении. На сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций представлена Памятка для средств массовой информации «О соблюдении законодательства Российской Федерации о противодействии экстремизму», в которой указано: «В случае распространения через средство массовой информации экстремистских материалов либо выявления фактов, свидетельствующих о наличии в его деятельности признаков экстремизма учредителю и/или редакции (главному редактору) данного средства массовой информации <...> выносится предупреждение в письменной форме о недопустимости таких действий либо такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений <...> Если в установленный в предупреждении срок не приняты меры по устранению допущенных нарушений <...> либо если повторно в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты <...> деятельность соответствующего средства массовой информации подлежит прекращению в установленном Федеральным законом порядке» [10].

Некоторые материалы, признанные экстремистскими, носят спорный характер, например пере-

вод Корана под редакцией Э. Кулиева, который был отнесен к числу экстремистских материалов решением суда г. Новороссийска (решение основано на результатах экспертизы специальной комиссии при Министерстве юстиции Российской Федерации) [11]. Из этого следует, что нахождение данного перевода в личном пользовании граждан граничит с преступлением, что дает простор различным толкованиям указанного факта и возможному нарушению прав и свобод граждан. По нашему мнению, экспертная комиссия, принимающая решение о признании того или иного источника экстремистским, должна быть абсолютно компетентной, а в ее состав должны входить специалисты, для которых стоит ввести прикладные курсы повышения квалификации.

Еще одним немаловажным фактором является соблюдение права гражданина на неприкосновенность жилища, предусмотренного ст. 25 Конституции Российской Федерации. Это одно из основополагающих прав, которое часто нарушается в рамках обозначенной деятельности правоохранительных органов.

Применительно к обысковым мероприятиям, проводимым в жилище граждан по уголовным делам экстремистской направленности, полагаем, что нужно законодательно закрепить обязательность применения сотрудниками правоохранительных органов средств видеофиксации при производстве следственных действий, ограничивающих право граждан на неприкосновенность жилища. По статистике каждый седьмой обыск обжалуется как проведенный с нарушением законодательства [12]. Как правило, прокуратура принимает сторону органов предварительного расследования, однако процедура видеофиксации, произведенная с соблюдением всех предписаний, максимально обеспечит законность следственного действия, особенно если речь идет о случаях, не терпящих отлагательства (ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Видеофиксация здесь представляется крайне необходимой.

В рамках координации деятельности правоохранительных органов по противодействию терроризму и экстремизму на территории Российской Федерации следует выделить ряд вопросов, требующих дополнительной проработки:

1. Нецелевая работа особых подразделений: возложение на них функций, не связанных непосредственно с противодействием терроризму и экстремизму. К таким функциям мы относим, в частности, охрану общественного порядка, а также выявление преступлений общеуголовной направ-

ленности. Данный феномен исполнения государственной политики может быть связан с тем, что конкретный правоохранительный орган в своей деятельности подменяет понятие «политика государства» понятием «корпоративная (ведомственная) политика». Этот тезис можно отнести не только к подразделениям МВД России, но и к некоторым другим правоохранительным органам.

2. Сокращение служб органов внутренних дел, деятельность которых связана с охраной общественного порядка. Бессистемная кадровая политика государства в данной сфере приводит к снижению фактической эффективности работы ОВД.

3. Отсутствие достаточного числа сотрудников линейных подразделений МВД России в аэропортах и на вокзалах. Эту проблему мы выделяем отдельно, поскольку речь идет об объектах повышенного риска и уязвимости. Здесь, по нашему мнению, нужно поддержать инициативу по созданию специальной службы, которая охраняла бы общественную безопасность непосредственно во время авиарейсов, и ее отнесению в подчинение Министерства юстиции Российской Федерации.

4. Неэффективная иерархия некоторых подразделений МВД России, например Волгоградское линейное управление МВД России на транспорте подчиняется Управлению на транспорте МВД России по Приволжскому федеральному округу (Нижний Новгород).

5. Необходимость качественного улучшения работы участковых уполномоченных полиции с гражданами.

6. Отсутствие координации внутри структур, входящих в Национальный антитеррористический комитет, и иных структур, служб и ведомств, занимающихся противодействием терроризму.

7. Необходимость создания закрытой кольцевой базы информации, к которой имели бы доступ как сотрудники оперативных подразделений, так и участковые уполномоченные полиции и сотрудники патрульно-постовой службы полиции. Это позволит предупреждать совершение террористических актов и повысит уровень общественной безопасности.

8. Формальный характер работы региональных антитеррористических комиссий (во-первых, они дублируются на федеральном уровне, во-вторых, закон не предусматривает их конкретных полномочий, которые можно было бы считать эффективными).

9. Отсутствие четкого контроля за дорожным движением (существование маршрутов объезда контрольных постов дорожно-патрульной службы).

10. Низкий уровень развития гражданского общества.

11. Низкий уровень доверия граждан полиции.

12. Низкий уровень материально-технического оснащения полиции (например, отсутствие в практических подразделениях запатентованных Волгоградской академией МВД России газоанализаторов, позволяющих с большой вероятностью предотвращать теракты).

13. Необходимость работы психологической службы МВД России в местах стратегического значения для анализа поведения граждан, повышение общего уровня психологического образования сотрудников полиции, что позволит видеть скрытую мотивацию либо агрессию.

Кроме того, следует выделить проблемы, которые касаются отдельных полномочий органов местного самоуправления, приводимых в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [13]. Здесь основные сложности состоят в отсутствие:

— полномочий по выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений и иных организаций и физических лиц;

— средств для выявления, пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, борьбы с терроризмом (подзаконных нормативных актов, определяющих механизм реализации указанных полномочий).

Если говорить о вопросах минимизации и ликвидации последствий террористического акта, следует обратиться к ст. 18—21 Федерального закона «О противодействии терроризму», где речь идет о реализации государством компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате преступлений террористического характера. Эти выплаты осуществляются за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В итоге в компетенцию органов местного самоуправления попадает только реализация профилактических мер по предупреждению экстремизма и терроризма. Таким образом, их вклад оказывается чрезвычайно малым [14, с. 58]. Здесь подчеркнем, что само словосочетание «профилактические меры» является слишком абстрактным. Нигде не уточняется, какие именно действия следует предпринять, что конкретно требуется от органов местного самоуправления. При отсутствии ясных формули-

ровок они могут с легкостью свести к минимуму свое участие в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Нужно сказать и о том, что и антитеррористические комиссии не знают, какие требования предъявлять к органам местного самоуправления, какие аспекты их деятельности контролировать.

Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 г. определен состав антитеррористических комиссий, куда включен и представитель законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Имеет смысл обязать его не менее

чем один раз в три месяца делать подробные отчеты о мероприятиях, проводимых органами местного самоуправления в рамках противодействия экстремизму. Кроме того, целесообразно включить в регламент работы комиссии представляемое на утверждение главе Антитеррористического комитета обязательное приглашение на ее заседания представителей отдельных органов местного самоуправления, их заслушивание, результатом которых должно стать организационно-административное решение и/или акт индивидуально-властного применения права.

1. Показатели преступности России: карта. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 09.04.2019).

2. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. (ред. 28.11.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О мерах по противодействию терроризму: указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 (ред. от 29.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Писаренко О. Н. Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10. С. 241—248.

6. Поправки к Конституции США (1798—1971). URL: state-usa.ru (дата обращения: 23.04.2019).

7. Корнилова О. А. Исследование экстремистских настроений в молодежной среде маргиналов // Социально-гуманитарные технологии личностного развития: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.; Самара, 2011. 73 с.

8. Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М., 2010. 27 с.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Памятка СМИ «О соблюдении законодательства Российской Федерации о противодействии экстремизму». URL: 22.rkn.gov.ru (дата обращения: 11.04.2019).

1. Russian crime indicators: map. Available from: http://crimestat.ru/offenses_map. Accessed: 9 April 2019.

2. Federal Law No. 114-FZ of 25 of July 2002 (ed. 28/11/2018). "On countering extremist activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Federal Law No. 35-FZ of 6 March 2006 (ed. 18/04/2018). "On Counteracting Terrorism". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Order of the President of the Russian Federation No. 116 of 15 February 15 2006 (ed. 29/07/2017). "On measures to counter terrorism". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Pisarenko O. N. Terrorism as an extreme form of expression of extremism. Scientific problems of humanitarian studies. 2010; 10: 241—248.

6. Amendments to the USA Constitution (1798—1971). Available from: state-usa.ru. Accessed: 23 April 2019.

7. Kornilova O. A. A study of extremist attitudes among marginalized youth. In: Social-humanitarian technologies of personal development: materials of All-Russia. Scientific practical conference with international participation. St. Petesburg; Samara; 2011: 73 p.

8. Dolgov A. I., Guskov A. Ya., Chuganov E. G. Problems of legal regulation of the fight against extremism and law enforcement practice. Moscow; 2010: 27 p.

9. Federal Law No. 149-FZ of 27 of July 2006 (ed. 18/03/2019). "On information, information technology and information security". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Media reminder. "On compliance with the legislation of the Russian Federation on countering extremism". Available from: 22.rkn.gov.ru. Accessed: 11 April 2019.

11. Коран признан экстремистским. URL: <http://vkorane.info/коран-признан-экстремистским> (дата обращения: 11.04.2019).

12. Статистика решений судов, принятых по жалобам, направленным в порядке ст. 125 УПК РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.04.2019).

13. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Осипова Н. В. Реформа законодательства о противодействии терроризму и экстремизму: борьба со «связанными руками» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1 (83). С. 58—62.

© Редько А. А., Яловенко Т. В.,
Гасанкадиев Т. Г., 2019

Редько Александр Александрович,
начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Яловенко Татьяна Васильевна,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Гасанкадиев Тимур Гасанкадиевич,
оперуполномоченный отдела
уголовного розыска УМВД России
по городу Волгограду,
кандидат юридических наук.

11. The Quran is recognized as extremist. Available from: <http://vkorane.info/quran-recognized-extremist>. Accessed: 11 April 2019.

10. Statistics of court decisions taken on complaints filed according to Art. 125 of the Code of Criminal Procedure. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 11 April 2019.

11. Federal Law No. 131-FZ of 6 October 2003 (ed. 01/05/2019). "On the general principles of organization of local self-government in the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Osipova N. V. Reform of legislation on countering terrorism and extremism: the fight against "bound hands". Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 83 (1): 58—62.

© Redko A. A., Yalovenko T. V.,
Gasankadiev T. G., 2019

Redko Alexander Alexandrovich,
head of the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Yalovenko Tatiana Vasilevna,
associate professor at the department of history
and theory law and state
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Gasankadiev Timur Gasankadievich,
special operations officer
of the Criminal Investigation Department
of the Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Volgograd City,
candidate of juridical sciences.

* * *

УДК 343.228
ББК 67.408.015

DOI 10.25724/VAMVD.HKLM

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров

**НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ:
ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ**

В статье показано несовершенство действующей нормативной базы, регулирующей поведение сотрудников полиции в состоянии необходимой обороны, прежде всего противоречия между уголовно-правовой нормой о равном праве всех на необходимую оборону (ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации) и положениями Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, ограничивающими данное право. Обращено внимание на спорный характер официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по проблемам необходимой обороны сотрудников правоохранительных органов. С использованием практических примеров рассмотрены некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации причинения вреда при необходимой обороне сотрудников полиции в зависимости от характера и степени опасности посягательства (ч. 1 и ч. 2 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации). Сделан вывод о приоритетном характере статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации по сравнению с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ при уголовно-правовой оценке действий сотрудников полиции. Сформулированы предложения по изменению редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19.

Ключевые слова: необходимая оборона, сотрудник полиции, общественно опасное посягательство, обороняющийся, посягающий, превышение пределов необходимой обороны.

N. A. Egorova, A. G. Egorov

SELF-DEFENSE IN POLICE OFFICERS' ACTIVITY: CRIMINAL ASSESSMENT ISSUES

The article demonstrates the imperfection of the current legislative framework, stipulating the norms of behavior for police officers motivated by self-defense, namely, the contradiction between the criminal provisions on the equal right of every person for necessary self-defense (Part 3, Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the provisions of Federal Law No. 3-FZ on the Police as of February 7, 2011, restricting the aforesaid right. The article focuses on the controversial nature of the official explanation from the Plenum of the RF Supreme Court on the necessary self-defense of law-enforcement officers. The case studies represent some issues of legal and criminal denomination of harm inflicted by police officers on offenders in situations of self-defense, depending on the nature and extent of the violation danger (Part 1 and 2, Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation). A conclusion is made that Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation should have priority in relation to Federal Law No. 3-FZ as of February 7, 2011 for police officers' actions subject to criminal and legal assessment. Certain amendments are proposed to be incorporated into Resolution No. 19 of the Plenum of the RF Supreme Court regarding "courts' application of legislation on self-defense and inflicting harm to offender during detention".

Key words: self-defense, police officer, socially dangerous offense, defending, offending person, use of excessive force in self-defense.

Разнообразная и сложная деятельность органов внутренних дел всегда сопряжена, помимо опасности гибели или причинения вреда здоровью сотрудников и вреда правоохраняемым интересам

[1, с. 44], еще и с уголовно-правовыми рисками, т. е. с вероятностью привлечения сотрудников к уголовной ответственности за умышленные или неосторожные преступления, связанные со служ-

бой. Эти преступления могут квалифицироваться как должностные либо общеуголовные деяния. Особое место в системе органов внутренних дел занимает полиция (ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О полиции»)). К основным направлениям ее деятельности относятся защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, а также предупреждение и пресечение преступлений (ст. 2 ФЗ «О полиции»). Для обеспечения данных видов деятельности сотрудники полиции наделены правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Названные факторы повышают риск нарушения сотрудниками полиции действующего законодательства и наступления уголовной ответственности за умышленные преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)). Вместе с тем невыполнение сотрудниками полиции обязанности противодействовать преступности и оказывать помощь каждому, кто нуждается в защите от противоправного посягательства (ч. 1, 2 ст. 1, п. 2 ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции»), является основанием их юридической ответственности (ч. 1, 2 ст. 33 ФЗ «О полиции»). Может возникнуть коллизия, когда отказ от эффективной помощи лицам, подвергшимся общественно опасным посягательствам, был связан с нежеланием сотрудника нарушать положения главы 5 ФЗ «О полиции», детально регламентирующие основания и порядок применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, и бездействие сотрудника полиции было одновременно противоправным (в части невыполнения общей обязанности защищать правоохраняемые интересы) и правомерным (с точки зрения соблюдения указанных положений). В связи с этим актуальны проблемы соотношения положений ст. 37 УК РФ с требованиями ФЗ «О полиции», а также условий правомерности причинения вреда сотрудниками полиции в ситуациях так называемой «беспредельной» необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и необходимой обороны, при которой причиненный вред не должен выходить за определенные пределы (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» 27 сентября 2012 г. от № 19 (далее — ППВС № 19 от 27.09.2012) в определенной степе-

ни разрешило многие вопросы, возникающие на практике при уголовно-правовой оценке действий сотрудников полиции, причинивших вред правоохраняемым интересам при необходимой обороне. Однако отдельные положения этого документа противоречивы, в практике применения ст. 37 УК РФ в целом преобладает обвинительный уклон [2, с. 67]; [3, с. 40—41]. Так, в 2016 г. за убийство при превышении пределов необходимой обороны (по ч. 1 ст. 108 УК РФ как основной статье) были осуждены 286 человек, оправданы — 4; осуждены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (по ч. 1 ст. 114 УК РФ как основной статье) — 568 человек, оправданы — 3 [4]; в 2017 г. по ч. 1 ст. 108 УК РФ осуждены 263 человека, оправданы — 2; по ч. 1 ст. 114 УК РФ осуждены 592 человека, оправданы — 4 [5].

К сожалению, научные исследования сами по себе не способны изменить сложившееся положение и гарантировать правильную уголовно-правовую оценку поведения сотрудников полиции в каждой конкретной ситуации.

В части 3 ст. 37 УК РФ провозглашено равное для всех обороняющихся право на необходимую оборону. С констатации равного для всех права на необходимую оборону начинается и текст ППВС № 19 от 27.09.2012. Это означает одинаковые для всех субъектов основания для возникновения права на необходимую оборону и единые условия правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны (причем независимо от совершения оборонительных действий в обычной обстановке или в условиях чрезвычайного положения [6, с. 229]), поэтому выглядит излишне категоричным вывод Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что «правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.)» (п. 6 ППВС № 19 от 27.09.2012). Согласившись с этим, признаем, что сотрудники полиции в принципе не могут находиться в состоянии необходимой обороны, что, конечно же, не так (см. например ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции»), либо будем искать какие-то иные варианты толкования данного разъяснения [7, с. 285]; [8, с. 65].

Затрагивая вопрос о необходимой обороне так называемых специальных субъектов, Н. А. Лопашенко полагает, что «пределы служебной обязанности по защите законных интересов и пределы права на необходимую оборону далеко не совпадают. Первые — гораздо уже, хотя бы потому, что имеют своим объектом защиту конкретного права... или пресечение правонарушений; жестко регламентированы в законе (например, применение оружия); направлены только на защиту интересов, не имеющих отношения к личным интересам лица, наделенного служебными полномочиями по защите правоохраняемых интересов. Поэтому все, остающееся за пределами служебной обязанности по защите законных интересов, относится к праву на необходимую оборону» [9, с. 497—498].

Согласиться с приведенным мнением нельзя, поскольку в нем разграничиваются необходимая оборона при защите своих личных интересов и необходимая оборона при защите всех остальных законных интересов, что не предусмотрено в ст. 37 УК РФ.

А. Н. Попов считает, что «если должностное лицо нарушило требования нормативных актов, предусматривающих *основания* применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, т. е. когда не возникло право на необходимую оборону, то оно не может привлекаться к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Если должностное лицо нарушило требования нормативных актов, предусматривающих *порядок* применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, то ответственность за превышение пределов необходимой обороны возможна» [10]. Данная позиция вызывает возражения по следующим причинам: 1) применительно к полицейским основания возникновения права на необходимую оборону (два вида общественно опасного посягательства, указанные в ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ) подменяются основаниями применения оружия, специальных средств, физической силы; 2) автор связывает возможность превышения пределов необходимой обороны ее специальными субъектами только с нарушениями порядка применения средств защиты, в то время как превышение пределов необходимой обороны подразумевает явное несоответствие действий обороняющегося «характеру и опасности посягательства» (ч. 2 ст. 37 УК РФ), т. е. может иметь место превышение пределов необходимой обороны, выразившееся в неадекватно-

сти причиненного вреда признакам самого общественно опасного посягательства.

В частях 1, 2 и 2.1 ст. 37 УК РФ не предусмотрено каких-либо ограничений действий обороняющегося, связанных с использованием им тех или иных орудий и средств защиты от общественно опасного посягательства, половозрастными или иными особенностями посягающего, объектом посягательства и пр. Отсутствуют такие ограничения и в нормативных правовых актах других отраслей права. Для констатации правомерного характера поведения обычного гражданина в состоянии необходимой обороны достаточно установления хорошо известных двух групп условий правомерности причинения вреда — относящихся к посягательству и относящихся к защите от посягательства [2, с. 85—128]; [11, с. 272].

Применительно к необходимой обороне в деятельности сотрудников полиции ситуация иная. По сравнению с другими обороняющимися сотрудники полиции при защите правоохраняемых интересов не свободны в выборе средств и способов защиты. Так, в ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» закреплена обязанность сотрудника полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия стремиться к минимизации любого ущерба, что не является обязательным для обычных граждан. В отличие от общих субъектов права на необходимую оборону сотрудник полиции вправе применять физическую силу, если «несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей» (ч. 1 ст. 20 ФЗ «О полиции»). В части 2 ст. 22 ФЗ «О полиции» предусмотрен ряд ограничений на применение специальных средств, а в ч. 5, 6 ст. 23 этого же закона — на применение огнестрельного оружия, неизвестных уголовно-правовым нормам о необходимой обороне [12, с. 5—6]. Подобные противоречия имели место и в период действия Закона Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 [13].

Следование приведенным положениям ФЗ «О полиции» при необходимой обороне фактически означало бы серьезное ограничение действия ст. 37 УК РФ в отношении сотрудников полиции, что запрещено ч. 3 этой же статьи. В сочетании с требованием «минимизации любого ущерба» (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции») необходимая оборона в деятельности полицейских трансформировалась бы в подобие крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), причем с более строгими, чем в уголовном законе, условиями правомерности действий причинителя вреда (по смыслу ч. 2 ст. 39 УК РФ причиненный

вред должен быть меньше предотвращенного, но при этом необязательно минимальным из возможных).

В пункте 28 ППВС № 19 от 27.09.2012 дано следующее разъяснение: «Сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, *не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы* (курсив авторов — Н. Е., А. Е.)». Далее в том же пункте допускается отступление от этого правила, если «исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия (экологическую катастрофу, совершение диверсии и т. п.)». Вроде бы, это свидетельствует о признании высшей судебной инстанцией приоритетности уголовного закона при решении вопроса об уголовной ответственности сотрудников полиции, действовавших в состоянии необходимой обороны. Однако нельзя не обратить внимания на формулировки о «непосредственной опасности для жизни людей» или «иных тяжких последствиях». Первая из них вызывает вопросы о количестве лиц, жизни которых подвергались опасности, и о правомерности включения в круг таких лиц самого обороняющегося сотрудника полиции; вторая — о том, какие тяжкие последствия имеются в виду: только сопоставимые с экологической катастрофой или диверсией либо также менее масштабные (например, опасность причинения тяжкого вреда здоровью одного человека). Сказанное дает основания для вывода об ограничительной противоречащей ч. 3 ст. 37 УК РФ трактовке Пленумом Верховного Суда Российской Федерации права сотрудников полиции на необходимую оборону.

Примечательно, что согласно ч. 9 ст. 19 ФЗ «О полиции» сотрудник полиции не подлежит ответственности «за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия

осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». К упомянутым «другим федеральным законам» допустимо отнести и УК РФ, который хотя и не регламентирует подробно основания и порядок применения физической силы и указанных предметов, но в ст. 37 устанавливает общие для всех «параметры» поведения при необходимой обороне.

Представляется, что ст. 37 УК РФ содержит нормы прямого действия, диспозиции ее ч. 1, 2, и 2.1 не являются бланкетными, и нарушение уголовного законодательства (в нашем случае — ФЗ «О полиции») автоматически не влечет постановки вопроса об уголовной ответственности нарушителя (хотя не исключает иных видов юридической ответственности, например дисциплинарную, поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что в ФЗ «О полиции» конкретизируются пределы необходимой обороны «по отношению к некоторым правовым ситуациям») [8, с. 64]. Некорректен, на наш взгляд, и вывод о «большей юридической силе» УК РФ по отношению к ФЗ «О полиции» [14, с. 23]. Как известно, оба рассматриваемых нормативных правовых акта являются федеральными законами, и дело не в юридической силе, а в сфере действия каждого из них. Таким образом, при решении вопроса об уголовной ответственности сотрудников полиции за нарушение условий правомерности необходимой обороны следует руководствоваться прежде всего уголовным законом [15, с. 86]; [16, с. 145]. Несоблюдение сотрудником требований главы 5 ФЗ «О полиции» само по себе не дает оснований для того, чтобы усматривать в содеянном состав преступления, связанного с превышением пределов необходимой обороны [17, с. 85].

Сказанное не означает, что сотрудникам полиции рекомендуется игнорирование основного федерального закона, регулирующего их деятельность. Он выполняет важную функцию поддержания баланса интересов государства в лице его представителей (полицейских) и гражданского общества, что невозможно без установления четких и понятных любому границ поведения сотрудников полиции. ФЗ «О полиции» направлен также на предотвращение правонарушений сотрудников, связанных с выходом за пределы служебных полномочий, поэтому любое расширение пределов дозволенного поведения сотрудников полиции в данном законе неизбежно повлечет негативную реакцию

общественности, усиливаемую средствами массовой информации, склонными делать акцент на репрессивной составляющей в деятельности силовых структур [18]; [19]. Тем не менее нарушение положений главы 5 ФЗ «О полиции» в рамках необходимой обороны исключает уголовную ответственность при выполнении условий, предусмотренных ст. 37 УК РФ.

Изучение судебной практики показывает, что обвинительные приговоры по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ в отношении сотрудников полиции встречаются редко [20]; [21]; [22]; [23], вероятно, одной из причин является досудебная оценка поведения обороняющихся как неправомерного, следствием чего становятся процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовных дел либо об их прекращении. Однако это не свидетельствует об отсутствии сложностей юридической оценки служебной деятельности полицейских в состоянии необходимой обороны. Так, по данным социологического исследования, проведенного К. А. Волковым, значительное большинство респондентов — сотрудников полиции (72 %) считают проблему необходимой обороны в своей деятельности «очень сложной» [15, с. 82]. В значительной мере это связано с традиционной проблематикой уголовно-правового учения о необходимой обороне. В части 1 ст. 37 УК РФ речь идет о необходимой обороне от общественно опасного посягательства, сопряженного «с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Посягательством такого рода может быть признано и деяние, совершенное лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, страдающими психическими расстройствами, исключаящими вменяемость. Ни уголовный закон, ни ФЗ «О полиции» не ограничивают право сотрудников полиции на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, совершенных такими лицами (п. 5 ППВС № 19 от 27.09.2012).

27 июля 2017 г. Л., находясь на лестничной площадке дома, увидев прибывших сотрудников полиции, бросил в их сторону зажигалку в форме ручной противопехотной осколочной гранаты, после чего напал с ножом на женщину — сотрудника полиции, причинив ранение кисти правой руки, нанес один удар ножом мужчине (также сотруднику полиции), причинив ему ранение левого бедра. Продолжая преступные действия, Л. схватил за шею женщину и выхватил из находившейся на ее форменном обмундировании кобуры табельное огнестрельное оружие, после

чего приставил пистолет к голове потерпевшей и вместе с ней покинул подъезд дома, продолжив движение в направлении детского парка. По пути следования злоумышленник совершил несколько выстрелов по сторонам, создав реальную угрозу жизни и здоровью прибывшим на подмогу полицейским и гражданским лицам. Продолжая следование с захваченной потерпевшей, Л. направился в сторону центрального парка города, где был обезоружен и задержан сотрудниками полиции и Росгвардии. Получена информация о самовольном уходе Л. из психиатрической больницы, где он находился на стационарном лечении [24].

В приведенном примере независимо от достоверности информации о психическом заболевании Л., а также его вменяемости сотрудники полиции обладали правом на необходимую оборону, предусмотренную ч. 1 ст. 37 УК РФ.

Необходимая оборона сотрудников полиции осуществляется в строгих временных рамках: с момента начала посягательства до момента его окончания. Несоблюдение этого требования (так называемая «преждевременная» или, наоборот, «запоздалая» оборона) не может оцениваться по правилам ст. 37 УК РФ и влечет уголовную ответственность сотрудника (например, по ст. 286, 105, 111, 112 УК РФ). Точное определение начального и конечного моментов посягательства нередко вызывает сложности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал (правда, применительно к посягательству, не сопряженному с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, хотя эти разъяснения справедливы и для необходимой обороны от любого посягательства), что «состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, ...но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства» (п. 3 ППВС № 19 от 27.09.2012). Таким образом, время возникновения права на необходимую оборону совпадает с моментом создания реальной угрозы общественно опасного посягательства. Следовательно, именно начиная с этого момента у сотрудника полиции возникает право на причинение вреда посягающему. Такой вывод согласуется с ч. 2 ст. 19 ФЗ «О полиции», которая гласит, что «сотрудник полиции имеет право не предупреждать о своем намерении применить физиче-

скую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, если промедление в их применении создает непосредственную угрозу жизни и здоровью гражданина или сотрудника полиции либо может повлечь иные тяжкие последствия».

Если сотрудник осуществляет право на необходимую оборону в составе подразделения (группы), то он в случаях применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия руководствуется приказами и распоряжениями руководителя этого подразделения (группы), т. е. на этого сотрудника в полной мере распространяется действие ст. 42 УК РФ. Правильно определить момент начала общественно опасного посягательства обязан руководитель подразделения (группы). Если незаконность его приказа неочевидна для сотрудника полиции, входящего в состав подразделения (группы), уголовная ответственность исполнителя приказа (распоряжения) исключается (ч. 1 ст. 42 УК РФ). К ответственности за умышленное преступление против жизни или здоровья может быть привлечен руководитель подразделения (группы), отдавший заведомо незаконный приказ (распоряжение) (ч. 1 ст. 42 УК РФ).

Не менее важен для уголовно-правовой оценки действий сотрудников органов внутренних дел и момент окончания общественно опасного посягательства, после наступления которого необходимая оборона невозможна (п. 7 ППВС № 19 от 27.09.2012). При осуществлении сотрудником полиции необходимой обороны в составе подразделения (группы) обязанность правильного определения момента окончания общественно опасного посягательства также возлагается на руководителя данного подразделения (группы).

По смыслу ч. 1 ст. 37 УК РФ необходимая оборона от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не ограничена какими-либо пределами, т. е. обороняющийся вправе причинить посягающему любой вред (в том числе смерть). Этому выводу применительно к деятельности сотрудников полиции корреспондируют положения ФЗ «О полиции» о праве сотрудника при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия использовать любые подручные средства, а также иное не состоящее на вооружении полиции оружие (ч. 3 ст. 18); применять физическую силу для пресечения преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 20), специальные средства для отражения нападения на гражданина или сотрудника полиции, пресечения преступ-

ления (п. 1, 2 ч. 1 ст. 21); огнестрельное оружие для защиты другого лица либо самого себя от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни или здоровья; для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан (п. 1, 6 ч. 1 ст. 23).

Запреты и ограничения, предусмотренные ст. 22 ФЗ «О полиции», с учетом универсальности ст. 37 УК РФ не распространяются на случаи необходимой обороны рассматриваемого вида, поскольку при «беспредельной» обороне обороняющийся вправе причинить любой вред посягающему. Так, запрещено «нанесение человеку ударов палкой специальной по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам, в область проекции сердца» (п. 1 ч. 2 ст. 22). Однако, например, нанесение удара палкой специальной по голове вооруженного преступника для пресечения его нападения на граждан при соблюдении условий, предусмотренных ч. 1 ст. 37 УК РФ, не является уголовно наказуемым деянием (см. также ч. 5 ст. 22, ч. 1 ст. 23). В пользу этого свидетельствует и норма о том, что «сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления» (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции»). Закрепленное далее правило, согласно которому «сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба», не означает, что сотрудник, причинивший смерть посягающему (максимально возможный вред), совершил преступление. Требование минимизации ущерба не всегда выполнимо, и его несоблюдение не нарушает ч. 1 ст. 37 УК РФ.

Запрет, содержащийся в ч. 5 ст. 23 ФЗ «О полиции» (применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции), в ситуации «беспредельной» необходимой обороны утрачивает свое значение, что подтверждается оговоркой «за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотруд-

ника полиции». В конкретных случаях с учетом нормы ч. 3 ст. 37 УК РФ возможно применение огнестрельного оружия в отношении указанных лиц и при посягательствах, не являющихся вооруженными или групповыми (например, в отношении несовершеннолетнего или инвалида, который, не имея оружия или предметов, используемых в качестве такового, пытается задушить или утопить свою жертву, сбросить ее с большой высоты, из движущегося с большой скоростью транспортного средства и т. п.).

Ни часть 1 ст. 37 УК РФ, ни ФЗ «О полиции» не содержат требования равенства орудий и средств посягательства и защиты. Так, сотрудник полиции вправе применить огнестрельное оружие, в частности для защиты от вооруженного нападения (п. 6 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»). При этом согласно ч. 2 ст. 23. вооруженным нападением признается нападение «с использованием оружия любого вида, либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием и внешне неотличимых от него, либо предметов, веществ и механизмов, при помощи которых могут быть причинены тяжкий вред здоровью или смерть», следовательно, правомерны действия сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие против нападавших, вооруженных холодным оружием, или предметами, используемыми в качестве оружия (ножами, палками [25], осколками стекла [26]), или даже ничем не вооруженных, если посягательство обладало признаками, указанными в ч. 1 ст. 37 УК РФ.

Безразлично для ч. 1 ст. 37 УК РФ и правило ч. 6 ст. 23 ФЗ «О полиции» о неправомочности применения огнестрельного оружия «при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица». Если, отражая общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, сотрудник в общественном месте и при значительном количестве людей применил огнестрельное оружие, и причинил вред (включая лишение жизни) только посягающему, а иные лица не пострадали, поведение сотрудника не нарушает условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

В части 2 ст. 37 УК РФ урегулирована защита от посягательства, «не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Такая защита правомерна, если «не было допущено превышения пределов

необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства». К посягательствам, подразумеваемым в данной норме, Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит, например, «побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья» (п. 3 ППВС № 19 от 27.09.2012). Кроме того, в п. 3 ППВС № 19 от 27.09.2012 к подобным посягательствам отнесены неосторожные преступления, что представляется спорным решением. На наш взгляд, необходимая оборона сотрудников полиции (как и любых других субъектов права на необходимую оборону) от неосторожных преступлений невозможна. Во-первых, потому что все неосторожные преступления имеют материальные составы, и на момент совершения действий (бездействия), которые могут повлечь общественно опасные последствия, такие акты поведения еще нельзя однозначно охарактеризовать как общественно опасные посягательства. Во-вторых, при совершении неосторожных преступлений поведение, способное повлечь указанные последствия, не имеет субъективной направленности на причинение именно преступного вреда, что тоже препятствует оценке этих деяний как общественно опасных посягательств.

Отсутствие опасности посягательства для жизни должно быть очевидно для обороняющегося, в противном случае правила ч. 2 ст. 37 УК РФ неприменимы. Неустранимые сомнения должны толковаться в пользу сотрудника полиции.

Приговором суда первой инстанции участковый уполномоченный полиции М. признан виновным в убийстве К-ва. Как следует из материалов дела, 1 января 2013 г. М. употреблял спиртные напитки вместе с К-м. В ходе совместного распития спиртного между М. и К-м произошла ссора. На почве возникших личных неприязненных отношений М. в целях лишения жизни К-ва умышленно нанес ему не менее одиннадцати ударов стулом по голове и двадцати ударов по туловищу и конечностям. Затем связал потерпевшему руки и ноги в целях пресечения его попыток покинуть место происшествия. От полученных телесных повреждений в виде тупой травмы головы, вызвавшей массивную кровопотерю, К-в скончался на месте происшествия.

В судебном заседании подсудимый М. признал себя виновным частично и пояснил, что не имел умысла на убийство, а лишь защищался от нападения К-ва. Проверив материалы дела, обсудив

доводы апелляционных жалоб, судебная коллегия нашла приговор суда первой инстанции в отношении М. подлежащим отмене в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Доказательства, исследованные в ходе судебного разбирательства и приведенные в приговоре, в своей совокупности подтверждают причастность М. к причинению смерти К-ву, чего не отрицает и сам осужденный, однако они с достоверностью не опровергают его версию об оборонительном характере его действий. Проанализировав все представленные суду доказательства, суд апелляционной инстанции установил, что инициатором конфликта был К-в, который первым применил насилие, ударив М. вилкой в правое предплечье и кулаком по голове, повалил на пол и стал душить его руками, а затем напал на него с ножом. Указанные действия К-ва в момент их совершения создавали реальную опасность для жизни М. Действия М. по применению насилия в отношении К-ва были совершены в ответ на неожиданное для него нападение в целях защиты своей жизни и здоровья, т. е. носили оборонительный характер. Судебная коллегия пришла к выводу, что действия М. образуют состав преступления и подлежат квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны [27].

Из приведенной фабулы видно, что посягательство К-ва было сопряжено с насилием, опасным для жизни сотрудника полиции М. Несмотря на недостойное поведение самого участкового уполномоченного полиции М. до начала общественно опасного посягательства (распитие спиртных напитков), это не лишало М. права на необходимую оборону, предусмотренную ч. 1 ст. 37 УК РФ.

Одна из особенностей превышения пределов необходимой обороны заключается в его умышленном характере: несоразмерность посягательства и защиты от него должна быть явной, очевидной для обороняющегося, в противном случае ответственность за превышение пределов необходимой обороны исключается (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ). Так, не всегда возможно объективно оценить нападение с использованием неисправного оружия или предметов, внешне напоминающих оружие; групповое нападение и т. п., когда обстоятельства происшествия дают основания обороняющемуся опасаться за свою жизнь или жизнь других лиц.

15 марта 2015 г. сотрудник полиции во внеслужебное время на своем автомобиле подъехал к сауне, расположенной на территории поселка «Полигон» в г. Улан-Удэ. Там он встретился со своим знакомым. Через несколько минут на стоянку, где находились машины сотрудника полиции и его знакомого, подъехал еще один автомобиль, из которого выбежали несколько человек в масках с пистолетами и палками. Один из вооруженных неизвестных разбил окно в машине сотрудника и через проем стал угрожать пистолетом полицейскому, сидевшему на водительском сиденье. В этот момент сотрудник выхватил у нападавшего оружие и находящимся у него в руке ножом через разбитое окно нанес нападавшему удар в живот. Нападавший скончался. После этого сотрудник полиции на своей машине убыл с места происшествия. Установлено, что пистолет, с которым было совершено нападение на сотрудника, является пневматическим оружием, не пригодным для стрельбы [28].

В подобных ситуациях при условиях, предусмотренных ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, в действиях сотрудников полиции нельзя усмотреть состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ.

В завершение можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Несоблюдение сотрудниками полиции требований ФЗ «О полиции» об основаниях и условиях применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия не всегда означает нарушение уголовно-правовых запретов.

2. Сотрудники полиции имеют равное со всеми иными лицами право на необходимую оборону, т. е. при уголовно-правовой оценке действий сотрудников, причинивших вред в состоянии необходимой обороны, приоритетом обладает уголовный закон (ст. 37 УК РФ). Это должно найти отражение в ППВС № 19 от 27.09.2012, в связи с чем из данного постановления следует исключить п. 6; абз. 2 п. 28 изложить в следующей редакции: «Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением установленных действующим законодательством оснований и порядка их применения, если при этом были соблюдены положения статей 37 и 38 УК РФ».

1. Бабурин В. В., Черемнова Н. А. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 42—51.
2. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб: СПб ГКА, 2007. 722 с.
3. Перцев Д. В. Необходимая оборона: вопросы теории и судебной практики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 36—41.
4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2016 год (форма № 10-а). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 25.12.2018).
5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2017 год (форма № 10-а). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 25.12.2018).
6. Бытко Ю. И. Закон против «майдана» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 220—230.
7. Бикмашев В. А. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: надежды и разочарования // Современные проблемы уголовной политики: материалы III междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. С. 281—287.
8. Гончар В. В. Некоторые аспекты реализации права на необходимую оборону // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 8. С. 62—67.
9. Лопашенко Н. А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. 544 с.
10. Попов А. Н. О применении законодательства о необходимой обороне в новых разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.procuror.spb.ru/k1103.html> (дата обращения: 12.12.2018).
11. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М.: Проспект, 2016. 488 с.
12. Гончар В. В. Особенности реализации права на необходимую оборону сотрудниками правоохранительных органов // Современная наука. 2014. № 3. С. 4—8.

1. Baburin V. V., Cheremnova N. A. Meaning of the provisions of Resolution of Plenum of the RF Supreme Court No. 19 dated September 27, 2012, for law enforcement officers acting in case of self-defense. Legal science and law enforcement practice. 2014; 2: 42—51.
2. Encyclopedia of criminal law. Vol. 7. Circumstances excluding criminality. St. Petersburg: City Bar Association; 2007.
3. Pertsev D. V. Self-defense: theory and judicial practice. Newsletter of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2016; 4: 6—41.
4. Report on number of convicted persons for all consistent elements of crime of Criminal Code of the Russian Federation for 2016 (form № 10-a). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>. Accessed: 25 December 2018.
5. Report on number of convicted persons for all consistent elements of crime of Criminal Code of the Russian Federation for 2017 (form № 10-a). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>. Accessed: 25 December 2018.
6. Bytko Yu. I. Law against Maidan. Newsletter of Saratov State Academy of Law. 2014; 3: 220—230.
7. Bikmashev V.A. Resolution of Plenum of the RF Supreme Court No. 19 On courts' application of legislation regarding self-defense and harm infliction in the course of detention of a person committed a crime: hopes and disappointments. In: Current issues of criminal policy: materials of III International scientific and research conference. Edited by A. N. Ilyashenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2012: 281—287.
8. Gonchar V. V. Some aspects of enforcement of the right for self-defense. Newsletter of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014; 8: 62—67.
9. Lopachenko N. A. Murders. Moscow: Yurilitinform; 2013: 544 p.
10. Popov A. N. On application of legislation regarding self-defense in the new explanations of Plenum of the RF Supreme Court. Available from: <http://www.procuror.spb.ru/k1103.html>. Accessed: 12 December 2018.
11. Current issues of criminal law. Series of lectures. Edited by O. S. Kapinus. Moscow: Prospect; 2016: 488 p.
12. Gonchar V. V. Peculiarities of enforcement of the right for self-defense by law enforcement officers. Sovremennaya nauka. 2014; 3: 4—8.

13. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С. В. Борисов [и др.]. М.: Юриспруденция, 2012.
14. Кузьменков В. А., Рудакова Ю. С. Необходимая оборона в деятельности сотрудника полиции: правовые, философские и ценностные аспекты // *Философия права*. 2018. № 1. С. 22—27.
15. Волков К. А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизийные проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2013. № 2. С. 81—87.
16. Кокорин Д. Л. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в деятельности полиции // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2016. № 2. С. 143—145.
17. Хун А. З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности полиции // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2015. № 4. С. 84—87.
18. Минева Ю. Новый «закон садистов». Госдума разрешила ФСБ стрелять по толпе, женщинам и детям. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/22/66902-novyy-171-zakon-sadistov-187> (дата обращения: 19.12.2018).
19. Калинина Н. Российским полицейским разрешат открывать огонь в толпе и стрелять по женщинам. URL: <https://ura.news/news/1052284999> (дата обращения: 19.12.2018).
20. Справка по результатам изучения практики применения судами норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=445 (дата обращения: 20.12.2018).
21. Справка по результатам изучения практики применения судами норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния (статьи 37—42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 году — первом полугодии 2011 года. URL: http://ulobsud.ru/index.php?id=2621&option=com_content&task=view (дата обращения: 20.12.2018).
22. Обобщение Красноярского краевого суда от 22 декабря 2011 г. URL: <http://www.ourcourt.ru/krasnojarskij-kraevoj-sud/2011/12/22/662014.htm> (дата обращения: 20.12.2018).
23. Обобщение судебной практики по применению судами Сахалинской области норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния, предусмотренных
13. Borisov S. V., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. (et al). Self-defense, extreme necessity, detention of a criminal (legal assessment of police officer's actions). Moscow: Yurisprudentsia; 2012.
14. Kuzmenkov V. A., Rudakova Yu. S. Self-defense in police officer's activity: legal, philosophical and value-based aspects. *Filosofia prava*. 2018; 1: 22—27.
15. Volkov K. A. Police activity in fighting against crime: conflict issues of legal regulation of self-defense and legal and criminal detention. *Criminological journal of Baikal State University of Economics and Law*. 2013; 2: 81—87.
16. Kokorin D. L. Circumstances excluding crime in police activity. Newsletter of Tyumen Institute of Advanced Training for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 2: 143—145.
17. Khun A. Z. Issues of legal regulation of self-defense in police activity. Newsletter of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 4: 84—87.
18. Mineeva Yu. New "Sadists' law". The State Duma allowed the Federal Security Service (FSB) to shoot at crowds, women and children. Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/22/66902-novyy-171-zakon-sadistov-187>. Accessed: 19 December 2018.
19. Kalinina N. Russian policemen will be allowed to open fire in crowd and shot at women. Available from: <https://ura.news/news/1052284999>. Accessed: 19 December 2018.
20. Summary on the results of study of practice in courts' application of law on self-defense and other circumstance excluding a crime. Available from: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=445. Accessed: 20 December 2018.
21. Summary on the results of study of practice in courts' application of law on self-defense and other circumstance excluding a crime (Articles 37—42 of the RF Criminal Law) based on the cases considered in 2009 — H1 of 2011. Available from: http://ulobsud.ru/index.php?id=2621&option=com_content&task=view Accessed: 20 December 2018.
22. Case law analysis of Krasnoyarsk Regional Court as of December 22, 2011. Available from: <http://www.ourcourt.ru/krasnojarskij-kraevoj-sud/2011/12/22/662014.htm>. Accessed: 20 December 2018.
23. Case law analysis on application by Sakhalin oblast courts of law on self-defense and other circumstance excluding a crime set forth in Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on the cases considered in 2009 — H1 of 2011. Available from: <http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?>

ренных главой 8 УК РФ, по делам, рассмотренным в 2009 году – первом полугодии 2011 года. URL: http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=143 (дата обращения: 25.12.2018).

24. В Орле задержан по подозрению в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений пациент психиатрической больницы. URL: <http://orel.sledcom.ru/news/item/1153426/> (дата обращения: 15.12.2018).

25. Московскому полицейскому пришлось стрелять в вора, напавшего на него с ножом. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26353.4/3235093/> (дата обращения: 30.12.2018).

26. Полицейский в Москве применил оружие в отношении напавшего на него с куском стекла мужчины. URL: <http://tass.ru/moskva/4460887> (дата обращения: 22.12.2018).

27. Сотрудник полиции осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. URL: http://vs.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=596 (дата обращения: 30.12.2018).

28. В Железнодорожном районе расследуется уголовное дело в отношении сотрудника полиции, подозреваемого в убийстве молодого человека // URL: <http://buriatia.sledcom.ru/news/item/904676/> (дата обращения: 30.12.2018).

name=docum_sud&id=143. Accessed: 25 December 2018.

24. In Orel a patient of a psychiatric clinic was detained on the charges of a range of serious and extremely serious crimes. Available from: <http://orel.sledcom.ru/news/item/1153426>. Accessed: 15 December 2018.

25. Moscow policemen was forced to shoot at a thief attacked him with a knife. Available from: <https://www.msk.kp.ru/daily/26353.4/3235093>. Accessed: 30 December 2018.

26. In Moscow a policeman used a weapon for a man attacked him with a piece of glass. Available from: <http://tass.ru/moskva/4460887>. Accessed: 22 December 2018.

27. A police officer was convicted of murder committed using excessive self-defense. Available from: http://vs.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=596. Accessed: 30 December 2018.

28. In Zheleznodorozhny district a criminal case against a police officer charged with a murder of a young man is being under investigation. Available from: <http://buriatia.sledcom.ru/news/item/904676>. Accessed: 30 December 2018.

© Egorova N. A., Egorov G. A., 2019

© Егорова Н. А., Егоров А. Г., 2019

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nutego.ucoz.com

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: nutego.ucoz.com

Egorova Natalia Alexandrovna,
professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nutego.ucoz.com

Egorov Alexander Georgievich,
professor at the department
of foundations of expert criminalistic activity
of the educational and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: nutego.ucoz.com

* * *

УДК 343.341.2
ББК 67.408.13

DOI 10.25724/VAMVD.HLMN

А. А. Лихолетов, М. У. Михайлов

**НОВОЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
В ЧАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ проведена очередная модернизация уголовного законодательства, направленная на повышение эффективности борьбы с организованными преступными формированиями. Так, внесены существенные изменения в ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, он был дополнен новой нормой, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу о наличии ряда недостатков новой редакции, которые могут привести к возникновению отдельных трудностей у правоприменителя при квалификации деяний по ст. 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности связанных с определением признаков «высшего положения в преступной иерархии». В результате формулируется заключение о целесообразности дополнения ст. 210.1 соответствующим примечанием и необходимости включения специального основания освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии, организованная преступность, преступная организация, преступное сообщество.

A. A. Likholetov, M. U. Mikhailov

**NOVELTIES IN THE CRIMINAL CODE
IN PART RELATED TO COUNTERACTING THE ORGANIZED CRIME:
PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION**

The Federal Law No. 46-FZ of 1 April 2019 "On Amendments to Criminal Code of the Russian Federation and Criminal Procedural Code of the Russian Federation in part related to counteracting the organized crime" carried out the regular modernization of the criminal law aimed at improving the effectiveness of fighting organized criminal groups. Thus, significant amendments have been made into Art. 210 of Criminal Code of the Russian Federation. In addition, Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented with a new standard providing for responsibility to occupy a higher position in any criminal hierarchy. Based on the study to have been made, the authors conclude that there is a number of lacks in the new edition and it can be difficult for a law enforcement officer while qualifying the acts under Art. 210 and 210.1 of Criminal Code of the Russian Federation, especially those ones to be associated with the identification of specifics of «a higher position in the criminal hierarchy». As a result, the authors point out the necessity to add a corresponding note and a special basis for discharging from criminal liability into Art. 210.1.

Key words: a higher position in the criminal hierarchy, organized crime, criminal organization, criminal community.

В настоящее время с учетом сложившихся геополитических реалий одной из масштабных угроз социально-экономической стабильности и национальной безопасности Российской Федерации является организованная преступность. В связи с этим нельзя согласиться с мнением В. А. Волколуповой о том, что уголовная ответственность — крайнее

средство, используемое для борьбы с преступностью [1, с. 218]. Изложенные обстоятельства обуславливают задачи уголовного законодательства, в том числе охватывающие сферу общественной безопасности.

Наблюдается следующая динамика учтенных преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовно-

го кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В 2014 г. в России всего было зарегистрировано 255 преступлений данного вида, в 2015 г. — 285, в 2016 г. — 252, в 2017 г. — 198, в 2018 г. — 274 [2]. Однако в результате анализа статистических данных можно отметить, что на территории России число осужденных по ст. 210 УК РФ за 2014 г. составляет 165, за 2015 г. — 219, за 2016 г. — 165, за 2017 г. — 156 [2]. В 2018 г. за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) осуждены 149 человек [3]. Следует обратить внимание на то, что за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ, был осужден только один человек.

С учетом характера и степени общественной опасности рассматриваемого преступного деяния, а также возникшей необходимости расширения законодательных мер по борьбе с организованной преступной деятельностью и ее лидерами в законодательный орган нашей страны Президентом Российской Федерации был внесен проект Федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)», который был принят 1 апреля 2019 г. и вступил в силу с 12 апреля 2019 г. [4].

При анализе ст. 210 УК РФ нельзя не отметить, что законодателем так и не был решен вопрос о соотношении понятий преступной организации и преступного сообщества. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 (далее — ППВС № 12) не устанавливает существенных различий между данными понятиями [5]. Проведенный этимологический анализ показывает, что различия содержания терминов «сообщество» и «организация» существенны. Так, сообществом считается «объединение людей, народов, государств, имеющих общие интересы и цели», а организация определяется как «общественное объединение государств или лиц» либо как «характер строения, устройства» [6, с. 1235].

В настоящее время в науке существуют два основных подхода к решению рассматриваемой проблемы. Сторонники первого выступают за отождествление дефиниций «преступное сообщество» и «преступная организация». Например, Е. А. Гришко полагает, что в них заложен один и тот же смысл и их дифференциация не имеет уголовно-правового значения, поскольку с позиции уголовного права преступное сообщество — это синоним преступной организации, представляющей собой

особый вид организованной группы [7, с. 19]. Приверженцы второго подхода разграничивают данные понятия. По мнению В. Константинова, организация — более широкое и сложное понятие, так как не каждое сообщество людей может быть организацией, но при этом всякая организация есть сообщество [8, с. 41]. В результате изучения названных правовых категорий можно прийти к выводу о том, что «преступная организация» имеет более структурированную основу своей деятельности, строгую дисциплину. Кроме того, представляется, что законодатель преследовал определенную цель, не ограничившись одним видом преступного формирования. На основании изложенного полагаем, что данное отличие, безусловно, должно быть отражено в законодательной форме. Считаем также, что отождествление наименований «преступное сообщество» и «преступная организация» лишь усложнит восприятие текста уголовного закона, что приведет к его произвольному толкованию. История свидетельствует о том, что определение «преступное сообщество» применялось к общеуголовной преступности*, а понятие криминальной организации — к преступлениям, совершаемым по мотивам, связанным с политикой и государством [9].

Относительно изменений, внесенных в ст. 210 УК РФ, необходимо отметить, что объективная сторона рассматриваемого состава преступления представлена альтернативно такими действиями, как:

- создание преступного сообщества (преступной организации);
- руководство преступным сообществом (преступной организацией);
- руководство входящими в него (нее) структурными подразделениями;
- координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами;
- раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами.

Рассматривая объективные признаки преступного сообщества, его структурные элементы, некоторые ученые, например Ж. В. Виденькина, полагают, что в настоящее время назрела необходимость увеличения минимального численного состава преступного сообщества до трех лиц [10, с. 56]. В обоснование своего мнения автор ссылается на Конвенцию против транснациональной организованной преступности, согласно которой «организованная группа представляет собой оформлен-

ную группу в составе трех или более лиц» [11]. Вместе с тем стоит отметить, что для изменения минимального численного состава преступного сообщества как его конструктивного признака нужно произвести серьезные уголовно-правовые и криминологические исследования.

В предыдущей редакции ст. 210 УК РФ (от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ), в отличие от действующей, содержался признак совместности совершения преступлений при создании преступного сообщества. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности его исключения из уголовно-правовой нормы. Полагаем, что надлежит согласиться с мнением П. В. Агапова, который считает данный признак излишним, так как он уже указан в Общей части УК РФ [12, с. 10]. Согласно другой точке зрения исключение из ч. 1 ст. 210 УК РФ указания на совместность свидетельствует об отсутствии связи ст. 210 УК РФ с институтом соучастия [13]. Однако представляется, что, несмотря на исключение признака совместности из анализируемой нормы, правоприменительная практика пойдет по пути его установления и применения при описании действий участников и организаторов преступного сообщества. Обращая внимание на проблему перегруженности уголовного закона, укажем и на отсутствие необходимости наличия в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ специальной цели организации преступного сообщества (преступной организации) — совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, поскольку она является обязательным признаком и уже отражена законодателем в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Следующее новшество — исключение признака преступности применительно к действиям по координации. По смыслу уголовного закона в предыдущей редакции названные деяния должны быть совершены лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп. Сегодня такое указание отсутствует. По поводу содержания этого признака и необходимости его уголовно-правового закрепления существует множество точек зрения. Например, С. Д. Белоцерковский уверен, что его содержание шире смысла иных признаков, перечисленных в ч. 1 ст. 210 УК РФ [14, с. 12]. Автор предлагает понимать такими иными действиями, не предусмотренными ч. 1 ст. 210 УК РФ, в частности действия организационного характера уголовных авторитетов [14 с. 12]. Вместе с тем существуют и противоположные мнения по рассматриваемому вопросу. Так, В. М. Быков считает, что наличие данного признака безосновательно расширяет возможность применения уго-

ловного закона. С точки зрения автора, «если организованная группа устанавливает контакт с другими преступными группами, это не должно подпадать под действие этой статьи» [15, с. 20—21].

В толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой под глаголом «координировать» понимается согласование, целесообразное соотношение между действиями, какими-либо явлениями [16, с. 294]. ППВС № 12 толкует координацию уголовно наказуемых деяний как «их согласование между несколькими организованными группами, входящими в преступное сообщество (преступную организацию), в целях совместного совершения запланированных преступлений» [5]. Следует заметить, что такая трактовка существенно сужает тот смысл, который вкладывал законодатель в содержание данного определения. Отметим, что координация может происходить и между различными преступными сообществами, организованными самостоятельно действующими группами. При этом подобные действия не всегда носят преступный характер. Так, приговором Алтайского краевого суда установлено, что М. и А. осуществляли в отношении организованных групп координационные действия, выражающиеся в осуществлении управленческих и организационных функций, в частности в выполнении указаний Ч. и Х., планировании деятельности групп, поддержке связей, обмене информацией как между собой, так и между участниками групп [17]. С учетом изложенного считаем, что подобный подход приведет к расширительному толкованию уголовного закона, и всякая координация действий в структуре преступного сообщества (преступной организации) на практике будет признаваться уголовно наказуемой.

Относительно исключения из диспозиции указания на возможность совершения деяний лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп отметим, что в правоприменительной практике такое влияние заключается в требовании подчинения, соблюдения внутренней дисциплины и субординации [18] и основывается на предшествующем поведении лица, его связях в криминальном мире, количестве судимостей и сроках наказания. Между тем исключение данного признака, по нашему мнению, облегчит правоприменителю возможность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, так как указанные в новой редакции диспозиции ст. 210 УК РФ действия могут быть совершены и при отсутствии влияния на участников преступного сообщества.

Следует обратить внимание на использование законодателем конъюнкции в новой редакции ст. 210 УК РФ, представляющей возможность привлечения к ответственности за совершение альтернативных действий по разделу сфер преступного влияния и (или) преступных доходов. Представляется, что данное нововведение вполне оправдано, поскольку раздел сфер преступного влияния не всегда может сопровождаться разделом преступных доходов и, наоборот.

Модернизация рассматриваемой статьи выразилась, в том числе, в выделении самостоятельной нормы (ч. 1.1 ст. 210 УК РФ), регламентирующей ответственность за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп. Мера наказания за данное деяние обосновано выше, чем за участие в преступном сообществе, и наказывается лишением свободы на срок до 20 лет, в то время как санкция ч. 1 ст. 210 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет.

Однако в новой редакции по-прежнему употребляется термин «лидер», использующийся в юридической психологии и криминологии и не имеющий уголовно-правового значения. Таким образом, законодателю следовало бы ограничиться терминами «организатор» и «руководитель».

Внесены изменения и в части ответственности за участие в собрании представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп. Участие в данной «воровской сходке» обусловлено необходимостью планирования деятельности преступного сообщества, обсуждения вопросов его организации и жизнедеятельности. Оно осуществляется в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Системный анализ норм Особенной части УК РФ показывает, что используемый законодателем прием конструирования не является типичным, поскольку диспозиции отсылочного вида предусматривают обращение к иным правовым нормам УК РФ, а в рамках какой-либо одной статьи ссылку же можно сделать только на предусмотренные в составе признаки [19, с. 5]. Как видим, участие в преступном сообществе и собрании организаторов не отождествляются. Вместе с тем в первоначальной редакции ст. 210 УК РФ в ч. 2 была предусмотрена ответственность за участие как в самом преступном сообществе, так и в собрании организаторов. После чего в 2009 г. участие в таком соб-

рании было включено в качестве признака объективной стороны ч. 1 данной статьи, что позволяет прийти к выводу об отсутствии последовательности со стороны законодателя.

С учетом изложенного предлагается изменить ч. 2 ст. 210 УК РФ путем включения в диспозицию деяния в виде участия в таком собрании, а также изменить санкцию этой части, увеличив срок лишения свободы до 15 лет.

Отдельного внимания заслуживает новая ст. 210.1 УК РФ, которая закрепляет ответственность за сам факт лидерства лица в преступной иерархии. Часть 4 ст. 210 УК РФ до внесения недавних изменений также предусматривала такой специальный субъект преступления. Анализ приведенной выше статистики показывает, что ч. 4 ст. 210 УК РФ, по сути, является мало применяющейся нормой, а указанный признак — сугубо криминологическим, а не уголовно-правовым, что не позволяет с точной степенью достоверности установить его. По вопросу толкования понятия и признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, ППВС № 12 указал на необходимости установления занимаемого положения данного лица в такой иерархии. Высшая судебная инстанция акцентирует внимание на необходимости установления связей с террористическими и (или) экстремистскими организациями, наличия коррупционных связей [5].

Впервые в нашей стране уголовное дело по ч. 4 ст. 210 УК РФ было рассмотрено Алтайским краевым судом, приговор по которому приведен выше. В 2016 г. сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации выявлено аналогичное преступление и возбуждено уголовное дело в отношении К., который совместно с соучастниками обвиняется в вымогательстве 8 млн руб. у владелицы московского ресторана [20, с. 4]. Кроме того, в Архангельском областном суде в настоящее время рассматривается уголовное дело по обвинению Ш. в совершении анализируемого преступления и ряда других уголовно наказуемых деяний.

Между тем прямое указание в законе, а также в ППВС № 12 на признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, по-прежнему отсутствует. В доктрине уголовного права под такой категорией лиц понимаются «воры в законе, авторитеты общеуголовной среды» [21, с. 55], «бандитские авторитеты» [22, с. 8—27], «лица, выполняющие управленческие функции, определяющие основные направления преступной

деятельности, организующие конкретные преступления» [23, с. 70].

Анализ приведенных позиций порождает проблему определения понятий «бандитский авторитет» и «вор в законе». Так, по мнению В. Н. Куфлевой, под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, надлежит понимать лицо, обладающее достаточным криминальным авторитетом в преступном мире. Ученый считает, что оно должно быть активным идеологом уголовного образа жизни, следовать нормам криминальной морали. Обычно такое лицо соблюдает выработанный в криминальном мире свод правил и законов, «короновано» в присутствии членов бандитского мира [24, с. 28]. Нужно поддержать точку зрения А. Рагулина и В. Фефелова. Исследователи полагают, что обладание настолько высоким криминальным статусом не означает фактического занятия лицом высшего положения на криминальной лестнице. Более того, наличие у него указанного статуса не свидетельствует о его лидерстве в преступном сообществе [23, с. 70]. Некоторые авторы, например В. М. Быков, отождествляют названных лиц с организаторами, руководителями преступного сообщества [15, с. 21].

Есть и противники включения в УК РФ рассматриваемого субъекта. По мнению Ж. В. Виденькиной, правовому государству не следует отражать в законе «воровские обычаи», признавать их [25, с. 97—98]. Авторами предпринято множество попыток определить юридическое содержание, а также уголовно-правовые свойства лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Однако эти попытки предложить на основе анализа криминологических признаков уголовно-правовое понятие лидера преступной иерархии не увенчались успехом, так как содержали оценочные определения и опирались на криминологические признаки.

Считаем, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, необходимо определить как организатора, руководителя преступного сообщества (преступной организации), а также иное лицо, осуществляющее управление деятельностью преступного объединения, имеющее в подчинении участников этой организации. Данную дефиницию, по нашему мнению, следует изложить в примечании к ст. 210.1 УК РФ.

Понятие «преступная иерархия» ни в законе, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции также не раскрывается. По мнению И. Никитенко, Т. Якушевой, криминальная лестница в структуре преступного объединения представляет собой

определенную психологическую структуру объединения, члены которого осознают конкретное лицо как лидера [26, с. 61].

Рассматривая Апелляционную жалобу на приговор Алтайского краевого суда от 26 апреля 2017 г., Верховный Суд Российской Федерации установил, что Ч. обладает криминальным статусом «вор в законе» — самым высоким в криминальном мире. В обоснование своей позиции суд указал, что Ч. занимал положение, которое обязывало, согласно существующим негласным нормам и правилам, всех лиц уголовно-криминальной направленности, имеющих более низкие криминальные статусы, подчиняться его воле, указаниям и распоряжениям. Краевой суд отметил, что Ч. обладал такими индивидуально-психологическими лидерскими качествами, как независимость, уверенность в себе, решительность, доминирование, упорство в отстаивании своих интересов, коммуникабельность и настойчивость [17]. При этом Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что Алтайский краевой суд правильно установил занимаемое Ч. положение.

В новой редакции анализируемой нами уголовно-правовой нормы законодатель не ответил на вопрос: как определять термин «занятие». Является ли это процессом или же результатом? С учетом того что данное преступление относится к категории особо тяжких, ответственность за его совершение наступает в случае приготовления или покушения. Поскольку состав является формальным, деяние будет окончено с момента занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Возникает вопрос: как установить тот конечный момент, когда лицо заняло это положение? Ответа на него в настоящее время нет. В связи с тем что вступившие в законную силу приговоры с участием этих лиц только начали появляться, необходимо будет исходить из существующего подхода Верховного Суда Российской Федерации в части определения лица такой категории.

Следует обратить внимание на корректировку специального основания освобождения от уголовной ответственности, содержащегося в примечании к ст. 210 УК РФ. Анализ внесенных изменений показывает, что если в прошлой редакции действия примечания распространялось только на чч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ, то в настоящее время специальное основание освобождения от уголовной ответственности охватывает все действия, предусмотренные данным составом преступления [13].

Как видим, в существующем примечании употребляется термин «деятельность», а в прошлой редакции — словосочетание «этих преступлений». При этом законодатель почему-то исключил возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с прекращением участия в «воровской сходке» преступного сообщества, поэтому лицу для освобождения от ответственности будет достаточно сообщить о подготовке данного собрания.

Вызывает недоумение, по какой причине законодатель отказался от закрепления соответствующего примечания к ст. 210.1 УК РФ, поскольку его наличие представляется целесообразным. Таким образом, рассматриваемую статью предлагается дополнить примечанием следующего содержания (редакция примерная): «Лицо, добровольно прекратившее занятие высшего положения в преступной иерархии и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организа-

ции), раскрытию или пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией), освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.».

Обилие указанных в ст. 210, 210.1 УК РФ оценочных признаков не способствует единству правоприменительной практики, а только усугубляет возникшие трудности, увеличивает количество ошибок в деятельности правоохранительных органов. Новая статья УК РФ в части введения ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии останется, на наш взгляд, «нежизнеспособной».

Таким образом, выявленные нами пробелы в регулировании противодействия организованной преступности нуждаются в более детальном анализе для выработки мер по их последовательному устранению на законодательном уровне.

Примечание

* Первоначально понятие преступного сообщества было разработано для определения формы соучастия, характерной для бандитизма. Однако затем в связи с усилением борьбы с данным видом организованной преступности банда стала пониматься шире: как организованная группа, а не как преступное сообщество.

1. Сенцов А. С., Волколупова В. А. Социально-политическое содержание уголовной ответственности // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФЦИН России / гл. ред. Р. А. Ромашов. 2014. С. 218—221.
2. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14468708/> (дата обращения: 19.03.2019).
3. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения: 25.03.2019).
4. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7#bh_hron. (дата обращения: 25.03.2019).
5. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.
6. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. 1536 с.
7. Гришко Е. А. Понятие преступного сообщества (преступной организации) и его место в институте соучастия // Уголовное право. 2000. № 2. С. 17—20.

1. Sentsov A. S., Volkolupova V. A. the Socio-political content of the criminal responsibility. In: Legal science and practice: almanac of scientific works of Samara juridical Institute of Federal service of execution of punishments of Russia. Under the editorship of R. A. Romashova. Samara; 2014: 218—221.
2. Crime Level. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/14468708>. Accessed: 19 March 2019.
3. Judicial Statistics Data. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 25 March 2019.
4. Providing Legislative Activity. Available from: http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7#bh_hron. Accessed: 25 March 2019.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 of 10 June 2010. "On Judicial Practice of Criminal Cases Related to Organization of a Criminal Community (Criminal Organization) or Participation in it". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010; 8.
6. Large Explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg; 1998: 1536 p.
7. Grishko E. A. Concept of a Criminal Community (Criminal Organization) and its Place in Complicity Institution. Criminal Law. 2000; 2: 17—20.

8. Константинов В. Что такое «преступная организация»? // Законность. 2009. № 5. С. 40—41.
9. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
10. Виденькина Ж. В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2014. 135 с.
11. Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ. 2004. № 40. Ст. 3882.
12. Агапов П. В. Преступные сообщества: борьба с корректировкой // ЭЖ-Юрист. 2010. № 35. С. 10.
13. Егорова Н. А. Новеллы уголовного законодательства о противодействии организованной преступности: доклад на межвуз. науч.-практ. конф. «Новеллы уголовного законодательства: достижения и просчеты» (в режиме online), Волгоград—Санкт-Петербург, 22 апреля 2019 г. [Видеозапись] // Частный видеоархив Н. А. Егоровой.
14. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9—14.
15. Быков В. М. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 18—21.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
17. Приговор Алтайского краевого суда по уголовному делу № 2-1/2017 (2-3/2016; 2-27/2015;). URL: <http://kraevoy.alt.sudrf.ru/>. (дата обращения: 01.04.2019).
18. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2014 г. № 56-АПУ14-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Агапов П. В. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. № 6. С. 4—7.
20. Машкин С. Вождь в законе // Коммерсант. 2016. № 190. С. 4.
21. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53—57.
22. Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М., 2003. С. 8—27.
8. Konstantinov V. What is a "Criminal Organization?". Legality. 2009; 5: 40—41.
9. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22 November 1926. "On Enactment of the Criminal Code of the RSFSR edition of 1926". Collection of legislation of RSFSR. 1926; No. 80; Art. 600.
10. Videnkina Zh. V. Responsibility for Organization of Criminal Community or Participation in it. Scientific and practical textbook. Ed. by N. G. Kadnikov. Moscow: Jurisprudence; 2014: 135 p.
11. Convention against Transnational Organized Crime of 15 November 2000. Collection of legislation. 2004; No. 40; Art. 3882.
12. Agapov P. V. Criminal Communities: Counteracting the Amendment. Lawyer. 2010; 35: 10.
13. Egorova N. A. Novels of criminal law on combating organized crime: a report on the intercolle. scientific-practical conference. "Novels of Criminal Law: Achievements and Miscalculations" (online). Volgograd — St. Petersburg, 22 April 2019. [Videotape]. Private Video Archive N. A. Egorova.
14. Belotserkovsky S. New Federal Law on Strengthening Criminal Communities: Commentary and Problems of Application. Criminal Law. 2010; 2: 9—14.
15. Bykov V. M. Organization of Criminal Community (Criminal Organization). Legality. 2010; 2: 18—21.
16. Ozhegov S. I., Shvedova, N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. 4th ed. Moscow: A TEMP; 2006: 944 p.
17. Verdict of the Altai Regional Court on Criminal Case No. 2-1/2017 (2-3/2016; 2-27/2015). Available from: <http://kraevoy.alt.sudrf.ru/>. Accessed: 1 April 2019.
18. Appeal Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56-APU14-3 of 18 February 2014. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".
19. Agapov P. V. Criminal Law Regulation in Counteracting Organized Crime. Criminal Law. 2009; 6: 4—7.
20. Mashkin S. Leader in Law. Kommersant. 2016; 190: 4.
21. Mondokhonov A. Special Subject of Organization of Criminal Community (Criminal Organization) or Participation in it. Criminal Law. 2010; 5: 53—57.
22. Mukhin A. A. Russian Organized Crime and Power. History of Relationships. Moscow; 2003: 8—27.

23. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67—70.

24. Куфлева В. Н. Уголовное законодательство о борьбе с преступными сообществами (преступными организациями): необходимость модернизации // Российский следователь. 2012. № 23. С. 27—29.

25. Виденькина Ж. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 210 УК // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 95—98.

26. Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5. С. 58—62.

23. Ragulin A., Fefelov V. On Concept of a Person Occupying a Higher Position in Criminal Hierarchy. Criminal Law. 2010; 5: 67—70.

24. Kufleva V. N. Criminal Law on Counteracting Criminal Communities (Criminal Organizations): Necessity to Modernize. Russian Investigator. 2012; 23: 27—29.

25. Videnkina Zh.V. On Issue of Subject of Crime under Art. 210 of the Criminal Code. Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia. 2011; 3: 95—98.

26. Nikitenko I., Yakusheva T. Organization of Criminal Community: Problems of Qualification. Criminal Law. 2010; 5: 58—62.

© Likholetov A. A., Mikhailov M. U., 2019

© Лихолетов А. А., Михайлов М. У., 2019

Лихолетов Александр Александрович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Михайлов Марк Уралович,
слушатель 5 курса факультета
подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Mihajlov.mark@yandex.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,
associate professor at the criminal
law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Mikhailov Mark Uralovich,
5th-year student of the Investigators'
Training Department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: Mihajlov.mark@yandex.ru

* * *

И. А. Нифталиева**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Статья посвящена истории формирования и развития принципа справедливости в отечественном уголовном законодательстве.

В современной уголовно-правовой доктрине проблемы интерпретации принципа справедливости остаются актуальными и острыми. Вместе с тем разрешение существующих среди ученых и субъектов правоприменительной деятельности споров относительно данного принципа невозможно без выявления позитивных и негативных тенденций его развития, осмысления и учета исторического опыта.

Основное содержание статьи составляет анализ нормативных правовых актов X — начала XXI в.: от становления русского права и возникновения Киевской Руси до современного российского права — с точки зрения воплощения в их нормах принципа справедливости.

В ходе исследования автор выделяет этапы и особенности исторического развития принципа справедливости в российском уголовном законодательстве.

Значение ретроспективного анализа состоит в том, что на его основе можно определить пути совершенствования принципа справедливости в уголовном праве Российской Федерации посредством экстраполяции исторических данных.

Ключевые слова: справедливость, принцип, история, этапы, преступление, наказание, ответственность, уголовное законодательство.

I. A. Niftalieva**FORMATION AND DEVELOPMENT OF PRINCIPLE OF JUSTICE
IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article deals with aspects related to formation and development of the principle of justice in the criminal law of the Russian Federation.

In modern doctrine of the criminal law problems related to interpreting the principle of justice are topical and vital. At the same time it is impossible to solve disputes regarding this principle by scientists and law enforcers without identifying positive and negative tendencies of its development, understanding and taking into account historical experience.

The main content of the article is an analysis of the legal acts of the time period from Xth up to the beginning of the XXIth century: from formation of the Russian law and the emergence of Kiev Rus up to a modern Russian law from the point of view to implement the principle of justice in their norms.

While doing researching, the author of the article points out main stages and features of the historical development of the principle of justice in the criminal law of the Russian Federation.

Significance of the retrospective analysis is that on its basis it is possible to determine the prospects for further improving the principle of justice in the criminal law of the Russian Federation by extrapolating historical data for time periods to come.

Key words: justice, principle, history, stages, crime, punishment, responsibility, criminal law.

Справедливость принадлежит к числу фундаментальных социальных ценностей, призванных обеспечить защиту личности, ее прав и интересов, стабильность, порядок социально-экономического

и политического развития государства. Именно она выступает критерием оценки деятельности людей сквозь призму общественных интересов, выражает соотношение установленных явлений

и процессов с точки зрения добра и зла, требует соответствия между правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием.

О справедливости рассуждали мыслители разных исторических периодов. Так, Аристотель характеризовал ее как «равное, но только для равных» и, наоборот, «неравное, но лишь для неравных» [1]. Древнегреческий философ отмечал, что понятие справедливости в сфере человеческой деятельности может быть обыденным, а его содержание будет меняться от полиса к полису. Но если справедливость рассматривается как нечто естественное — явление природы, то становится общей, универсальной для всего человечества [2, с. 389].

В. С. Соловьев в работе «Оправдание добра» определял справедливость как «равенство в должном». Русский мыслитель был убежден, что она представляет собой логически осмысленное выражение интуитивно ощущаемого чувства милосердия, которое завещано христианской заповедью любви к ближнему. Справедливость в христианском ее понимании предполагает определенную долю милосердного отношения к ближнему [3, с. 241—242].

Дж. Ролз исходил из существования нескольких концепций справедливости, в том числе справедливости как честности. Американский философ сформулировал положение, согласно которому «справедливость — это первая добродетель общественных институтов, точно так же, как истина — первая добродетель систем мысли» [4, с. 19].

В современном научном мировоззрении существует бесконечное множество определений справедливости. Однако очевидно, что она представляет собой сложное, многогранное явление, понимание которого зависит от ракурса рассмотрения.

Воспринимаемая в обществе прежде всего как философская и морально-нравственная категория справедливость вместе с тем имеет непосредственную связь с правом. Данная идея воплощается в качестве принципа права, при этом либо непосредственно закрепленного в законе, либо выводимого из отдельных правовых институтов и норм.

В общей теории права под принципом права понимается исходное положение, определяющее содержание воздействия права на общественные отношения и выступающее критерием его ценности для субъектов права; базовый ориентир для правотворческих и правоприменительных органов, отступление от которого может повлечь негативные последствия в методах, средствах и целях правового регулирования [5, с. 64].

Современное уголовное законодательство России не только закрепляет принцип справедливости, но и раскрывает его содержание. Вместе с тем в настоящее время в законодательной и правоприменительной сферах существует большое количество препятствий, возникающих по причине отсутствия единого подхода к его толкованию. Разрешение данных проблем немыслимо без рассмотрения истории формирования и развития принципа справедливости в уголовном законе, анализа достижений и недостатков, учета и осмысления накопленного опыта.

Идеал справедливости всегда служил ориентиром в формировании отечественного законодательства. К нему стремились на всех стадиях социальной эволюции уголовного права. Однако важно принимать во внимание тот факт, что понимание этой категории в разные исторические периоды не было одинаковым и в целом соответствовало уровню развития общества.

Исторический аспект принципа справедливости в той или иной степени и ранее был предметом исследования многих ученых. Так, В. В. Мальцев определяет конкретно-юридическую, абстрактно-юридическую и абстрактно-социолого-правовую формы отражения принципа справедливости в законе [6, с. 85—110].

О. Н. Городнова характеризует концепцию справедливости в отечественном уголовном праве досоветского, советского и постсоветского периодов [7, с. 49—71].

Ретроспективный анализ российского уголовного законодательства показал, что принцип справедливости в своем развитии проходил определенные этапы.

В соответствии с Большим толковым словарем русского языка под этапом понимается «стадия, ступень в развитии какого-либо процесса или явления» [8, с. 1260].

Итак, первый этап связан с законодательством Древней Руси и периодом образования и укрепления Русского централизованного государства. В основном памятнике права Древнерусского государства — Русской правде — отчетливо проявляется закономерность, связанная с соблюдением соответствия меры наказания тяжести содеянного. Об этом ярко свидетельствуют нормы Краткой редакции, устанавливавшие наказание в виде «виры» за убийство (ст. 1) в 40 гривен, за оскорбление действием (ст. 3, 4, 8) — в 12 гривен, за нанесение побоев (ст. 10) — в 3 гривны, за кражу сена и дров (ст. 39) — в 9 кун [9, с. 47—49]. Столь высокий штраф за оскорбление действием — вы-

рывание волос из усов и бороды — объясняется тем, что во времена Русской правды для свободного человека оскорбление было хуже смерти, поскольку роняло его социальный статус.

Позднее Пространная редакция значительно расширила круг наказуемых деяний и углубила их дифференциацию. Например, различалось убийство, совершенное «в сваде» или «в пиру», и убийство «в разбое» (ст. 6, 7). В первом случае виновный подлежал наказанию выплатой «виры» с участием членов общины, а во втором — «потоку и разграблению» [9, с. 64].

Кража из закрытого помещения (например, ремесла из клетки) наказывалась, согласно документу, штрафом в три раза большим, чем кража не охраняемого специально имущества (ст. 41, 42) [9, с. 67].

В московских судебныхниках 1497 и 1550 гг. идея справедливости также нашла воплощение. Наиболее опасные преступления влекли высшую меру наказания. Так, в Судебнике 1497 г. наказание за кражу зависело от того, была она простой или квалифицированной. За совершение любого вида квалифицированной кражи (церковной, головной (ст. 9, 10), повторной (ст. 11), совершенной «ведомым лихим человеком» (ст. 13), назначалась смертная казнь [10, с. 55—56].

В Судебнике 1550 г. форма и степень наказания за преступления определялись государем — «быти от государя в опале» [10, с. 97—120].

В. Н. Татищев отмечает, что «опала есть гнев государев» и означает его право выбрать наказание в зависимости от личности виновного [10, с. 132]. Поскольку Судебник Ивана IV имел характерную для феодального права ярко выраженную классовую сущность, то «личность виновного», очевидно, подразумевала не определенные признаки лица, совершившего преступление (социальные, демографические, уголовно-правовые и т. д.), как сегодня, а его принадлежность к тому или иному сословию.

Таким образом, на первом этапе принцип справедливости проявляется в нормах законодательства, устанавливавших меры наказания, соразмерные тяжести совершенного деяния.

В Соборном уложении 1649 г. принцип справедливости получил свое дальнейшее развитие. В документе была четко сформирована иерархия ценностей, посягательства на которые признавались особо опасными и строже наказуемыми. При этом вершину иерархии занимала религия — идеологический фундамент русского феодального государства. Так, Соборное уложение открывала

статья, устанавливавшая ответственность за богохульство (поношение, оскорбительное или непочтительное действие, слово в отношении бога, его отрицание, неверие в него) в виде смертной казни через сожжение (ст. 1 гл. I) [11, с. 85]. Обращает на себя внимание тот факт, что в Соборном уложении наказание различалось не только в зависимости от тяжести деяния, но и от места и обстановки его совершения, вины и цели. Например, виновные в совершении преступления на территории двора государя подвергались более суровому наказанию, чем те, кто совершил подобные преступления в ином месте (гл. III) [11, с. 89—91]. Это было связано с тем, что в условиях напряженной политической обстановки двор царя становился местом различного рода столкновений и конфликтов, которые могли угрожать его здоровью и жизни.

Измена, совершенная в военной обстановке, признавалась тягчайшим преступлением и влекла смертную казнь через повешение на виду у неприятельских полков (ст. 20 гл. VII) [11, с. 95].

В Соборном уложении наказание определялось также с учетом вины. Например, за «убийство, учиненное своим умышлением» полагалась смертная казнь (ст. 22 гл. XXII), за совершенное «без умышления» наказание смягчалось (ст. 20 гл. XXII), а случай, когда «...убийство учинится от кого без умышления, потому что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет», вовсе не предусматривал наказания (ст. 18 гл. XXII) [11, с. 250].

Тяжесть наказания за некоторые преступления зависела от цели их совершения. Поджог города или его части, совершенный в целях выдачи врагу, выделялся в отдельный состав государственных преступлений и карался квалифицированной смертной казнью через сожжение (ст. 4 гл. II) [11, с. 86]. За самовольный выезд без грамоты, направленный на измену, полагалась смертная казнь, а за торговую цель поездки — торговая казнь (ст. 3—4 гл. VI) [11, с. 92].

Артикул воинский 1715 г., сыгравший важнейшую роль в развитии российского уголовного законодательства эпохи становления абсолютизма, по сравнению с Соборным уложением более четко определил многие институты уголовного права, в частности институты соучастия, необходимой обороны и крайней необходимости (см., например: артикулы 123, 156, 157, 180) [12, с. 349, 356, 361].

Артикул выделял квалифицированные виды убийств, влекущие, соответственно, более строгие меры наказания: убийство в корыстных целях (артикул 161), убийство, совершенное особо мучи-

тельным способом (артикул 162), убийство отца, матери, малолетнего ребенка или офицера (артикул 163) [12, с. 358].

Суровое наказание устанавливалось для рецидивистов (артикулы 189, 191) [12, с. 362].

Особое внимание Артикул 1715 г. уделял учету степени вины лица. Проводилось различие между деяниями умышленными, неосторожными и случайными (артикулы 158, 159) [12, с. 357]. Так, наказание за срывание или порчу правительственных указов и распоряжений зависело от того, было оно совершено умышленно или по небрежности. В первом случае полагались каторга и телесное наказание или смертная казнь, во втором — денежный штраф, тюрьма или шпицрутены (артикул 203) [12, с. 364]. При определении наказания учитывались состояние крайнего возбуждения (артикул 152) [12, с. 354—355], невменяемость и малолетство (артикул 195) [12, с. 363].

Таким образом, на втором этапе принцип справедливости воплощается в конкретных уголовно-правовых нормах, определяющих преступность и наказуемость деяний с учетом их тяжести, места и обстановки совершения, вины и цели.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. делило уголовно наказуемые деяния на две категории: преступление и проступок (ст. 1, 2) [13, с. 174]. Уголовная ответственность наступала «за преступления и проступки, по роду и мере важности оных» (ст. 3) [13, с. 174], а наказание устанавливалось в зависимости от формы вины («по мере большей или меньшей умышленности в содеянии преступления»), стадии совершения преступления («по мере большей или меньшей близости к совершению оного, если преступление не вполне совершено»), вида соучастия («по мере принятого подсудимым участия в содеянии преступления или в покушении на оное»), различных обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину («по особнным сопровождавшим содеяние преступления или покушения на оное обстоятельствам, более или менее увеличивающим или же уменьшающим вину преступника») (ст. 110) [13, с. 195]. Все перечисленные факторы были подробно описаны. Например, ст. 135—139 определяли отягчающие наказание обстоятельства, такие как свойства вины («чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника»), тяжесть содеянного («чем важнее зло или вред, сим преступлением причиненные»), поведение на следствии и в суде («чем более виновный при следствии и суде оказывал неискренности и упорства в заперательстве, особливо если притом он старался возбудить подозрение на невинных, или даже прямо клеветал на них»), личность виновно-

го («чем выше были его состояние, звание и степень образованности») и др. [13, с. 200—201]. Примечательно, что впервые в истории отечественного уголовного права законодатель при назначении наказания требует учитывать не только сословную принадлежность виновного, но и некие социальные особенности (звание, уровень образования).

Итогом развития российского дореволюционного уголовного законодательства стало принятие Уголовного уложения 1903 г. Согласно документу преступные деяния в зависимости от назначаемого за них наказания подразделялись на тяжкие преступления, преступления и проступки (ст. 3) [14, с. 275]. В нем был регламентирован добровольный отказ соучастников, которые освобождались от уголовной ответственности, если предприняли все зависящие от них меры для предотвращения преступления. Наказание соучастнику смягчалось в случаях, когда его содействие преступлению было несущественным (ст. 51) [14, с. 286—287]. Кроме того, в уложении было сформулировано определение невменяемости (ст. 39), установлен возраст уголовной ответственности (ст. 40—41) [14, с. 284], регламентированы снижение и замена наказания (ст. 53—59) [14, с. 287—289], а также обстоятельства, усиливающие и устраняющие наказуемость (ст. 60—67, 68—72) [14, с. 290—292, 292—293]. Несмотря на то что Уголовное уложение 1903 г. не было введено в действие полностью, по мнению А. В. Наумова, оно оказало «большое влияние на создание и развитие советского уголовного законодательства» [15, с. 126].

Третий период формирования принципа справедливости в российском уголовном законодательстве характеризуется категоризацией уголовно наказуемых деяний и определением наказания с учетом влияющих на степень общественной опасности обстоятельств совершенного преступления.

Октябрьская революция 1917 г. обусловила коренные изменения в социальном, политическом, экономическом и культурном устройстве государства. Впервые в истории человечества при революционном отстранении от власти прежних господствующих классов была установлена диктатура пролетариата. Радикально обновились все сферы общественной жизни. Очевидно, что подобное событие не могло не оказать серьезного влияния и на формирование новой теории права. Оно являлось мощным рычагом воздействия на общество и рассматривалось исключительно как средство достижения стоящих перед государством задач.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. заложили основы принципиально новой системы уголовного права. Документ содержал норму об индивидуализации наказания. Пункт 11 гл. III устанавливал, что «при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния». В этих целях суд, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершения преступления, должен был определять опасность преступника, которая проявлялась в совершенном им деянии, мотивах и на основании его образа жизни и прошлого [16]. Руководящие начала устанавливали исчерпывающий перечень обстоятельств, которые необходимо было учитывать при определении меры наказания, в частности «совершено ли деяние в сознании причиненного вреда, или по невежеству и неосознанности», «профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным», «группой, шайкой, бандой, или одним лицом» и др. (п. 12) [16].

Несколькими годами позднее положения данного документа об индивидуализации наказания были перенесены в первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (далее — УК 1922 г.).

В УК 1922 г. несколько расширилась система обстоятельств, исключающих уголовную ответственность: необходимая оборона была дополнена крайней необходимостью (ст. 20). Наказуемость соучастников определялась степенью их участия в преступлении (ст. 15), а наказуемость за приготовление к преступлению вовсе исключалась (ст. 12) [17].

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР (далее — УК 1926 г.), действовавший с 1927 по 1961 гг. В этот период, характеризующийся ужесточением уголовной политики, произошли коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, массовый голод, сталинские репрессии, «раскулачивание», Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства.

В УК 1926 г. понятие «наказание» было заменено термином «меры социальной защиты» (ст. 1), которые применялись в отношении не только тех, кто совершил общественно опасные действия, но и лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности» (ст. 7) [18].

Несмотря на то что УК 1926 г. предусматривал обширный перечень смягчающих ответственность обстоятельств (ст. 48), нормы об условном осуждении и условно-досрочном освобождении (раздел 6) и такие гуманные меры социальной защиты, как общественное порицание, денежный штраф, пре-

достережение и др. (ст. 20) [18], влияние принципа справедливости на советское законодательство 30—50-х гг. XX в. было значительно ослаблено. Данный факт обуславливает четвертый этап формирования принципа справедливости в уголовном праве.

Принятие в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик стало большим шагом по пути укрепления законности, расширения гуманизма и справедливости. Так, был восстановлен термин «наказание», которому отныне подлежали «только лица, виновные в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившие предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ст. 3) [19].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. (далее — УК 1960 г.), по мнению В. В. Мальцева, «идеи справедливости, равенства и гуманизма, принципы законности и вины нашли достойное воплощение» [6, с. 101].

Отражение принципа справедливости выразилось в первую очередь в положении, согласно которому при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, должен был учитывать «характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность» (ст. 37) [20].

УК 1960 г. утверждал широкий перечень смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (ст. 38, 39), нормы о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 43), об условном осуждении (ст. 44), о зачете предварительного заключения (ст. 47), об освобождении от уголовной ответственности и наказания (ст. 50, 51, 52), условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким (ст. 53), освобождении от отбывания наказания (ст. 56), о погашении судимости (ст. 57) [20].

Таким образом, обусловленная изменением политики государства реформа законодательства 1950—1960-х гг. предопределила пятый этап формирования принципа справедливости, характеризующийся восстановлением приоритета основополагающих идей уголовного права.

В сложных и противоречивых условиях распада советской государственности, сопровождавшихся межнациональными конфликтами и войнами, принятие в 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик не вызвало особого интереса. Однако этот факт заслуживает внимания хотя бы потому, что в ст. 2 впервые названы принципы уголовного законодательства: «законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости

ответственности, личной и виновной ответственности, справедливости, демократизма и гуманизма» [21]. Принцип справедливости в документе воспроизводит ч. 2 ст. 6 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и сводился к следующему: «Никто не может дважды нести уголовную ответственность за одно и то же преступление».

Несмотря на то что в связи с распадом Советского Союза Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик так и не вступили в силу, многие их положения стали фундаментом для УК РФ.

Как известно, с начала 1990-х гг. российское общество перешло в иную эпоху. Потребовалось создание концептуально нового уголовного кодекса, соответствовавшего происходящим в стране социально-политическим и экономическим изменениям. В связи с этим в 1996 г. в России был принят УК РФ, вступивший в действие 1 января 1997 г.

В УК РФ впервые в истории отечественного уголовного законодательства принципы уголовного права (законности, равенства, вины, справедливости и гуманизма) сформулированы в специальных нормах Общей части, что, бесспорно, свидетельствует о качественном изменении их значимости.

Принцип справедливости нашел свое непосредственное закрепление в ст. 6 УК РФ. Часть 1 содержит положение о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового воздействия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Часть 2 устанавливает запрет на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

Таким образом, на шестом этапе произошло непосредственное законодательное закрепление принципа справедливости в специальной норме Общей части УК РФ.

Рассмотрение исторического аспекта российского уголовного законодательства позволило выделить шесть этапов формирования и развития принципа справедливости, каждый из которых имеет свои характерные черты. Утверждение данного принципа происходило под непосредственным влиянием изменяющихся социальных и экономических условий в государстве.

Принцип справедливости в уголовном праве прошел длительный путь, изучение которого необходимо для его интерпретации и дальнейшего совершенствования путем экстраполяции исторического опыта и тенденций.

1. Аристотель. Политика. Афинская полиция. М.: Мысль, 1997. 343 с.
2. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 432 с.
3. Прибыткова Е. А. Нравственное измерение права в трактовке Вл. Соловьева // Материалы междунар. науч. конф. «Нравственные основы теории государства и права» / отв. ред. О. В. Мартышин. М.: МГЮА, 2005. 328 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: НГУ, 1995. 532 с.
5. Радко Т. Н. Теория государства и права: учебник. Москва: Проспект, 2017. 496 с.
6. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 694 с.
7. Городнова О. Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. 227 с.
8. Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2004. 1268 с.
9. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.

1. Aristotle. Politics. Athenian Politiya. Moscow: Mysl; 1997: 343 p.
2. Buchilo N. F., Isayev I. A. History and Philosophy of Science. Textbook. Moscow: Prospect; 2015: 432 p.
3. Pribytkova E. A. Moral Law Measure in the Interpretation by V. Solov'ev. In: Collections of International scientific conference "Moral Fundamentals of Theory of State and Law". Ed. by O. V. Martyshev. Moscow: Moscow State Law Academy; 2005: 328 p.
4. Rolls J. Theory of Justice. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 1995: 532 p.
5. Radko T. N. Theory of State and Law. Textbook. Moscow: Prospect; 2017: 496 p.
6. Maltsev V. V. Principles of Criminal Law and their Implementation in Law Enforcement Activity. St. Petersburg: Legal Press Center; 2004: 694 p.
7. Gorodnova O. N. Idea of Justice as a Criterion to Assess and Improve Criminal Law: Theoretical and Applied Aspects. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2014: 227 p.
8. Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 60 000 words. Ed. by D. N. Usakov. Moscow: AST; Astrel; 2001: 1268 p.
9. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1984; 1: 432 p.

10. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.

11. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.

12. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. 512 с.

13. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6. 432 с.

14. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1994. Т. 9. 352 с.

15. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.

16. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР: закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР от 02.07.1991 № 2281-1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

10. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985; 2: 520 p.

11. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985; 3: 512 p.

12. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1986; 4: 512 p.

13. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1988; 6: 432 p.

14. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1994; 9: 352 p.

15. Naumov A. V. Criminal Law of the Russian Federation. Course of Lectures: in 3 Volumes. Volume 1. General Part. 4th ed. Moscow: Volters Kluver; 2007: 736 p.

16. Guiding Principles in the Criminal Law of the RSFSR [Electronic Resource]: Resolution of the People's Commissariat of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 12/12/1919 – Access: Legal-Reference System «Consultant Plus».

17. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 1 June 1922 (ed. 25/08/1924). "On Implementation of the Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic" (together with the Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22 November 1926 (ed. 25/11/1935). "On Implementation of the Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic in Edition of 1926" (together with the Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

19. The USSR Law of 25 December 1958 (ed. 08/04/1989). "On Approval of the Fundamentals of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

20. Law of the RSFSR of 27 October 1960 (ed. 30/07/1996). "On Approval of the Criminal Code of the RSFSR" (together with the Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. Fundamentals of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. Adopted by the USSR Supreme Council No 2281-1 of 2 July 1991. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Нифталиева И. А., 2019

© Niftalieva I. A., 2019

Нифталиева Ирина Алисаламовна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: niftalieva89@yandex.ru

Niftalieva Irina Alisalamovna,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: niftalieva89@yandex.ru

* * *

О. В. Стрилец, Г. М. Семенов, А. А. Пшеничкин

**ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ С УЧАСТИЕМ ПЕШЕХОДОВ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой и криминологической характеристик дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов. Исследуются природа и признаки общественно опасного деяния, связанного с нарушением правил безопасной работы транспорта.

Обеспечение безопасности дорожного движения входит в число приоритетных задач, стоящих перед руководством нашей страны. В последние годы повышенный интерес вызывает вопрос о предупреждении дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов. Однако, несмотря на все принимаемые меры: ужесточение ответственности за управление автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, увеличение штрафных санкций за нарушение правил дорожного движения, установку камер видеонаблюдения и т. д. — сократить число дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов пока не удается.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается также в том, что каждое третье дорожно-транспортное происшествие на российских дорогах связано с наездом на пешеходов, почти половина наездов происходит из-за нарушения правил дорожного движения самими пешеходами, при этом каждое второе дорожно-транспортное происшествие заканчивается смертельным исходом.

На основе исследования авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования нормы, закрепленной в ст. 268 Уголовного кодекса Российской Федерации, и разработки комплекса мер, применение которых будет способствовать предупреждению дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, преступление, предупреждение, безопасность дорожного движения, пешеход, инновационные технологии, правила.

О. V. Strilets, G. M. Semenenko, A. A. Pshenichkin

**ROAD TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING PEDESTRIANS:
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS**

The article deals with the issues of criminal law and criminological characteristics of road traffic accidents involving pedestrians. The nature and signs of a socially dangerous act related to violation of the rules ensuring the safe operation of transport with the direct participation of a pedestrian are investigated.

Ensuring safe operation of transport is one of the priority tasks that the leadership of our country faces. In recent years, an increased interest is caused by the question of prevention of road traffic accidents involving pedestrians. However, despite all the measures taken: an increase in responsibility for driving a vehicle while intoxicated, an increase in penalties for violating traffic rules, installation of video surveillance cameras, etc. it is not yet possible to solve the problem of reducing the occurrence of road traffic accidents involving pedestrians.

The urgency of the problem is also in the fact that every third road traffic accident on Russian roads is associated with a pedestrian runover, almost half of all pedestrian runovers occur due to traffic violations by pedestrians themselves, and every second such road traffic accident is fatal.

Based on the study, the authors conclude that it is necessary to improve the norm enshrined in Article 268 of the Criminal Code of the Russian Federation and, taking into account the results of a comprehensive analysis of the main causes contributing to occurrence of road traffic accidents involving pedestrians, suggest a set of measures that will help prevent road traffic accidents involving pedestrians.

Key words: road traffic accidents, a crime, a warning, road safety, a pedestrian, innovative technologies, rules.

Дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП) являются одной из острейших социально-экономических проблем, стоящих не только перед Российской Федерацией, но и перед большинством стран. Ежегодно в мире от ДТП погибают или получают травмы более 10 млн человек. Согласно официальной статистике в 2018 г. в Российской Федерации снизились основные показатели аварийности. Вместе с тем, несмотря на определенные позитивные изменения, уровень ДТП по-прежнему остается высоким: каждое девятое происшествие заканчивается смертельным исходом.

Третья часть ДТП на российских дорогах связана с наездом на пешеходов. Количество таких ДТП сократилось на 4,5 %, число погибших и раненых — на 6,3 %. Всего за девять месяцев 2018 г. совершено 33 446 ДТП, в которых 3 413 человека погибли, 31 505 получили ранения. Как видно из официальной статистики, ДТП с участием пешеходов всегда влекут за собой тяжкие последствия [1]. Данный вопрос постоянно обсуждается на всех уровнях государственной власти. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в 2016 г. на заседании Президиума Госсовета по проблемам безопасности дорожного движения, подверг критике работу Правительства Российской Федерации в этой сфере. Глава государства напомнил, что «уровень автомобилизации в стране возрос более чем в полтора раза: сейчас во многих городах на тысячу жителей приходится в среднем по 300 машин. Ясно, что число машин будет увеличиваться, и это объективный вызов и для участников дорожного движения, и для тех, кто отвечает за его организацию» [2].

Высокая автомобилизация граждан Российской Федерации требует принятия дополнительных мер, направленных на обеспечение безопасности участников дорожного движения, особенно их незащищенной части — пешеходов. Успешное решение данной проблемы как части общегосударственной системы возможно только при комплексном подходе на основе использования современных достижений науки и техники [3].

Причин ДТП много, но как бы разнообразны они ни были, в большинстве случаев вина лежит именно на человеке. Наибольшую опасность представляет сознательное нарушение Правил дорожного движения (далее — ПДД) [4], получившее сегодня, к сожалению, широкое распространение.

ДТП происходят не потому, что правила перехода через дорогу сложны и трудновыполнимы, а потому, что нарушители, действуя по принципу «пешеход всегда прав», сознательно пренебрегают ими. Подобное безответственное поведение приводит к трагедии: за 9 месяцев 2018 г. 39,4 % всех наездов на пешеходов произошло из-за нарушения ПДД самими пешеходами (12 805 ДТП), при этом каждое второе ДТП закончилось смертельным исходом (2 248 человек). Тяжесть последствий таких ДТП крайне высока (17,2 %). Каждый третий (36,4 %) наезд на пешеходов был совершен на регулируемых пешеходных переходах — 11 818, в результате этого 597 человек погибли, 11 848 получили ранения. На нерегулируемых пешеходных переходах произошло две трети (71,3 %) наездов. Стоит отметить, что в течение 2018 г. фиксировался незначительный рост числа таких ДТП, соответственно, увеличивалось количество раненых [1].

Несмотря на то что ответственность пешеходов за нарушение ПДД предусмотрена ст. 268 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), привлекаются они к ней редко. В большинстве случаев виновным признается водитель. Это мотивировано тем, что у последнего имеется техническая возможность остановиться, чтобы избежать столкновения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в судебном заседании 20 февраля 2012 г. дело по надзорной жалобе осужденной И. Г. Гевондян на приговор Видновского городского суда Московской области от 11 сентября 2009 г. И. Г. Гевондян была осуждена по ч. 2 ст. 264 УК РФ (в редакции 2008 г.) на 2 года лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года на основании ст. 73 УК РФ с лишением права управления транспортным средством на срок 2 года. В надзорной жалобе осужденная И. Г. Гевондян просит отменить судебные решения как незаконные и необоснованные, уголовное дело направить на новое судебное разбирательство. Она указывает, что выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и не подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами. Суд не дал должной оценки заключению специалистов Н. и К.

Выводы о том, что И. Г. Гевондян превысила скорость, ничем не подтверждены, поскольку скорость движения автомобиля не была достоверно и объективно установлена. Кроме того, не была опре-

делена и скорость движения пешехода. Согласно заключению судебной автотехнической экспертизы от 15 апреля 2008 г. пешеход не мог достигнуть места наезда, указанного на схеме, если бы стал перемещаться при указанной осужденной И. Г. Гевондян обстановке, а автомобиль мог бы проследовать, не произведя с ним контакта. При заданной следствием дорожной обстановке водитель имел возможность избежать наезда на пешехода, если бы своевременно прибег к остановке транспортного средства и действовал в соответствии с требованиями п. 10.1 ПДД. По заключению дополнительной судебной автотехнической экспертизы водитель транспортного средства в случае возникновения опасности для движения должен был руководствоваться п. 10.1 ПДД.

На основании данных протокола осмотра места происшествия, показаний свидетелей относительно обстановки места происшествия, показаний и данных, полученных с участием самой осужденной И. Г. Гевондян, заключений судебной автотехнической экспертизы и дополнительной судебной автотехнической экспертизы, не противоречащих одно другому и дополняющих друг друга, и иных указанных в приговоре доказательств в их совокупности суд пришел к следующим обоснованным выводам:

- что осужденная И. Г. Гевондян нарушила требования пп. 1.3, 1.5, 10.1, 10.2 ПДД: она должна была избрать такую скорость движения, которая бы обеспечивала возможность постоянного контроля за транспортным средством, была обязана следить за обстановкой на дороге;

- видела перебежавшего человека;

- в момент возникновения опасности для движения, которую она была в состоянии обнаружить, поскольку имела обзор дороги и увидела опасность заблаговременно, у нее имелась техническая возможность избежать столкновения с пешеходом, однако она не приняла мер к экстренному торможению, снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства [5].

Уголовная ответственность, предусмотренная ст. 268 УК РФ, имеет большое значение в предупреждении нарушений правил транспортной безопасности. Вместе с тем некоторые ученые справедливо отмечают, что законодательная конструкция состава преступления существенно затрудняет правильную квалификацию преступных нарушений правил безопасности на транспорте [6]; [7]. При этом данную проблему обычно связывают с особенностью субъекта.

Несмотря на то что преступление, предусмотренное ст. 268 УК РФ, обладает определенной спецификой, его непосредственным объектом так же, как и всех остальных преступлений в сфере транспорта, выступают отношения по обеспечению безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Объективная сторона носит материальный характер и выражается в нарушении правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, наступлении последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека и причинной связи между деянием и причиненным вредом. Данная уголовно-правовая норма, как и большинство норм главы 27 УК РФ, имеет бланкетный характер. «Правила, на которые ссылается закон, — пишут А. И. Чучаев, А. Ю. Пожарский, — содержатся в ведомственных нормативных актах железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного и других видов механического транспорта (исключая трубопроводный)» [8].

Субъективная сторона преступления предполагает только неосторожность.

Субъектом преступления является пассажир, пешеход или другой участник движения, достигший 16 лет.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что законодатель в ст. 268 УК РФ попытался разграничить ответственность за нарушение транспортной безопасности на основе субъекта преступления. Исследуемая норма содержит четкое указание: «Нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения (кроме лиц, указанных в статьях 263 и 264 настоящего Кодекса)». Однако данная идея не получила поддержки ни в теории, ни в практике. Как отмечалось выше, судебная практика показывает, что при ДТП, причиной которого послужило нарушение ПДД, правоприменитель принимает решение в пользу пешехода. В связи с этим уголовно-правовой запрет, установленный ст. 268 УК РФ, не эффективен.

По мнению первого заместителя председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству В. И. Лысакова, нужно серьезно поработать над законодательством, добиться того, чтобы санкции не только карали за те или иные нарушения ПДД, но и способствовали их предотвращению. «Я считаю, надо увеличивать (штраф для пешеходов). Буду вносить, наверное, в этом году (законопроект)», — сообщил депутат, отвечая на вопрос о сроках

введения первичного штрафа для пешеходов в размере 1,5 тыс. руб. Он также признал, что данные меры будут иметь профилактический характер и добавил: «...пешеходы могут быть причиной ДТП с тяжелыми последствиями, причем их невозможно зачастую привлечь к административной ответственности... многие пешеходы убегают с мест ДТП, в том числе тех, где погибли люди» [9].

Ужесточение уголовной ответственности вряд ли приведет к реальному уменьшению количества ДТП. Для этого необходимо внедрение инновационных технологий, а также форм и методов противодействия нарушению ПДД пешеходами. Чтобы достичь указанной цели, нужно установить причины совершения ДТП с участием пешеходов и на их основе разработать соответствующий комплекс мер. Причины совершения ДТП с участием пешеходов мы условно делим на три группы. В первую относим те из них, которые связаны:

- с переходом проезжей части в неположенном месте;
- плохой освещенностью и видимостью линий разметки, знаков пешеходных переходов;
- нахождением пешехода при переходе проезжей части в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического);
- использованием пешеходом при переходе проезжей части мобильного телефона, наушников.

Кроме тех мер, которые уже применяются для устранения перечисленных причин, предлагаем отнести сюда и информационные кампании для населения о безопасности дорожного движения, последствиях и ответственности на примерах уже совершенных ДТП. Для этого сотрудникам подразделений ГИБДД МВД России необходимо регулярно (ежеквартально) проводить профилактическую работу не только с государственными и частными предприятиями, осуществляющими перевозки пассажиров, грузоперевозки, но и с теми, кто не задействован в данном процессе. В своих выступлениях полицейские должны говорить о наиболее частых нарушениях ПДД, совершаемых как водителями, так и пешеходами, об уголовной и административной ответственности и тех, и других; обращать особое внимание на недопущение пребывания на проезжей части в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; разъяснять правила перехода как регулируемых светофорами пешеходных переходов, так и нерегулируемых. Кроме того, сотрудникам ГИБДД МВД России нужно отслеживать факты нарушения ПДД, допущенные водителями при движении как на личном автотранспорте, так и на автотранспорте, предназначенном для

перевозок пассажиров (такси, маршрутные такси, автобусы, троллейбусы, трамваи и т. д.), и в соответствии с п. 11.2 приказа МВД России «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» от 17 января 2016 г. № 19 [10] направлять представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, а в случаях повторных нарушений вызывать водителей на административные комиссии в ГИБДД, где проводить профилактические беседы, занятия по изучению ПДД, демонстрировать документальные фильмы о безопасности дорожного движения и т. д.

В числе мер предупреждения ДТП с участием пешехода нужно назвать определение зон высокого риска совершения ДТП. Как правило, отсутствие дорожных знаков или их неверное истолкование приводят к тому, что водитель не может своевременно сориентироваться в ситуации, а пешеход — правильно выбрать место для перехода дороги, что ведет к трагедии особенно в темное время суток, дождливую и туманную погоду и т. д. Наиболее распространенными причинами наездов на пешеходов являются недостаточная освещенность (в подобных условиях острота зрения значительно снижается) и нахождение пешехода в состоянии опьянения. Полагаем, что решением данной проблемы может стать сотрудничество подразделений ГИБДД МВД России с организациями, занимающимися разработкой инновационных технологий в сфере безопасности дорожного движения. В первую очередь нужно оснастить все пешеходные переходы магистральными светодиодными светильниками или лампами уличного освещения (по бокам либо непосредственно над проезжей частью), использовать шумовые полосы (за 10—15 м до пешеходного перехода) со световозвращающей пленкой. Можно применять автономные системы освещения пешеходного перехода с датчиком движения. Водители за десятки метров могут идентифицировать пешеходный переход и заблаговременно обеспечить безопасный режим движения. Необходимо установить пешеходные ограждения в местах активного движения транспортных средств и пешеходов: на перекрестках, автомобильных парковках возле супермаркетов, производственных предприятий, торговых складов и т. д. — а также внедрить в практическую деятельность подразделений ГИБДД МВД России беспилотные летательные аппараты, оснащенные камерами фото- и видеофиксации.

Частыми причинами ДТП служат использование пешеходом мобильного телефона во время перехода проезжей части и прослушивание музыки в наушниках: внимание пешехода рассеивается, он не может правильно определить расстояние и скорость движущихся объектов, не успевает среагировать на приближающееся транспортное средство, не замечает его, не слышит сигнала и в результате попадает под колеса. Примером может служить трагический случай, произошедший в мае 2016 г. в Волгограде. 15-летняя учащаяся 8 класса, находясь в наушниках, решила пересечь трамвайное полотно в неустановленном месте в момент движения подвижного состава. Пропустив первый вагон, следовавший в сцепке, она не заметила второй и фактически шагнула под его колеса. При этом девочка не услышала крики людей, находившихся на остановке. От полученных травм школьница скончалась на месте [11]. К сожалению, такие случаи не редкость. По нашему мнению, в целях воспитания навыков безопасного поведения на дороге нужно внедрить в образование, начиная с дошкольного, федеральные государственные образовательные стандарты по предупреждению детского травматизма, а также обязательную дисциплину «Безопасность дорожного движения».

Считаем необходимыми разработку и последующую установку в модели российских автомобилей новых электронных систем, которые будут предотвращать ДТП с участием пешеходов. В некоторых зарубежных автомобилях уже имеются специальные радары расширенного спектра действия, способные определять кроме крупных объектов также мотоциклистов, велосипедистов и пешеходов. Подобные системы будут самостоятельно выявлять мелкие объекты на дороге и предупреждать водителя об опасности наезда, а в случае необходимости — снижать скорость или останавливать автомобиль. Такое оборудование предлагает концерн «Вольво». Модели автомобилей Вольво S60 с 2015 г. оснащены системой предупреждения о риске наезда на пешехода с функцией автоматического торможения. Она состоит из блока радара (в переднем бампере машины), видеокамер (прямо на салонное зеркало заднего вида), блока электронного управления. Благодаря широкому полю сканирования пространства (за счет двухзонного сканирования) пешеходы и велосипедисты могут быть обнаружены задолго до возникновения опасности. Если водитель будет заранее знать о пешеходе на дороге или тротуаре, он будет более внимательным при приближении

к нему. Есть и более дешевое оборудование. Так, компания «Honda» разрабатывает коммуникацию смартфона с автомобилем, в основе которой лежит технология передачи данных на небольшие расстояния по специальному радиоканалу (DSRC). Эта система использует смартфоны, оборудованные GPS-модулем. В случае обнаружения пешехода, пересекающего, например, дорогу поперек, система незамедлительно предупреждает водителя звуковым и визуальным сигналом об опасности наезда. С помощью DSRC сигнал поступает и на телефон пешехода. Если в этот момент он разговаривает по телефону, слушает музыку или пишет кому-то сообщение, программное обеспечение смартфона прекращает работу приложений, отвечающих за данные функции, и предупреждает об опасности. Японская компания решила усовершенствовать описанную систему: дополнить ее автономным управлением. Так, в случае если автомобиль приблизился к пешеходному переходу, а водитель не отреагировал на посылаемые сигналы, произойдет автономная остановка транспортного средства, при этом рулевое управление тоже будет осуществляться автономно, чтобы не допустить наезда на пешехода. Подобными системами планирует оснастить выпускаемые автомобили компания «Тойота».

Ко второй группе причин совершения ДТП мы относим отсутствие на одежде пешехода светоотражающих элементов при переходе проезжей части или движения вдоль нее.

В 2017 г. в ПДД был включен п. 2.3.4., который гласит: «В случае вынужденной остановки транспортного средства или дорожно-транспортного происшествия вне населенных пунктов в темное время суток либо в условиях ограниченной видимости при нахождении на проезжей части или обочине быть одетым в куртку, жилет или жилет-накидку с полосами световозвращающего материала, соответствующих требованиям ГОСТа 12.4.281-2014» [4]. Согласно п. 4.1 ПДД «При переходе дороги и движении по обочинам или краю проезжей части в темное время суток или в условиях недостаточной видимости пешеходам рекомендуется, а вне населенных пунктов пешеходы обязаны иметь при себе предметы со световозвращающими элементами и обеспечивать видимость этих предметов водителями транспортных средств» [4]. Однако проблема не решена. Об этом свидетельствует официальная статистика. Так, в 2018 г. девять из десяти (92,7 %) ДТП с участием пешеходов были совершены на улицах и дорогах городов и иных населенных пунктов.

Более половины (64,5 %) участников таких ДТП погибли в темное время суток, при этом тяжесть последствий (18,6 %) в три раза выше аналогичного показателя в светлое время суток (5,3 %) [1]. Пункт 4.1 ПДД носит рекомендательный характер, но повышение уровня видимости и заметности пешеходов — это возможность обеспечения их безопасности в темное время суток. С нашей точки зрения, необходимо урегулировать на законодательном уровне ряд аспектов, связанных с применением световозвращающих элементов:

1) изучить и внедрить опыт их использования с других странах. Сегодня в Европе человек без световозвращателя на рюкзаке или одежде — редкость. Ношение таких элементов здесь обязательно. В некоторых государствах отсутствие световозвращателя на пешеходе служит весомым аргументом в защиту водителя в случае наезда на пешехода в темное время суток. Как показывает практика, световозвращающий элемент, размещенный на ногах или других частях тела человека, способен сделать его заметным даже в условиях полной темноты на расстоянии более 150 м. Этого вполне достаточно, чтобы вовремя увидеть его и остановиться;

2) разработать нормативные правовые акты, обязывающие организации, осуществляющие разработку, дизайн и производство одежды и аксессуаров, наносить на них световозвращающие элементы установленного образца;

3) внести изменения в п. 4.1 ПДД и изложить его в следующей редакции: «При переходе дороги и движении по обочинам или краю проезжей части в темное время суток или в условиях недостаточной видимости пешеход обязан иметь при себе предметы со световозвращающими элементами

и обеспечивать видимость этих предметов водителями транспортных средств».

В третью группу причин совершения ДТП отнесем низкий уровень культуры участников дорожного движения (водителя и пешехода). Несмотря на то что многие из них хотя бы раз выступали и в одной, и в другой роли, взаимопонимания они достигают крайне редко. Как показывает практика, водитель автотранспортного средства занимает главную позицию в дорожном движении и является основным субъектом взаимодействия как с водителями других автотранспортных средств, так и с пешеходами. От модели поведения водителя и пешехода (опасной или безопасной) в большинстве случаев зависит безопасность дорожного движения. Неуважение, незнание даже элементарных ПДД, агрессивность вождения, принцип «пешеход всегда прав» часто приводят к трагедии. Кроме того, причинами аварийности на дорогах служат отсутствие комфортного передвижения, стесненные городские условия, ограниченность парковочного пространства, пренебрежение интересами других участников движения.

Для того чтобы повысить уровень культуры водителей и пешеходов, обязать их соблюдать ПДД, необходимо популяризировать в средствах массовой информации, Интернете основные принципы поведения на дороге; регулярно проводить соответствующие профилактические мероприятия в образовательных учреждениях; привлекать волонтерские организации, обучающихся полицейских классов к акциям, связанным с обеспечением безопасности дорожного движения. Таким образом, для снижения уровня смертности и аварийности на дорогах нужно разработать и внедрить комплекс правовых и технических мер.

1. Отчет об аварийности на дорогах страны за три квартала 2018 г. // Научный центр безопасности дорожного движения «Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2018 г». М., 2018.

2. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседание Президиума Госсовета по проблемам безопасности дорожного движения (Ярославль, 14 марта 2016 г.). URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 04.04.2019).

3. Семененко Г. М., Чхвимиани Э. Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. 4 (47). С. 62—69.

1. Report on accidents on the roads of the country for the three quarters of 2018. Scientific Center for Road Safety "Road traffic accidents in the Russian Federation for 9 months of 2018". Moscow; 2018.

2. Speech by the President of the Russian Federation V. V. Putin at a meeting of the State Council Presidium on road safety issues (Yaroslavl, 14 March 2016). Available from: <http://kremlin.ru>. Accessed: 4 April 2019.

3. Semenenko G. M., Chkhimiani E. Zh. Application of innovative technologies in order to prevent road traffic accidents on the territory of the Russian Federation. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 47 (4): 62—69.

4. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 04.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 4-Д 11-48 от 20 февраля 2012 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.04.2019).

6. Цепелев В. Ф., Семенов В. Р. Некоторые вопросы квалификации преступных нарушений правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в Российской Федерации и сопредельных государствах СНГ: сравнительный аспект // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Веревищева М. И., Москвичев А. Ю. Ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ) // Транспортное право. 2018. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М., 2018.

9. Первый зампред комитета Госдумы по госстроительству и законодательству Вячеслав Лысаков выступает за увеличение размера штрафа для пешеходов за нарушение правил дорожного движения (ПДД) максимум в два раза. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4915736> (дата обращения 12.04.2019).

10. Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2019).

11. Гибель 15-летней школьницы под трамваем: Волгоград до сих пор в шоке. URL: <http://vlg-media.ru/2016/05/25> (дата обращения 12.04.2019).

© Стрилец О. В., Семененко Г. М.,
Пшеничкин А. А., 2019

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1090 of 23 October 1993 (ed. 04/12/2018). "On Traffic Regulations". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Definition by the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in Case No. 4-D 11-48 of 20 February 2012. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 5 April 2019.

6. Tsepelev V. F., Semenov V. R. Some issues on qualification of criminal violations of the rules ensuring the safe operation of transport in the Russian Federation and neighboring countries of the CIS: a comparative aspect. International public and private law. 2018; 2. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Verevicheva M. I., Moskvichev A. Yu. Responsibility for violation of the rules ensuring safe operation of transport (Art. 268 of the Criminal Code of the Russian Federation). Transport Law. 2018; 4. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Chuchayev A. I., Pozharsky A. Yu. Traffic crimes: concept, types, characteristics. Moscow; 2018.

9. The first deputy chairman of the State Duma Committee on State Construction and Legislation, Vyacheslav Lysakov, advocates a two-fold increase in the amount of fines for pedestrians for violating traffic rules. Available from: <https://tass.ru-obshchestvo/4915736>. Accessed: 12 April 2019.

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 19 of 17 January 2006. "On the activities of internal affairs bodies in crime prevention". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Death of a 15-year-old schoolgirl under a tram: Volgograd is still in shock. Available from: <http://vlg-media.ru/2016/05/25>. Accessed: 12 April 2019.

© Strilets O. V., Semenenko G. M.,
Pshenichkin A. A., 2019

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

Семененко Григорий Михайлович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Пшеничкин Александр Александрович,
преподаватель Ростовского
юридического института МВД России;
e-mail: alexandr_373@mail.ru

Semenenko Grigory Mikhailovich,
associate professor at the criminal
law department
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Pshenichkin Alexander Alexandrovich,
lecturer of the Roctov law institute
of the Ministry of Internal affairs of Russia;
e-mail: alexandr_373@mail.ru

* * *

*И. В. Ханова***СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИИ**

Добровольный уход человека из жизни — явление для России не новое, и отношение к нему на разных этапах развития общества было неоднозначным: зависело от восприятия понятия смерти. При исследовании феномена «доведение до самоубийства» необходимо прибегнуть к его ретроспективному анализу, так как глубоко осознать современное явление невозможно без обращения к прошлому. В статье рассматриваются правовые нормы периода IX—XX вв., устанавливающие ответственность за самоубийство и причастность к суицидам. Автором приводятся выдержки из различных правовых актов и исторических документов, касающиеся самоубийства, подговора к нему, побуждения, содействия путем доставления средств и иных проявлений причастности к рассматриваемому явлению, за которые устанавливалась уголовная ответственность. Последовательно излагаются этапы формирования российско-го законодательства об уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом.

Ключевые слова: самоубийство, причастность к суициду, подговор к самоубийству, преступление, доведение до самоубийства.

*I. V. Khanova***FORMATION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR ACTIONS RESULTING IN COMMITTING SUICIDE IN RUSSIA**

Taking his/her own life on a voluntary basis is not a new phenomenon for Russia. Public reaction towards it was ambiguous at different stages of the historical formation and development of society depending on the perception of the concept of death. While investigating the phenomenon of «actions resulting in committing suicide», it is necessary to refer to its retrospective analysis as it is impossible to realize this modern phenomenon deeply without taking into account the past. The article deals with the legal norms containing in artefacts of the Russian law of the 9-th-20-th centuries time period imposing responsibility for committing suicide and involving in it. The author of the article cites various legal acts and historical documents related to suicide as well as incitement to commit it, its motive, assistance to give some means (objects) to commit it and other aspects of involvement in the mentioned phenomenon for which criminal responsibility has been imposed. The author recites stages of formation of the Russian legislation on criminal responsibility for crimes related to suicide in a proper order.

Key words: suicide, involvement in suicide, incitement to commit suicide, crime, actions resulting in committing suicide.

Современным законодательством ужесточена уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ введены новые составы преступлений: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 Уголовного кодекса российской Федерации (далее — УК РФ)) и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Для понимания сущности

и обоснованности правовых норм, связанных с суицидом, необходимо обратиться к истории развития этого социального явления и его отражения в российском уголовном законодательстве.

В древние времена в районах с особенно суровыми условиями существования самоубийство считалось нормой поведения. Добровольно уходили из жизни старики, калеки, тяжелобольные люди, не желающие обременять соплеменников, страдающих от нехватки пищи, дефицита шкур,

холода. С развитием общественных отношений в племенах стали появляться определенные правила бытия, которые тоже не осуждали самоубийства, а иногда даже оправдывали его. Так, по славянскому языческому обычаю женщины, пережившие своих мужей, не желая обесчестить семью, добровольно заживо сжигали себя с телом супруга. Подобный уход из жизни приветствовался окружением, поскольку подтверждал непричастность женщин к гибели их мужей [1, с. 65].

Отношение к смерти изменилось с приходом христианства. В традициях православного религиозного мировоззрения самоубийство приравнено к убийству, поскольку представляет собой причинение смерти самому себе. Оно расценивается как нарушение шестой библейской заповеди (Исход 20:13) и считается смертным грехом (1Ин 5:16) [2]. Исключению из «списка грешников» подлежат только самоубийцы, страдающие слабоумием, покончившие с жизнью в связи с имеющимися у них психическими расстройствами. Несмотря на то что в Священном Писании не содержится прямого осуждения суицида, христианская религия вела непримиримую борьбу с самоубийствами, лишая грешников церковных обрядов. Так, в Ответах Тимофея Александрийского, утвержденных Шестым Вселенским Собором в 680 г. и ставших основой канонического права после крещения Руси, содержался запрет на молитву за самоубийцу и приношение: «Яко соделал сие от обиды человеческия, или по иному какому случаю от малодушия: и о таковом не подобает бытии приношения, ибо есть самоубийца» [3]. Подобное положение было закреплено и в полном сборнике церковных правил — Кормчей книге, датированной 1650 г. Послание Митриполита Фотия к псковскому духовенству 1417 г. содержало указания на отказ самоубийцам в церковном погребении [4, с. 379].

Анализ законодательных актов Древней Руси, а также периодов феодальной раздробленности и становления централизованного государства позволяет сделать вывод о том, что само по себе самоубийство, а также действия, связанные с ним, не считались преступлением и осуждались обществом только с позиций религии и нравственности. Ни в Русской правде, ни в многочисленных княжеских уставах и грамотах X—XV вв. уголовная ответственность за самоубийство или доведение до него не устанавливалась.

Впервые правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за суицидальные действия, появились в светском законодательстве в начале XVIII в. Преобразования всех сфер об-

щественной жизни, проводимые Петром I, требовали значительных человеческих ресурсов, поэтому с самоубийством стали бороться. Артикулом воинским 1715 г. оно было отнесено к числу квалифицированных убийств. Артикул 164 предусматривал ответственность за лишение себя жизни, а также за попытку суицида, причем в первом случае наказание налагалось на труп: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» [5, с. 358]. Данное наказание не распространялось на лиц, добровольно ушедших из жизни в связи с беспамятством, болезнью или меланхолией. Лица, покушающиеся на свою жизнь, законодательно делились на две группы:

— тех, кто имел мотив к самоубийству: «учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в беспамятстве и за стыдом» [5, с. 358];

— тех, кто пытался убить себя без повода.

С учетом причины суицида дифференцировалась ответственность за покушение на самоубийство: в первом случае это было позорное изгнание из полка, во втором — смертная казнь.

Аналогичная норма, направленная на борьбу с самоубийствами, содержалась и в Уставе морском, введенном в действие Указом Императора от 13 января 1720 г.

В послепетровский период значимых уголовных законов не издавалось, рассмотренные выше нормы действовали на протяжении более ста лет. Следует отметить, что Сводом законов 1832 г. наказание в виде смертной казни, применяемое в отношении лиц, покушающихся на свою жизнь, было заменено ссылкой в Сибирь [6, с. 13].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. самоубийству была посвящена отдельная глава, в которой говорилось о добровольном лишении себя жизни, покушении на убийство самого себя и причастности к суициду. Нормы о самоубийстве практически без изменений перешли в редакцию Уложения 1885 г., где не предусматривалось уголовной ответственности за самоубийство и покушение на него, но было указано на его гражданские и духовные последствия. Абсолютно новым для уголовного права стало закрепление уголовной ответственности за пособничество и побуждение к самоубийству. Под пособничеством понималось склонение лица к добровольному принятию смерти, иными словами, подстрекательство, а также активное действие по доставлению средств для совершения суицида. Уложением было установлено строгое наказание

за склонение к совершению самоубийства в виде лишения всех прав состояния, и ссылки на кааторжные работы в Сибирь на срок от 15 до 20 лет [7, с. 569]. Наказание назначалось только в том случае, если в действиях лица присутствовал прямой умысел, т. е. оно осознавало, что помогает потерпевшему лишить жизни самого себя и желало наступления таких последствий.

Статья 1476 Уложения 1885 г. предусматривала ответственность за доведение до самоубийства. Ей подлежали лица, обладающие признаками специального субъекта преступления: родители, опекуны и другие облеченные властью лица, действующие только в отношении тех, кто находится в зависимости от них. Законом был определен и способ побуждения подчиненного лица к самоубийству: «Явное, соединенное съ жестокостію злоупотребление власти» [7, с. 580]. За такие деяния было установлено наказание в виде лишения прав и тюремного заключения, а для христиан дополнительно к этому было предусмотрено церковное покаяние. Необходимо отметить, что дифференциация наказания зависела от принадлежности виновного к определенному сословию. Так, лишение некоторых личных прав и преимуществ виновного ограничивалось для дворян запретом заниматься государственной или общественной деятельностью, участвовать в выборах и быть избранными на какие-либо должности (даже в опекуны по назначению дворянской опеки); для священнослужителей — потерей навсегда духовного сана; для почетных граждан и купцов — запретом участвовать в городских выборах и быть избираемыми в почетные или соединенные с властью городские должности; для людей всех прочих состояний — потерей права участвовать в выборах и быть избранными в почетные или соединенные с властью должности [7, с. 52].

Отказавшись от преследования самоубийства и покушения на него, а также от побуждения к самоубийству зависимого от виновного лица, Уголовное уложение 1903 г. предусматривало уголовную ответственность за два самостоятельных состава: содействие самоубийству путем доставления средств (ст. 462) и подговор к самоубийству (ст. 463). Они кардинально отличались друг от друга прежде всего тем, что в первом случае была предусмотрена уголовная ответственность за содействие самоубийству дееспособного лица, а во втором — за содействие недееспособным, беспомощным лицам. Различались рассматриваемые преступления и по объективной стороне. По статье 462 наказуемым считалось только действие,

выраженное в предоставлении средств к осуществлению задуманного самоубийства, если в результате их использования дееспособное лицо покончило с жизнью. Иные действия, фактические относимые к содействию: уговор, вовлечение, побуждение, физическое или психическое принуждение — данной статьей не преследовались. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 463, была представлена несколькими альтернативными действиями: подговором, содействием советом или указанием, а также доставлением средства или устранением препятствий. Совершение любого из них в отношении слабоумного или лица, не достигшего 21 года, влекло уголовную ответственность лишь в случае, если последовало самоубийство или покушение на него. В обоих рассматриваемых составах были наказуемы только умышленные действия виновного.

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за доведение до самоубийства, предусмотренные Уложением 1903 г., так и не вступили в силу, поэтому подход государства к суициду и действиям, связанным с ним, закрепленный в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, не менялся вплоть до 1918 г. — до полного отказа от дореволюционного законодательства.

Первый уголовный кодекс советского государства появился в 1922 г. Примечательно, что рассматривая самоубийство как действие, противоречащее нормам этики и морали, законодатель не внес в уголовный закон правовую норму, устанавливающую наказание за его совершение, посчитав этот шаг нецелесообразным. Таким образом, впервые произошел действительный отказ от уголовного преследования самоубийц и лиц, предпринявших попытку добровольного ухода из жизни. По Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. (далее — УК РСФСР 1922 г.) преследовалось только причастность к самоубийству, которая не выделялась в качестве отдельного преступления и, поскольку объектом посягательства в нем выступала жизнь другого человека, рассматривалась как разновидность убийства. Согласно ст. 148 ответственность устанавливалась за содействие или подговор к самоубийству независимо от способа их совершения, если они заведомо были направлены на беспомощных лиц, неспособных правильно оценивать свои действия, при том условии, что последовали самоубийство или покушение на него. Под подговором понимались разного рода деяния, которые вызывали у человека, ранее не помышлявшего о самоубийстве, решимость лишить себя жизни.

Под содействием — деятельность виновного по оказанию помощи лицу, самостоятельно принявшему решение о самоубийстве, в реализации задуманного.

Подговор и содействие самоубийству вменяемых и совершеннолетних лиц не образовывали состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РСФСР 1922 г. Считалось, что полноценный здравомыслящий человек никогда не поддастся на уговоры и не лишит себя жизни, удовлетворяя интересы других лиц. Но, если подобное случилось, действия лица, подговорившего к суициду или способствовавшего самоубийце, расценивались как исполнение умышленного убийства и наказывались в соответствии со ст. 143 УК РСФСР 1922 г. [8, с. 37].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (далее — УК РСФСР 1926 г.) установил ответственность за доведение до самоубийства, разграничив составы преступления и дифференцировав наказание. Так, в ч. 1 ст. 141 главы VI Особенной части предусматривалась ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, жестоким обращением или иным подобным путем. Совершение таких деяний влекло за собой наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет. Наряду с этим в ч. 2 ст. 141 сохранились положения ст. 148 УК РСФСР 1922 г., предусматривающие назначение наказания в виде лишения свободы сроком до трех лет за содействие и подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать значение совершаемого им или руководить своими поступками, если последовали самоубийство или покушение на него [9]. Под доведением до самоубийства понимались активные действия виновного, толкающие потерпевшего к суициду: в первую очередь к ним было отнесено жестокое обращение с жертвой, например, побои, лишение пищи, издевательства. Под иным подобным путем доведения до самоубийства — систематическое, более или менее длительное злостное обращение с потерпевшим: постоянные оскорбления, унижения достоинства и т. п. Для квалификации действий по ч. 1 ст. 141 УК РСФСР не требовалось намерения со стороны виновного заставить другое лицо добровольно уйти из жизни. Преступление могло быть совершено как умышленно (с косвенным умыслом), так и неосторожно. При наличии у виновного прямого умысла на доведение лица до самоубийства совершенное деяние рассматривалось как убийство.

В 1960 г. на смену УК РСФСР 1926 г. пришел новый уголовный кодекс, в котором интересующий нас состав — доведение до самоубийства — был закреплен в ст. 107. На этот раз законодатель не установил различий между доведением до самоубийства взрослого и несовершеннолетнего. Ответственность за содействие или подговор к самоубийству беспомощных лиц не предусматривалась. В остальном позиция государства в определении доведения до самоубийства практически не изменилась, в том числе с точки зрения наказания. Статья 107 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. гласила: «Доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» [10]. Законодатель, как и прежде, не дал определения понятию «доведение до самоубийства», но привел более точную формулировку деяния, заменив словосочетание «иным подобным путем», содержащееся в диспозиции ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г. и вносящее сложности в правоприменительную практику, указанием на признак систематического унижения личного достоинства потерпевшего. Под действиями, унижающими достоинство, понимались оскорбления, насмешки, неприличные шутки, ложные обвинения, систематические преследования, хулиганские выходки и даже изуверские обряды. Объектом рассматриваемого преступления выступала жизнь человека, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного. Такая зависимость могла быть обусловлена различными обстоятельствами: взаимоотношениями в семье, трудовым соглашением, совместной работой и т. п. Вопрос об установлении факта зависимости при рассмотрении дел о доведении до самоубийства разрешался судом, и, если по убеждению последнего, она отсутствовала, виновное лицо к уголовной ответственности не привлекалось.

Современный этап развития уголовно-правового запрета доведения до самоубийства также имеет свои особенности. В статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовно наказуемым признано «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Таким образом, уголовным законом изначально была установлена ответственность за доведение до самоубийства широ-

кого круга лиц, без выделения их по признакам зависимости от виновного, возраста, что позволило обеспечить более эффективную защиту прав и законных интересов граждан.

Нельзя не отметить, что взятый государством курс на либерализацию и гуманизацию наказания, постепенное сокращение уголовной репрессии и развитие альтернативных лишению свободы видов наказания отразился на санкции указанной нормы. Сначала в качестве наказания за доведение до самоубийства УК РФ было предусмотрено лишение свободы на срок до пяти лет (как это было и в советский период) и альтернативное ему наказание — ограничение свободы на срок до трех лет. В 2011 г. санкция ст. 110 была дополнена еще одним видом наказания, альтернативным лишению свободы, — принудительными работами на срок до пяти лет. В 2017 г. одновременно с выделением новых составов преступлений, связанных с суицидами, наказание за доведение до самоубийства (ч. 1 ст. 110 УК РФ) было ужесточено: данное преступление (без квалифицирующих признаков) стало наказываться принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового.

Глобализация проблемы суицидов в России особенно среди несовершеннолетних заставила законодателя иначе подойти к вопросу определения уголовной ответственности за доведение до самоубийства. В 2017 г. ст. 110 УК РФ была дополнена рядом квалифицированных составов, от-

несенных к категории особо тяжких преступлений. Законодатель был вынужден вернуться к уголовному преследованию склонения к совершению самоубийства и содействия совершению добровольного ухода из жизни (ст. 110¹). В качестве дополнительного механизма противодействия побуждению к суицидальному поведению в УК РФ был включен новый состав, предусмотренный ст. 110² «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Таким образом, подходы к определению уголовной ответственности за деяния, связанные с самоубийством, в России на различных этапах формирования общества и государства были неоднозначными. Эволюция рассматриваемых нами норм уголовного законодательства претерпевала определенные изменения в разные исторические периоды, отражала оценку самоубийства обществом и государством с учетом действующих религиозных и политических взглядов. Процесс становления института уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом, условно можно разделить на три основных этапа: дореволюционный (1845—1917 гг.), характеризующийся закреплением уголовной ответственности за склонение и побуждение к самоубийству; советский (1918—1996 гг.), связанный с появлением самостоятельного преступления — «доведение до самоубийства», и постсоветский (с 1996 г.), когда произошла дифференциация уголовной ответственности за доведение до самоубийства, а также появились новые составы преступлений: «склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

1. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука. 1989. 477 с.

2. Библия Онлайн. URL: <https://www.bibleonline.ru> (дата обращения: 16.10.2018).

3. Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Правила святых отцов — Канонические ответы Тимофея Александрийского. URL: <http://azbuka.ru> (дата обращения: 06.11.2018).

4. Грамота псковскому духовенству с решениями по некоторым вопросам церковной дисциплины митрополита Фотия // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. 682 с.

5. Российское законодательство X—XX веков: в девяти томах. Т. 4. Законодательство периода

1. Karamzin N. M. History of the Russian State: in 12 Volumes. Ed. by A. N. Sakharov/ Moscow: Nauka; 1989: 477 p.

2. Bible Online. Available from: <https://www.bibleonline.ru>. Accessed: 16 October 2018.

3. Canonical Rules of the Orthodox Church with Interpretations. The Rules of the Holy Fathers — Canonical Answers of Timothy of Alexandria. Available from: <http://azbuka.ru>. Accessed: 6 November 2018.

4. Letter (Gramota) with Decisions on Certain Issues of Church Discipline Addressed to the Pskov Clergy by Metropolitan Photius. Russian Historical Library. St. Petersburg; 1880; 6: 682 p.

5. Russian Legislation of the X—XXth Centuries: in 9 Volumes. Volume 4. Legislation of the Period of

становления абсолютизма. М.: Юрид.лит., 1986. 512 с.

6. Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. 15. 569 с.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издание седьмое, пересмотренное и дополненное. СПб.: Изд-во Н. С. Таганцева, 1892. 799 с.

8. Немировский Э. Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Кодекса СССР. Часть общая и особенная. Одесса: Вторая государственная типография им. тов. Ленина, 1924. 292 с.

9. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 ноября 1926 г. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ханова И. В., 2019

Formation of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya literature; 1986; 4: 512 p.

6. Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg; 1832; 15: 569 p.

7. Code of the Criminal and Correctional Penalties of 1885. 7th edition. St. Petersburg: Publishing House of N. S. Tagantsev; 1892: 799 p.

8. Nemirovsky E. Ya. Soviet Criminal Law: Textbook for the Study of the Science of the Criminal Law and the Acting Code of the USSR. Part: Common and Special. Odessa: the Second State Typography named after V. I. Lenin; 1924: 292 p.

9. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22 November 1926. "On Implementation of the Criminal Code of the RSFSR of 1926" (with the Criminal Code of the RSFSR). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR dated 27/10/1960). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Khanova I. V., 2019

Ханова Ирина Витальевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: ivhanova@mail.ru,

Khanova Irina Vitalevna,
senior lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: ivhanova@mail.ru

* * *

А. А. Бондаренко

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ,
СОЕДИНЕННОМУ ПО ОСНОВАНИЯМ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ЗАКОНОМ**

При наличии законодательного перечня в ходе расследования отдельных видов преступлений сложилась практика соединения уголовных дел в одно производство по основаниям, не указанным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Институт соединения уголовных дел является техническим механизмом расширения пределов конкретного производства в целях оптимизации затрат сил, средств и времени должностных лиц, производящих расследование по делам о взаимосвязанных деяниях. Вместе с тем одна из причин соединения уголовных дел — необходимость всестороннего полного и объективного, а также комплексного исследования отдельных преступных действий (бездействия), приведших к единому преступному результату. В статье не ставится задачи оспорить или обосновать правильность решений о соединении таких уголовных дел, поскольку большинство из тех, что проанализировано нами, расследовано и рассмотрено по существу в судах. Выделены процессуальные особенности в реализации прав различных участников уголовного судопроизводства, появление которых возможно в случае расширения пределов производства по уголовному делу.

Ключевые слова: пределы производства по уголовному делу, соединенное производство, основания соединения уголовных дел, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый.

A. A. Bondarenko

**PECULIARITIES OF PRODUCTION BY CRIMINAL
CASE UNITED ON BASES NOT PROVISIONAL LAW**

In the presence of a legislative list in the course of investigating certain types of crimes, it was the practice of combining criminal cases into one proceeding on grounds not specified in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The institution of combining criminal cases is a technical mechanism for expanding the limits of a specific proceeding in order to optimize the expenditure of effort, money and time of officials investigating cases of interrelated acts. At the same time, one of the reasons for combining criminal cases is the need for a comprehensive full and objective, as well as a comprehensive study of individual criminal actions (inaction) that led to a single criminal result. The article does not set a task to challenge or substantiate the correctness of decisions on combining such criminal cases, since most of those analyzed by us, investigated and examined on the merits in the courts. Highlighted procedural features in the implementation of the rights of various participants in criminal proceedings, the appearance of which is possible in the case of expanding the limits of criminal proceedings.

Key words: limits of criminal proceedings, joint proceedings, grounds for combining criminal cases, victim, suspect, accused, defendant.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает перечень оснований соединения уголовных дел в одно производство в отношении:

- 1) нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии;
- 2) одного лица, совершившего несколько преступлений;
- 3) лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам (ч. 1 ст. 153 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Допускается также соединение уголовных дел в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц (ч. 2 ст. 153 УПК РФ). В части 3 ст. 321 УПК РФ предусмотрена возможность объ-

единения встречных заявлений по делам частного обвинения.

При наличии законодательного перечня в ходе расследования отдельных видов преступлений сложилась практика соединения уголовных дел в одно производство по основаниям, не указанным в законе. Такую практику следует считать стабильной и существующей продолжительное время (в юридической литературе она описывается более 50 лет)¹. В период действия УПК РФ в качестве примеров можно назвать уголовные дела по фактам пожара в кафе «Хромая лошадь» в г. Перми, крушения теплохода «Булгария» в Республике Татарстан, техногенной катастрофы на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции в Республике Хакасия, пожара и гибели людей в Торговом центре «Зимняя вишня» в г. Кемерово. В обозначенных производствах имели место решения о соединении уголовных дел в отношении лиц, которые не связаны с признаками соучастия, не предъявлялись обвинения в совершении совокупности преступлений действий и заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам. По букве закона они должны были расследоваться и рассматриваться в суде раздельно. Например, в связи с крушением теплохода «Булгария» кроме лиц, оказывавших услуги, не отвечавшие требованиям безопасности, понесли наказание должностные лица, ответственные за надзор в сфере транспорта и выдавшие лицензию на использование судна задолго до трагических событий. Привлеченные к уголовной ответственности сотрудники Саяно-Шушенской гидроэлектростанции допустили преступную небрежность при выполнении каждой своих служебных обязанностей. В Кемерово в рамках соединенного уголовного дела понесли наказание собственники торгового центра, фактические его пользователи, должностные лица контролирующих органов, а также пожарный, действия которого, по версии следствия, привели к гибели людей уже во время спасательной операции. Между обозначенными лицами нет какой-либо формы соучастия, однако их действия повлекли тяжкие последствия.

Институт соединения уголовных дел фактически является техническим механизмом расширения пределов конкретного производства в целях оптимизации затрат сил, средств и времени должностных лиц, производящих расследование по делам о взаимосвязанных деяниях. Вместе с тем причиной соединения названных выше уголовных дел стала необходимость всестороннего полного и объективного, а также комплексного исследования отдельных преступных действий (бездействия), приведших к единому преступному результату.

Так, при расследовании уголовных дел осуществлялось производство различных экспертиз, в ходе которых разрешались вопросы, имеющие отношение ко всем лицам, привлекаемым к уголовной ответственности; исследовались различные условия, способствовавшие совершению преступления; изымались предметы и документы, которые признаны вещественными доказательствами в одном производстве, а не по каждому уголовному делу в отдельности. Нельзя забывать и об организации расследования с точки зрения изучения различных версий путем их комплексной проверки.

Автор не ставит перед собой задачи оспорить или обосновать правильность решений о соединении таких уголовных дел, поскольку в большинстве случаев уголовные дела расследованы и рассмотрены по существу в судах. Обозначим некоторые процессуальные особенности расследования, возникающие в границах соединенного производства.

Прежде всего, следует обратить внимание на *единый предмет доказывания*. Статья 73 УПК РФ устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию «*при производстве по уголовному делу*». Термин «дело» не связан с конкретной личностью, имеет по отношению к каждому привлекаемому к уголовной ответственности лицу нейтральный характер, что способствует целостному восприятию соединенного производства с точки зрения определения предмета доказывания. «*Событие преступления*» в таких случаях собирательное: время может определяться от конкретного (последнего, но связанного с предшествующими) преступного действия, место — не всегда четко установленная территория, помещение. При соединении уголовных дел форма и характер вины каждого преследуемого лица, степень и размер причиненного вреда будут определены в зависимости от действий конкретных лиц и наступивших последствий.

Соединенное производство предпочтительней и с точки зрения выявления обстоятельств, способствовавших совершению каждого преступного действия в отдельности и формированию преступного события в целом. По окончании расследования должностное лицо будет иметь возможность внести представление обобщенного характера с учетом анализа всех условий, приведших к трагедии. В этом также проявляется смысл публичности уголовного судопроизводства, когда должностное лицо желает достичь общественно-полезную цель.

Новые возможности в реализации своих прав участниками стороны обвинения

Закон определяет, что потерпевшему, гражданскому истцу вред причиняется непосредственно

преступлением. Каждый из данных участников вправе знакомиться с материалами уголовного дела только в части, касающейся вреда, причиненного именно ему конкретными преступными действиями.

Если вновь рассматривать уголовное дело по факту крушения теплохода «Булгария», то здесь соединение уголовных дел было необходимо: требовалось связать причинение вреда с действиями владельцев судна, которые не обеспечили достаточного финансирования его подготовки к эксплуатации; членов экипажа в момент крушения; недобросовестным исполнением служебных обязанностей должностными лицами, лицензировавшими деятельность компании, осуществлявшей пассажирские перевозки; лицами, регистрировавшими пригодность судна к эксплуатации. В случае установления указанной причинно-следственной связи, лица, которым причинен вред, будут вправе знакомиться с подтверждающими обстоятельства материалами уголовного дела, отражающими событие в целом. Нельзя не сказать о том, что в случае раздельного расследования уголовных дел, допустим, по факту недобросовестного выполнения служебных обязанностей контролирующими органами некоторые лица могут не быть признанными потерпевшими вовсе.

В границах единого производства потерпевший и гражданский истец будут иметь возможность реализации своих прав применительно ко всем соединенным в деле обвинениям:

- знать обо всех предъявленных обвинениях в границах одного производства, т. е. оценивать действия всех преследуемых лиц в совокупности и, соответственно, обжаловать эти решения при несогласии с ними;

- заявлять ходатайства об участии в следственных действиях и в связи с назначением экспертиз, содержанием которых будут обстоятельства и вопросы, касающиеся каждого предъявленного обвинения, что невозможно в отдельно взятом уголовном деле;

- заявлять единый гражданский иск.

Кроме того, единый гражданский иск по уголовному делу дает следователю возможность его обеспечения путем наложения ареста на имущество любого из подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу, так как действия каждого привели к преступному событию (пожару, крушению, катастрофе).

Обратим внимание на участие потерпевшего в едином судебном следствии, прениях. Очевидна предпочтительность его позиции и возможностей в реализации своих прав в границах единого производства, что в целом отвечает назначению уголовного судопроизводства.

Отдельно отметим особенности, связанные с необходимостью признания лица потерпевшим по единому преступному событию (при фактическом причинении вреда несколькими преступными действиями), которые могут возникнуть в границах соединенного производства:

- единовременный допрос потерпевшего (как на стадии предварительного следствия, так и в судебном заседании);

- однократное оглашение показаний в порядке ст. 281 УПК РФ;

- возмещение расходов потерпевшему, понесенных в связи с участием в ходе предварительного расследования и суде;

- оплата работы представителя потерпевшего с учетом его участия по единому уголовному делу (при наличии оснований) и др.

Новые возможности в реализации своих прав участниками стороны защиты

Некоторые уже описанные особенности расширения прав будут иметь место и для подозреваемого (обвиняемого). Например, если производство экспертизы прямо не связано с конкретным лицом (допустим, решается вопрос о вменяемости одного из обвиняемых — не соучастника), у всех остальных обвиняемых сохраняется возможность знакомиться со всеми постановлениями о назначении экспертиз и соответствующими заключениями, а также заявлять по их существу ходатайства.

Уголовно-процессуальный закон в большинстве норм адаптирован к производству по уголовному делу, осуществляемому в отношении одного лица, совершившего одно или несколько преступлений, или нескольких лиц, совершивших одно преступление в соучастии. Например, ч. 6 ст. 49 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ устанавливают невозможность участия в производстве по уголовному делу защитника, осуществляющего защиту одновременно двух подозреваемых (обвиняемых), если их интересы противоречат друг другу или адвокат ранее оказывал одному из них, а также потерпевшим (иным участникам) юридическую помощь. Приведенные нормы в привычном их восприятии применяются в отношении лиц, которые объединены соучастием.

Вернемся к примерам. Между пожарным, который участвовал в спасательной операции, и фактическим владельцем торгового центра «Зимняя вишня», сотрудниками речного регистра и членами экипажа теплохода «Булгария» нет признаков соучастия. Кроме того, прямые противоречия в интересах не прослеживаются, однако, с учетом того что действия указанных лиц в совокупности привели к единым последствиям, участие адвоката в качестве защитника в интересах нескольких об-

виняемых должно оцениваться более критично, а по возможности исключаться. Предполагаем, что при раздельном расследовании указанных уголовных дел отвести защитника по названным основаниям было бы сложно, поскольку нормы закона направлены на конкретное производство, а к выводу о наличии противоречий в интересах можно прийти лишь при совокупной оценке материалов всех уголовных дел, соединенных в одно производство.

Автор считает, что изложенная позиция не противоречит решению апелляционной инстанции по делу об аварии на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции в Республике Хакасия. Так, после неявки защитников подсудимого Е. И. Шерварли по ходатайству последнего судом первой инстанции в судебном заседании принято решение о назначении ему нового защитника — адвоката Д. Л. Шурьгина, который также осуществлял защиту интересов подсудимого Г. И. Никитенко.

Апелляционной инстанцией было установлено, что возражений по назначению адвоката Д. Л. Шурьгина в качестве защитника сам Е. И. Шерварли не заявил, а напротив, указывая на отсутствие у него и Г. И. Никитенко каких-либо противоречий в правовой позиции по существу рассматриваемого дела, просил о продолжении судебного разбирательства. Каких-либо противоречий между интересами Г. И. Никитенко и Е. И. Шерварли, в защиту которых в суде первой инстанции выступал адвокат Д. Л. Шурьгин, не имелось на стадиях предварительного следствия, в суде первой инстанции, а также на момент судебного заседания в апелляционной инстанции. Обстоятельств, исключающих участие названного адвоката в качестве защитника, не усматривалось, а доводы апеллянтов были оставлены без удовлетворения [4]. Анализ решения указывает на то, что оценка наличия или отсутствия противоречий на всех предшествующих стадиях стала возможной в силу единого производства в отношении лиц, действия которых привели к одному результату.

Обвиняемый не имеет ограничений по ознакомлению с уголовным делом лишь в части, как это установлено для потерпевшего и гражданского истца (ответчика). По окончании предварительного следствия после выполнения требований ст. 215, 216 УПК РФ следователь будет предъявлять для ознакомления единое производство каждому обвиняемому и его защитнику независимо от их позиции, а также от совершенного преступления, что при противоречии интересов обвиняемых положительно влияет на возможности формирования линии защиты.

В соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ обвиняемому разъясняется право ходатайствовать о применении определенного порядка судебного разбирательства и выборе состава суда. При этом волеизъявление одного обвиняемого в границах единого производства зависит от желания другого обвиняемого. Закон устанавливает, что при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство оно в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей. В некоторых случаях результат выбора predetermined: не могут рассматриваться уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет в составе судьи районного суда и коллегии из шести присяжных заседателей (п. 21 ч. 2 ст. 30 УПК РФ); если дела о преступлениях, совершенных несколькими лицами, подсудны военному суду в отношении хотя бы одного из соучастников, а выделение уголовного дела в отношении остальных лиц невозможно, указанные дела в отношении всех лиц рассматриваются соответствующим военным судом; если хотя бы одно преступление будет подсудно судье областного суда, то все уголовное дело будет рассматриваться соответствующим областным судом. Аналогичная взаимосвязь наблюдается и при выборе порядка рассмотрения уголовного дела. Если один или несколько обвиняемых выступают против применения особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), то при невозможности выделения уголовного дела судебное разбирательство будет проходить в общем порядке. При этом может возникнуть противоречие: в случае разногласий в ходатайствах о порядке судебного разбирательства и выборе состава суда закон требует выделить уголовное дело в отдельное производство, если это *не повлияет на всесторонность, полноту и объективность исследования* обстоятельств совершенного преступления, однако предшествующее соединение уголовных дел продиктовано именно названным критерием.

В производствах по фактам пожара в кафе «Хромая лошадь» в г. Перми, крушения теплохода «Булгария» в Республике Татарстан, техногенной катастрофы на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции в Республике Хакасия у подсудимых не было разногласий в выборе порядка судебного разбирательства, однако, по нашему мнению, в случае их возникновения предпочтение должно быть отдано возможности исследования обстоятельств совершенных преступлений в едином судебном разбирательстве, а его форму и состав суда нужно избрать с учетом сложившейся практики в названных вопросах. Такое решение больше соответствует назначению уголовного судопроизвод-

ства, отвечает интересам потерпевших и подсудимых.

Нельзя не сказать, что рассмотренная особенность при выборе порядка судебного разбирательства и состава суда определяет наличие дополнительных гарантий для лица, чье право было фактически заблокировано. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» от 15 мая 2018 г. № 11 обращается внимание на то, что в случае рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей каждый обвиняемый должен быть обеспечен защитником независимо от того, по каким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации ему предъявлено обвинение. Данное правило будет действовать и тогда, когда один из обвиняемых был против рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей [5].

Представляется интересным рассмотрение особенностей участия подсудимого в судебном разбирательстве в границах единого производства. Таким же абсолютным видится правило обязательного участия подсудимого в судебном разбирательстве, даже если конкретное заседание не имеет прямого отношения к нему. При этом право на заочное судебное разбирательство (ч. 4 ст. 247 УПК РФ) в случае совершения преступлений небольшой и средней тяжести сохраняется, однако следует учитывать один важный аспект. Смоделируем ситуацию на основе имеющегося примера. Член экипажа теплохода может давать показания, предмет которых имеет двойственную природу. Одна их часть направлена на собственную защиту от предъявленного обвинения в совершении преступления, вторая представляет собой описание обстоятельств, которые к нему прямого отношения не имеют, однако уличают в совершении преступления иных лиц, допустим, владельца судна, т. е. фактически имеет свидетельскую природу. Кроме того, в случае единого производства лицо независимо от вида и цели следственного действия (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания) давало показания в качестве подозреваемого или обвиняемого, что не подразумевает его предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Нет гарантий правдивости показаний как при до-

просе лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 56¹ УПК РФ), когда в случае его отказа от дачи показаний или установления их ложности наступают предусмотренные главой 40¹ УПК РФ последствия несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. В связи с этим представляется спорной возможность оглашения «свидетельской» части показаний в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 276 УПК РФ. Считаем, что подсудимый должен быть вызван для дачи показаний, а в случае отказа они могут быть оглашены при условии соблюдения требований ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ на предшествующих стадиях.

В случае если подсудимый отсутствовал при разрешении уголовного дела в суде по основаниям, указанным в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, может остро стоять вопрос отмены приговора в порядке ч. 7 ст. 247 УПК РФ и назначения судебного разбирательства в общем порядке даже при участии иных подсудимых. При этом они могут не возражать против приговора, вынесенного в части их осуждения, но будут связаны решением подсудимого, приговор в отношении которого был вынесен заочно.

Процессуальные особенности могут возникнуть в границах соединенного производства на всем пути уголовного дела. Так, в литературе указано на наличие сложносоставных решений второй инстанции. Е. Г. Васильева отмечает, что формы, закрепленные в ч. 2 ст. 389²⁰ УПК РФ, рассчитаны прежде всего, на простые уголовные дела: одно преступление, один обвиняемый. Тогда же, когда количество преступлений и (или) обвиняемых по делу увеличивается и при этом ошибки судом первой инстанции допускаются лишь в отношении некоторых из них, суд апелляционной инстанции вынужден принимать «гибридные решения», которые фактически могут содержать в себе два, а иногда и более решений, указанных в ч. 1 ст. 389²⁰ УПК РФ. Согласно смыслу данной статьи суд должен облечь все решения в одну форму — определение, постановление или приговор [6, с. 81—85].

В завершение статьи отметим, что изменение пределов производства путем соединения уголовных дел по не указанным в законе основаниям имеет место в следственной и судебной практике и позволяет увидеть процессуальные особенности такого производства в реализации прав различных участников уголовного судопроизводства.

Примечание

* Например, на сложившуюся практику соединения уголовных дел по основаниям, не предусмотренными законом, обращали внимание И. Е. Быховский в 1961 г. [1, с. 38—40], Ш. Ф. Шарафутдинов в 1990 г. [1, с. 26—30], П. Г. Марфицин в 1996 г. [1, с. 28—29].

** В отличие от УПК РСФСР современный закон прямо не провозглашает положения о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, однако это требование находит отражение во многих нормах УПК РФ, например, в ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 УПК РФ

1. Быховский И. Е. Соединение и выделение уголовных дел. М., 1961. 78 с.

2. Шарафутдинов Ш. Ф. Соединение и выделение уголовных дел и материалов в советском уголовном процессе. Уфа, 1990. 88 с.

3. Марфицин П. Г. Общие условия производства предварительного расследования: учеб.-практ. пособие. Омск, 1996. 72 с.

4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия по делу 22-243/2015 от 26 мая 2015 г. URL: <https://vs-hak.sudrf.ru> (дата обращения: 01.02.2019).

5. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Васильева Е. Г. Виды и формы решений суда апелляционной инстанции по уголовным делам: проблемы практики // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию профессора П. А. Лупинской (Москва, 8 апреля. 2016 г.) / отв. ред. С. Б. Россинский. М., 2016. 592 с.

1. Bykhovsky I. E. Connection and allocation of criminal cases. Moscow; 1961: 78 p.

2. Sharafutdinov Sh. F. Combination and allocation of criminal cases and materials in the Soviet criminal process. Ufa; 1990: 88 p.

3. Marfitsin P.G. General conditions of the preliminary investigation. Omsk; 1996: 72 p.

4. Appeal definition of the Supreme Court of the Republic of Khakassia in the case of 22-243 / 2015 of 26 May 2015. Available from: <https://vs-hak.sudrf.ru>. Accessed: 2 January 2019.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of 15 May 2018. "On Amendments to Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Vasilieva E. G. Types and forms of court decisions of the appeals instance in criminal cases: problems of practice. In: Modern problems of proving and making decisions in criminal proceedings. Social problems of proof and decision making in criminal proceedings. Social technologies and legal institutions: proceedings of the Intern. Scientific practical conference dedicated to the 95th anniversary of professor P. A. Lupinsky, 8 April 2016, Moscow, Russia. Ed. by S. B. Rossinsky. Moscow; 2016: 592 p.

© Bondarenko A. A., 2019

© Бондаренко А. А., 2019

Бондаренко Антон Алексеевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России;
e-mail: prozess_oma@mail.ru

Bondarenko Anton Alexeevich,
lecturer at the department of the criminal process
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: prozess_oma@mail.ru

* * *

Е. М. Головащук

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируются современное состояние и процессуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела, показаны нарушения законности и прав граждан, обратившихся с заявлением о преступлении, обосновывается необходимость ее отмены. Автор рассматривает мнения различных ученых относительно существования данного этапа уголовного судопроизводства. Отдельные исследователи отмечают положительные аспекты стадии возбуждения уголовного дела, указывают на то, что она является своего рода гарантией защиты граждан от незаконных действий правоохранительных органов. Многие авторы обоснованно обращают внимание на то, что длительная проверка не допустима при очевидных признаках обнаруженного преступления, это, безусловно, нелогично и ведет не только к потере времени, но и к утрате важнейших источников доказательств при раскрытии преступления в дальнейшем. Указанная стадия становится суррогатом расследования.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, дополнительная проверка, незаконные решения, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, сообщения о преступлении, доступ к правосудию, заявитель.

Е. М. Golovashchuk

THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE EXISTENCE OF THE STAGE OF INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the current state and procedural problems at the stage of initiating a criminal case, shows violations of the law and the rights of citizens who filed a criminal complaint, justifies the need for its cancellation. The author analyzes the opinions of various opinions of scientists about the existence of this stage of criminal proceedings. Some authors mark to the positive aspects of the existence of a criminal case indicates that the existence of a stage is a kind of guarantee of protection of citizens against illegal actions of law enforcement. Many authors reasonably draw attention to the fact that long-term verification is not permissible with obvious signs of a detected crime. This is certainly not logical and leads to a loss of time, to the loss of the most important sources of evidence in the detection of this crime in the future. This stage practically becomes a investigation's surrogate.

Key words: the stage of initiation of criminal proceedings, additional verification, unlawful decisions, illegal refusal to initiate criminal proceedings, reports of a crime, access to justice, the applicant.

В последние годы все чаще учеными-процессуалистами ставится вопрос об устранении стадии возбуждения уголовного дела. Ю. В. Деришев обращает внимание на данный аспект как на проявление процессуальной расточительности [1]. М. С. Строгович утверждал, что «возбуждение уголовного дела — правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела» [2, с. 19—20]. Некоторые авторы подчеркивают, что деятельность на стадии возбуждения уголовного дела играет важную социальную роль, так как ограждает от неза-

конного и необоснованного уголовного преследования, а потому ее ликвидация приведет к ослаблению режима законности в уголовном процессе [3]; [4]. Представляется, что придание данной стадии подобной значимости спорно. Наоборот, здесь происходит наибольшее количество нарушений прав граждан. Множество сообщений о преступлениях просто отторгается.

Если в ходе проверки были обнаружены признаки преступления, должно быть незамедлительно возбуждено уголовное дело. По справедливому замечанию ученых, такие признаки, как правило,

содержатся в 98 % поступивших сообщений о преступлениях. Однако существенной проблемой является тот факт, что уголовное дело не торопятся возбуждать и проводят максимально длительные предварительные проверки. Так, Б. Сергеев утверждает, что подобное наблюдается в 89 % случаев из 100 [5, с. 10—11]. При этом названный автор и другие исследователи отмечают, что предварительная проверка сообщения, где признаки преступления очевидны, может затягиваться на длительный срок [6]. Как видим, здесь нарушается право потерпевшего на доступ к правосудию. Уходит время, привлечение к уголовной ответственности за совершенное преступление, принятие процессуально значимых решений и восстановление нарушенных прав потерпевшего сопровождаются волокитой.

Во многих случаях целью дополнительной проверки становится вынесение незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. С точки зрения А. С. Каретникова, С. А. Коретникова, данная практика особенно прослеживается по тем сообщениям о преступлениях, в которых неизвестно лицо, совершившее деяние, и нет перспектив для его установления [7]. Возникают вопросы: почему так происходит, каковы причины указанных действий? Считаем, что в первую очередь этому способствуют требуемые от правоохранительных органов показатели, в том числе показатель раскрываемости. В последние годы повысился уровень ответственности правоохранительных органов, включая полицию, за несоблюдение учетно-регистрационной дисциплины. Однако проблема противодействия нарушениям законности и учетно-регистрационной дисциплины по-прежнему актуальна. Об этом свидетельствуют результаты прокурорского надзора. Так, в 2018 г. только в Красноярском крае прокуроры отменили 1 848 тыс. постановлений органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела [8]. С одной стороны, данный факт говорит о росте прокурорской активности по выявлению различных нарушений законности, с другой — о «стойкости» существования указанного негативного явления, связанного с практикой укрытия преступлений. Еще несколько лет назад А. П. Скобликов обратил внимание на то, что количество укрытых от учета преступлений в России составляет миллионы [9].

По мнению сторонников стадии возбуждения уголовного дела ее отмена может привести к тому, что должностные лица органов предварительного расследования будут по всем зарегистрированным сообщениям о преступлениях проводить след-

ственные действия, связанные с применением мер процессуального принуждения [3]. Важно помнить, что для этого всегда должны быть веские основания: фактические и юридические — постановление об их проведении. По своему содержанию постановления должны соответствовать ч 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), т. е. быть мотивированными и обоснованными. Только при соблюдении указанных процессуальных условий проведение следственных действий будет законным. На это, на наш взгляд, необходимо обратить особое внимание, поскольку постановление как таковое не дает правоприменителю законного права применять ту или иную меру уголовно-процессуального принуждения. Соблюдение процессуальных условий должно жестко контролироваться органами прокуратуры.

С. Д. Долганов отмечает, что обычно основания для таких действий, как задержание, производство обыска, выемки, нередко появляются сразу после совершения преступления, указанные меры реализуются, как правило, по «горячим следам», в связи с тем что промедление приводит к негативным последствиям. Соответственно, оценка законности или незаконности применения мер принуждения и производства следственных действий опирается на такой важный фактор, как наличие или отсутствие оснований для их производства [11]. Постановление о возбуждении уголовного дела, по справедливому замечанию Ю. П. Боруленкова, не «вписывается» в фундамент этой оценки, значит, выглядит инородным, искусственно созданным барьером, создающим определенные препятствия для процесса познания совершенного преступления [10].

На практике распространена ситуация, когда при невозможности установить в отведенные законом сроки основание для принятия мотивированного решения по сообщению о преступлении (часто экономической направленности) следователь отказывается в возбуждении уголовного дела, рассчитывая, что его постановление будет отменено с установлением дополнительных сроков для продолжения проверки [11, с. 52—53]. Это обстоятельство подтверждают и опросы оперативных сотрудников, которые занимаются проверкой и правовой оценкой экономических преступлений*. Необходимо отметить, что по данной категории дел в срок 30 суток установить основание для принятия процессуального решения невозможно по объективным причинам, что уже само по себе говорит об ущербности стадии возбуждения уголов-

ного дела. Речь идет не столько о недостатке времени, сколько о недостатке процессуальных средств познания, используемых здесь: отложение принятия процессуального решения влечет за собой потерю времени и процессуальных возможностей по собиранию доказательств и раскрытию преступления с использованием всего комплекса процессуальных средств.

С ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела исчезнет процедура дублирования, например, информации, полученной при взятии объяснений с граждан. Что важно, у должностного лица появится весь арсенал процессуальных средств доказывания и установления не только события преступления, но и иных обстоятельств его совершения; больше времени и возможностей для обоснования итогового процессуального решения, завершающего производство по данному делу, что будет отвечать требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Кроме того, практика укрытия преступлений от учета в форме незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела будет естественным способом прекращения, поскольку правоохранительные органы будут вынуждены реагировать на все сообщения обо всех совершенных и готовящихся преступлениях.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела создаются условия для искусственного откладывания момента принятия законного процессуального решения по сообщению о преступлении, что нарушает права лица, подавшего заявление, и во многих случаях делает невозможным раскрытие преступления.

По мнению многих авторов упразднение стадии возбуждения уголовного дела сегодня невозможно по ряду объективных причин: нестабильной экономической, политической, финансовой, социальной ситуации в России, ее геополитического положения и др. Так, О. И. Андреева полагает, что в настоящее время стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена в досудебном производстве. Она выступает гарантом стабильного функционирования уголовно-процессуальной системы в целом и уголовно-процессуального механизма рассмотрения сообщений о преступлениях, которые обеспечивают быстрое реагирование на информацию, содержащую данные о признаках преступления, обязательность ее приема, регистрации и проверки, принятие законного и обоснованного решения, соблюдение конституционно гарантированных прав и свобод граждан. Однако перспективы реформирования стадии возбуждения уголовного дела уже сейчас определяются

в позиции законодателя: дальнейшее регулирование деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении в целях повышения степени и гарантии защищенности прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса.

Определяющее значение имеет Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, который изменил концептуальные положения проверки сообщения о преступлении: расширил перечень процессуальных и следственных действий; распространил гарантии прав участников уголовного судопроизводства на лиц, участвующих в проверке; придал доказательственную силу сведениям, полученным в ходе проверки сообщения о преступлении. Это нужно расценивать как адекватный шаг в направлении повышения эффективности уголовного преследования, расширения познавательных средств стадии возбуждения уголовного дела и обеспечения достаточной возможности для сбора доказательственной информации в оптимальном объеме [12]. Таким образом, очевидно, что, исходя из приведенных изменений, рассматриваемый этап уголовного судопроизводства максимально приблизился по своему процессуальному содержанию к следующему за ним этапу — стадии предварительного расследования.

Отдельные авторы указывают на то, что негативными последствиями отказа от стадии возбуждения уголовного дела будут снижение качества расследования, ужесточение административных требований к формированию статистических показателей работы правоохранительного ведомства и, как результат, рост числа нарушений прав граждан. В связи с этим необходимо признать обоснованным мнение П. А. Скобликова о том, что сотрудники правоохранительных органов станут массово укрывать заявления от учета либо регистрировать и оценивать их не как заявления о преступлении, а в ином качестве, и проблема останется, но примет другие формы [13]. Вместе с тем большинство процессуалистов признают, что в настоящее время перед отечественной уголовно-процессуальной наукой остро стоит вопрос о необходимости кардинального изменения правового регулирования деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении. Они предлагают устранить существующие пробелы и оптимизировать практику применения требований уголовно-процессуального закона. По утверждению О. И. Андреевой, первоначальный этап реагирования на сообщение о преступлении нуждается в реформе, но не в точечных изменениях [12]. Подобное

предложение высказывают В. Исаенко и Е. Папышева [14].

Становится очевидной необходимость пересмотра подходов к ответственности правоохранительных органов за объем поступающих заявлений и сообщений о преступлениях и результаты их процессуальной обработки. На ситуацию роста и снижения различных видов преступлений за определенные периоды, без сомнений, может влиять большое количество и объективных факторов,

например, меняющаяся экономическая ситуация. Соответственно, нельзя винить правоохранительные органы, скажем, в росте числа краж с учетом того, что многие предприятия закрылись и люди потеряли работу.

В завершение отметим, что проблемы стадии возбуждения уголовного дела остаются актуальными и требуют дальнейшей научной проработки, анализа и внимания законодателя.

Примечание

* В ходе проведенного нами опроса свое мнение высказали 18 оперативных сотрудников МУ МВД России «Красноярское».

1. Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт социалистической законности // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34—35.
2. Строгович М. С. Избранные труды. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 19—20.
3. Тарзиманов В. М., Даровских С. М. Целесообразен ли отказ от стадии возбуждения уголовного дела? // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 1. С. 48—52.
4. Коридзе М. Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и пути их решения // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 157—158.
5. Сергеев Б. М. Процессуальные и организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
6. Основные результаты прокурорской деятельности за 2016, 2017, за 12 месяцев 2018 г. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: crimestat.ru (дата обращения: 23.04.2019).
7. Каретников А. С., Коретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Законность. 2015. № 1. С. 41—46.
8. Основные результаты прокурорской деятельности по Красноярскому краю за 2018 г. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: crimestat.ru (дата обращения: 23.04.2019).
9. Скобликов А. П. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовного дела // Уголовный процесс. 2013. № 4 (100). С. 68—69.
10. Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 6—7.
11. Долганов С. Д. Использование обыска в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. М., 2017.

1. Derishev Yu. V. The stage of initiation of a criminal case is a relic of socialist legality. Russian Justice. 2003; 8: 34—35.
2. Strogovich M. S. Selected Works. Moscow: Nauka; 1990; 1.
3. Tarzimanov V. M., Darovskikh S. M. Is it advisable to abandon the stage of initiation of a criminal case? Bulletin of South Ural State University. Series "Right". 2013; 13 (1): 48—52.
4. Koridze M. T. Modern problems at the stage of initiation of a criminal case and ways to solve them. A new legal journal. 2013; 2: 157—158.
5. Sergeev B. M. Procedural and organizational issues of refusal to initiate criminal proceedings in a criminal procedure. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Chelyabinsk, 2003.
6. The main results of prosecution activities for 2016, 2017, for 12 months of 2018. Legal Statistics Portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Available from: crimestat.ru. Accessed: 23 April 2019.
7. Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. Is a criminal case necessary? / Legality. 2015; 1: 41—46.
8. The main results of the prosecutor's activity in the Krasnoyarsk Territory for 2018. Legal Statistics Portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Available from: crimestat.ru. Accessed: 23 April 2019.
9. Skoblikov A. P. Motives for unreasonable and illegal refusals to initiate criminal proceedings. Criminal trial. 2013; 100 (4): 68—69.
10. Borulenkova Yu. P. Pre-investigation Verification: Pros and Cons. Russian Investigator. 2013; 19: 6—7.
11. Dolganov S. D. Use of search in the detection, investigation and prevention of crimes. Moscow; 2017.

12. Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 356. С. 109—110.

13. Скобликов П. А. Выступление 3 октября 2012 г. в национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» на круглом столе «Российская полиция: вчера, сегодня завтра». URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/2095.html> (дата обращения: 22.05.2019).

14. Исаенко В., Папышева Е. О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2009. № 6. С. 82—83.

© Головащук Е. М., 2019

12. Andreeva O. I. On the necessity of initiating a criminal case in the modern criminal process in Russia. Bulletin of Tomsk State University. 2014; 356: 109—110.

13. Skoblikov P. A. Speech on 3 October 2012 in the National Research University "Higher School of Economics" at the round table "Russian police: yesterday, today, tomorrow". Available from: <http://www.crimpravo.ru/blog/2095.html>. Accessed: 22 May 2019.

14. Isaenko V., Papysheva E. On the system of criminal procedure at the stage of initiating a criminal case. Criminal Law. 2009; 6: 82—83.

© Golovashchuk E. M., 2019

Головащук Елена Михайловна,
доцент кафедры политологии и права
Красноярского государственного
педагогического университета
имени В. П. Астафьева,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: kulakovaelena09@mail.ru

Golovashchuk Elena Mikhailovna
associate professor at the department
of political science and law
of Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: kulakovaelena09@mail.ru

* * *

С. М. Голятина, А. А. Ковальченко

**НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ХИЩЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ**

Жизнь современного человека невозможно представить без компьютера и Интернета. Широкое развитие информационных технологий привело к тому, что сегодня многие виды деятельности протекают в электронной среде. Через Интернет можно получить разные виды товаров и услуг, оплатить которые можно там же. Все это обусловило появление электронных денежных средств, а вместе с ними и рост числа преступлений, совершенных в отношении этих средств.

В данной статье авторы предпринимают попытку проанализировать некоторые элементы криминалистической характеристики хищений электронных денежных средств (предмет, личность преступника, способ совершения преступления). Представлена классификация способов совершения преступления, в основе которых лежит как обман и злоупотребление доверием граждан (мошенничество), так и тайное хищение денежных средств, принадлежащих иному лицу.

Ключевые слова: электронные денежные средства, преступление, криминалистическая характеристика, личность преступника, способ совершения преступления, хищение, мошенничество.

S. M. Golyatina, A. A. Kovalchenko

SOME ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERIZATION THEFT OF ELECTRONIC MONEY

The life of a modern person cannot be imagined without a computer and the Internet. The widespread development of information technology has led to the fact that today many activities take place in the electronic environment. Through the Internet you can get different types of goods and services, which you can pay there. All this led to the emergence of electronic money, and with it the increase in the number of crimes committed against these funds.

In this article, the authors attempt to analyze some elements of the forensic characterization of theft of electronic money (the object, the identity of the offender, the way the crime was committed). A classification of methods of committing a crime, which are based on both deception and abuse of citizens' trust (fraud), and secret theft of money belonging to another person is presented.

Key words: electronic money, crime, forensic characterization, the identity of the offender, the method of committing the crime, theft, fraud.

В настоящее время финансовый рынок Российской Федерации характеризуется ростом числа операций, проводимых с использованием денежных средств, содержащихся на виртуальных банковских картах или электронных счетах. Развитие электронной торговли и высокая стоимость банковских услуг привели к появлению электронных денежных средств — «денежных средств, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для

исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» [1]. В марте 2016 г. Банк России опубликовал очередную (ранее в 2013 г.) памятку «Об электронных денежных средствах», в которой указал, что под электронными денежными средствами надлежит понимать «безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета

и переводимые с использованием электронных средств платежа» [2].

Термин «электронные денежные средства» не следует смешивать с получившим в последнее время широкое распространение понятием «цифровые деньги» («криптовалюта»), хотя оба используются в тех ситуациях, когда речь идет о платежах в Интернете. Здесь важно подчеркнуть, что электронные деньги, в отличие от цифровых, имеют в своей основе реальную денежную массу, т. е. они так же, как наличные средства, подвержены инфляции и эмиссии.

Сегодня различают следующие разновидности электронных денежных средств:

1) эмитированные в электронном виде платежные сертификаты или чеки (хранятся в зашифрованном виде с электронной подписью эмитента);

2) записи на расчетном счете участника системы (платежи ими осуществляются посредством списания некоторого количества платежных единиц с одного счета и зачисления на другой).

Развитие системы электронных денежных средств привело к увеличению количества преступных посягательств в отношении них. Однако некоторое время назад суды Российской Федерации практически единогласно отмечали, что электронные денежные средства не могут рассматриваться в качестве предмета хищения, поскольку не являются вещью материального мира и не существуют в физически осязаемой форме. Таким образом, преступные посягательства в отношении электронных денежных средств квалифицировались по нормам о мошенничестве. В ноябре 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 48 указал, что «если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб» [3], т. е. с этого времени электронные денежные средства были приравнены к наличным и стали рассматриваться в качестве предмета хищения чужого имущества.

Сведения о предмете преступного посягательства имеют большое криминалистическое значе-

ние, поскольку позволяют следователю установить источник его получения, а также выявить возможных соучастников преступления. Кроме того, важными элементами криминалистической характеристики преступления выступают некоторые типичные обстоятельства совершения преступления (обстановка, место, время, средство); особенности личности преступника; совокупность данных, характеризующих способ совершения преступления.

В апреле 2018 г. был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», согласно которому ч. 3 ст. 158 «Кража» и ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» были дополнены новым квалифицирующим признаком. Кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств независимо от размера была отнесена к категории тяжких преступлений, к которым кроме того относится, например, кража в крупном размере [4]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что законодатель осознает его высокую общественную опасность, которая обусловлена рядом факторов:

— наличием дополнительного объекта — нарушение банковской тайны;

— подготовительной работой, которая предшествует совершению преступления и может быть квалифицирована как приготовление к преступлению;

— особенностями субъекта преступления: во-первых, он должен обладать специальными знаниями, во-вторых, его местоположением может быть любая точка мира.

Последний фактор непосредственно соотносится с личностью преступника и способом совершения преступления.

Р. Л. Ахмедшин отмечает, что «исследования различных аспектов личности преступника как элемента криминалистической характеристики преступления должны быть „сквозными“, затрагивающими как раздел криминалистической методики, так и раздел криминалистической тактики» [5]. Далее автор подчеркивает: «Исходя из сущности базового для криминалистической тактики понятия — тактического приема, мы полагаем, что в криминалистической тактике целесообразно выделять и исследовать такие структурные элементы криминалистической характеристики личности преступника, которые предполагают возможность эффективного воздействия на него со стороны другого лица, в нашем случае — следователя» [5].

Как известно, при совершении преступлений в виде материальных и идеальных следов отражаются криминалистически значимые свойства личности преступника: анатомические, биологические, психологические, профессиональные, социальные. В связи с тем что хищения электронных денежных средств совершаются удаленно от «жертвы», при этом часто используется специализированные компьютерные программы, предназначенные для указанных целей, обратим внимание на последние три группы свойств личности. Практика показывает, что значительная часть хищений электронных денежных средств совершается мужчинами 18—35 лет. Как правило, этим людям свойственны адаптивность, высокий уровень интеллектуального развития, нестандартное мышление, коммуникабельность, цинизм, расчетливые действия, склонность к риску. Большинство из них имеют высшее образование, знания в области экономики, являются «продвинутыми» интернет-пользователями. Кроме того, они умеют быстро анализировать создавшуюся ситуацию и приспосабливаться к ней, обладают навыками выявления лиц, способных поддаться чужому влиянию. Направленность действий таких преступников исключительно корыстная.

А. А. Лихолетов и П. Е. Кулешов отмечают, что рассматриваемый тип преступников «предполагает свое возможное изобличение, поэтому заранее психологически готовит себя к встрече с сотрудниками правоохранительных органов, а также подыскивает места для укрытия. Во время задержания и проведения следственных действий эти лица идут на разные ухищрения. Их главная цель — войти в доверие к следователю и облегчить свою участь» [6, с. 33].

При задержании и проведении следственных действий следователю необходимо учитывать все перечисленные свойства личности и на этом основании строить общение с подозреваемым так, чтобы исключить его уклонение от предусмотренной уголовным законом ответственности. Для этого, по мнению Р. Л. Ахмедшина, следователю необходимо оказывать воздействие на такие сферы личности преступника, как: сфера ценностей, сфера отношений и сфера притязаний. «Результатом воздействия со стороны следователя на личность преступника будет либо трансформация элементов криминалистической характеристики личности преступника, либо их ситуационная модификация» [5]. При этом речь идет не о подавлении воли подозреваемого, а о приемах логического воздействия на его сознание с учетом личностных характеристик. Данную тактику рекомендуется применять при «вербаль-

ных» следственных действиях: допросах, очных ставках, следственном эксперименте. Задача следователя состоит в демонстрации подозреваемому лицу ненадежности приведенных последним аргументов, неизбежности его дальнейшего изобличения.

Не менее важный элемент криминалистической характеристики хищений электронных денежных средств — способ совершения преступления. Часто преступники действуют дистанционно. Этим обусловлена сложность установления их личности. Анонимное интернет-пространство и безграничное доверие граждан предоставляют злоумышленникам широкие возможности для получения чужих денег, в том числе электронных, разнообразными способами, наиболее распространенными из которых являются:

— предложение товаров и услуг по выгодным ценам: часто действия преступников замаскированы под интернет-магазин, где регулярно проходят акции и действуют привлекательные скидки. Подобные магазины работают по 100-процентной предоплате. После того, как лицо переводит деньги на указанный счет, продавец перестает отвечать на сообщения, его профиль оказывается заблокированным, а интернет-магазин прекращает свою работу;

— фишинг (от англ. fishing — рыбная ловля): письма, сообщения от имени электронных платежных систем WebMoney, Яндекс.Деньги, Pay-Pal и др. о блокировании счета с указанием ссылки для его реактивации. Пользователь направляется на сайт — копию сайта платежной системы, принадлежащую преступникам, вводит логин и пароль, тем самым предоставляет последним доступ к своему электронному кошельку;

— интернет-попрошайничество: преступники создают сайт — аналог сайта благотворительной организации, фонда, где просят оказать помощь нуждающимся, однако реквизиты сайтов отличаются друг от друга.

Во всех перечисленных способах хищение электронных денежных средств осуществляется путем обмана, злоупотребления доверием граждан, следовательно, их надлежит квалифицировать как мошенничество. Однако существуют и способы тайного хищения электронных денежных средств: для этого преступники добывают данные иного лица, необходимые для входа, например, в WebMoney (адрес электронной почты), затем посредством ряда ухищрений строят цепочку, ведущую от пользователя к электронному кошельку преступника, и получают таким образом чужие денежные средства. Если говорить о системе Яндекс.Деньги, где для оформле-

ния электронного кошелька необходимы паспортные данные, то здесь «работают» схемы с трудоустройством или сервисом онлайн-займов. Доверчивые граждане предоставляют злоумышленникам копии своих документов, после этого им отказывают в устройстве на работу либо выдаче кредита, а данные о владельцах документов остаются у преступников. Кроме того, хищения электронных денежных средств могут осуществлять сами сотрудники платежных систем или фирм, оказывающих им поддержку. Подобный случай был зафиксирован еще в июле 2009 г. 23-летний программист из Сыктывкара в обеденный перерыв проник в служебный компьютер своего коллеги и скопировал файлы, содержащие электронные сертификаты доступа к счету в платежной системе. Затем злоумышленник, зная, что проводимые в электронной платежной системе транзакции можно проследить, в помещении одного из Сыктывкарских интернет-клубов, используя анонимные прокси-серверы, зарегистрировал на вымышленные данные несколько электронных кошельков в различных платежных системах. Ночью 30 июля 2009 г., посетив другой интернет-клуб, при помощи похищенных сертификатов он получил неправомерный доступ к счету индивидуального предпринимателя в платежной системе и похитил все имевшиеся на счету средства, переведя их на один из зарегистрированных ранее электронных кошельков. Впоследствии программист несколько раз из разных мест

переводил похищенные деньги из одной платежной системы в другую, стремясь скрыть следы преступления. Деньги в итоге были выведены на счет одного из знакомых злоумышленника и обналичены [7].

Установление способа совершения преступления чрезвычайно важно для раскрытия и расследования преступления. Р. С. Белкин писал, что «... способ совершения и сокрытия преступления, точнее — знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования» [8, с. 805]. Данные о способе совершения преступления необходимы для проведения эффективного расследования, поиска лиц, совершивших преступление, и предупреждения совершения преступлений в дальнейшем.

Сегодня успех противодействия преступлениям, совершаемым в сети «Интернет», определяется рядом факторов, важнейшим из которых выступает умение следователя проникнуть не только в уголовно-правовую, но и в криминалистическую сущность совершенного деяния. Однако необходимо помнить о том, что выделение элементов в структуре криминалистической характеристики (способа, обстоятельств совершения преступления, особенностей личности преступника) должно быть оправдано потребностями практики. Его цель состоит в снижении информационной неопределенности следователя, поиске эффективной тактики раскрытия и расследования преступлений.

1. О национальной платежной системе: федер. закон от 26 июня 2011 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Памятка «Об электронных денежных средствах»: приложение к письму Банка России «О предоставлении клиентам — физическим лицам информации об особенностях оказания услуг по переводу электронных денежных средств» от 11 марта 2016 г. № ИН-017-45/12. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Ахмедшин Р. Л. «Криминалистическая характеристика личности преступника» и «воздействие»: содержательная взаимосвязь // Вестник

1. Federal Law No. 161-FZ of 26 June 2011. "On the national payment system". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. The annex to the letter of the Bank of Russia "On providing clients — individuals information about the features of the provision of electronic money transfer services" No. IN-017-45/12 of 11 March 2016. Memo "On electronic cash". Available from: information legal portal "Garant".

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of 30 November 2017. "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement". Available from: information legal portal "Garant".

4. Federal Law No. 111-FZ of 23 April 2018. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Akhmedshin R. L. "Forensic characterization of the personality of the criminal" and "impact": a substantive relationship. Bulletin of Tomsk State University. 2006; 292-1: 64—68.

Томского государственного университета. 2006. № 292-1. С. 64—68.

6. Лихолетов А. А., Кулешов П. Е. Особенности квалификации и расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств с использованием платежных карт (ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): учеб. пособие. Волгоград, 2018. 64 с.

7. В Коми осужден программист, похитивший деньги с расчетного счета предпринимателя. URL: <https://komiinform.ru/news/64150> (дата обращения: 17.04.2019)

8. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 867 с.

6. Liholetov A. A., Kuleshov P. E. Specifics of qualification and investigation of crimes related to the theft of money using payment cards (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Volgograd; 2018: 64 p.

7. A programmer has been convicted in Komi who has stolen money from the account of the entrepreneur. Available from: <https://komiinform.ru/news/64150>. Accessed: 17 April 2019.

8. Belkin R. S. Course of criminology. Moscow: UNITY-DANA; Law and Law; 2001: 867 p.

© Golyatina S. M., Kovalchenko A. A., 2019

© Голятина С. М., Ковальченко А. А., 2019

Голятина Светлана Михайловна,
редактор редакторской группы
редакционно-издательского отдела
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: svetlanagolyatina_6363@mail.ru

Ковальченко Алексей Александрович,
преподаватель кафедры
физической подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: amstalex@yandex.ru

Golyatina Svetlana Mikhailovna,
editor of the editorial team
of the editorial and publishing department
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: svetlanagolyatina_6363@mail.ru

Kovalchenko Alexey Alexandrovich,
lecturer at the department of physical training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
e-mail: amstalex@yandex.ru

* * *

С. Г. Еремин

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННО-БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ,
СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВЕРСИИ,
ПЛАНИРОВАНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

В статье отмечается, что в последние годы согласно статистическим данным отчетов о преступности в России очевиден рост зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Автор выделяет наиболее часто встречающиеся поводы и основания к возбуждению уголовных дел о преступлениях в сфере дистанционно-банковского обслуживания, типичные следственные ситуации. Неполнота доследственных проверок не позволяет следователям оценить наличие или отсутствие в деянии признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела. Автор констатирует, что в подобных ситуациях возникает потребность в грамотном проведении предварительной (доследственной) проверки материалов о совершенном преступлении (ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Указано, как осуществить полную проверку выявленных фактов, установить признаки преступления, дать юридически обоснованную квалификацию деяния, позволяющую сделать правильный вывод о наличии или отсутствии достаточных данных, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Рассмотрены вытекающие из следственных ситуаций версии, порядок планирования их проверки на первоначальном этапе расследования преступления в сфере дистанционно-банковского обслуживания. Раскрывается перечень проведения необходимых неотложных первоначальных следственных и иных действий, таких как обыск, выемка, осмотр и исследование, допрос, назначение комплексной судебно-бухгалтерской и компьютерно-технической экспертизы с указанием разрешаемых ими вопросов.

Статья носит научно-практический характер, предназначена для использования профессорско-преподавательским составом в научных изысканиях, будет полезна курсантам и слушателям для подготовки к занятиям по криминалистике, оперативно-разыскной и судебно-экспертной деятельности, а также представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: телекоммуникация и компьютерная информация, преступления в сфере дистанционно-банковского обслуживания, следственная ситуация, следственная версия, доследственная проверка, квалификация преступления, планирование расследования, неотложные следственные действия, комплексная судебно-бухгалтерская и компьютерно-техническая экспертиза.

S. G. Eremin

**INITIATION OF CRIMINAL CASE REGARDING CRIMES
IN THE SPHERE OF REMOTE BANK SERVICES, INVESTIGATION SITUATIONS,
VERSIONS, PLANNING AND EARLY STAGE INVESTIGATION**

The article points out that over the past years, based on criminal statistics, Russia has experienced an evident rise in crimes in the sphere of telecommunications and computer information. The author outlines most frequently used pretexts and foundations to initiate criminal cases in the sphere of remote bank services, main typical investigation situations. Insufficiency of pre- investigation check prevents investigators from assessing the availability or absence in a deed of constituent elements of offense, enough to initiate criminal case. The author states that in situations like these there is a need in adequate performance of preliminary (pre-investigation) veri-

fication of materials on committed crime (Clause 144 of RF Criminal Procedure Code). It is explained how to verify fully the facts established, to determine crime elements, give legally supported classification of a deed, facilitating a correct solution on presence or absence of sufficient data, required to take a decision on initiation of a criminal case. Reviewed are versions, proceeding from investigation situations, planning procedure of their verification at the early stage of investigating a crime in the sphere of remote bank services. Given is a list of urgent initial investigation and other measures such as search, seizure, inspection and research, questioning, comprehensive trial-accountancy and computer-technical expertise, indicating the issues to be resolved.

The article is of scientific and practical nature and is to be used by lecturers in their scientific research, but it will also be useful to students, studying criminology, intelligence gathering and trial expertise activities and is of general interest to law enforcement employees.

Key words: telecommunication and computer information, crime in the sphere of remote bank services, investigation situation, investigation version, pre-investigation check, crime classification, planning of investigation, urgent investigation measures, comprehensive trial-accountancy and computer-technical expertise.

На территории Российской Федерации очевиден рост преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Так, в 2013 г. было зарегистрировано 10 942 преступления, в 2014 г. — 10 968, в 2015 г. — 43 816, в 2016 г. — 65 949, в 2017 г. — 90 587 [1].

В соответствии со ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2] поводами и основаниями для возбуждения уголовных дел в сфере дистанционно-банковского обслуживания с использованием компьютерной техники являются фактические данные о мошенничестве, краже, хищении. Часто такие данные содержатся: 1) в заявлении о преступлении, поступившем от работников банка, его клиентов (юридических и физических лиц); 2) сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников (нередко ими выступают материалы оперативно-разыскной деятельности).

В ходе предварительной проверки материалов о преступлениях в сфере дистанционно-банковского обслуживания необходимо определить ее направления, пределы, обстоятельства, подлежащие установлению, объем и последовательность намеченных мероприятий. Эти компоненты складываются с учетом криминалистических и уголовно-правовых особенностей конкретного преступления, зависят от объема и содержания поступившей информации, ее источников, ситуации и версий.

При расследовании компьютерных преступлений можно выделить три типичные следственные ситуации:

1. Собственник информационной системы своими силами выявил нарушение целостности конфиденциальности информации в системе, обнаружил виновное лицо и заявил об этом в правоохранительные органы.

2. Собственник информационной системы своими силами выявил нарушение целостности конфиденциальности информации в системе, не смог обнаружить подозреваемого и заявил об этом в правоохранительные органы.

3. Данные о нарушении целостности конфиденциальности информации в информационной системе и виновном лице стали общеизвестными или непосредственно обнаружены органом дознания (например, в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий по другому делу).

По этому поводу А. И. Винберг отмечал содержательную сторону собирания доказательств как «...совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств» [3, с. 6]. Вместе с тем Р. С. Белкин относительно полноты сбора доказательственной информации указывал на необходимость ее комплексности и правильной фиксации [4, с. 29].

Из-за неполноты доследственных проверок следователи затрудняются оценить наличие или отсутствие в деянии признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела.

Небольшое количество возбужденных уголовных дел обусловлено тем, что выявление рассматриваемых преступлений требует длительной оперативной разработки субъектов, реализации комплекса мер оперативно-разыскного характера (оперативного внедрения, наблюдения, прослушивания телефонных переговоров, снятия информа-

ции с технических носителей и т. д.). В данном случае качество представленных следствию материалов может быть различным, отличаться полнотой и объективностью, обычно их не всегда достаточно для установления признаков преступления и решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В подобных ситуациях возникает потребность в проведении предварительной (доследственной) проверки материалов о совершенном преступлении (ст. 144 УПК РФ). Ее задачи — проверка выявленных фактов, установление признаков преступления, юридическая квалификация деяния. По результатам предварительной проверки делается вывод о наличии или отсутствии достаточных данных, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Так, в п. 5 Инструкции «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или суду» от 13 мая 1998 г., указывается, что «... представленные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела материалы должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: где, когда и при каких обстоятельствах, какие признаки преступления обнаружены, сведения о причастных лицах, о местонахождении следов преступления, документов и предметов, имеющих отношение к данному событию, о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [5]; [6].

Следователю также должны представляться для ознакомления материалы оперативно-розыскной деятельности без указания источников и способов их получения. Следователь анализирует и оценивает их с позиции наличия законных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела и возможности их использования в расследовании. Так, в ходе предварительной проверки материалов было установлено, что 22 марта 2017 г. члены организованной преступной группы осуществили несанкционированный доступ к средствам компьютерной техники коммерческого банка «Альфа-Банк» г. Волгограда. Анализ и оценка собранных данных показали, что в течение суток банк не смог работать на электронно-вычислительных машинах (далее — ЭВМ) и производить запланированные финансовые операции по платежам своих клиентов. При

осмотре места преступления, средств компьютерной техники и компьютерной сети коммерческого банка «Альфа-Банк» было обнаружено, что в программное обеспечение компьютерной сети банка внедрен «вирус», повлекший отключение главного сервера и блокировку компьютерных сетей. В процессе раскрытия и расследования преступления были задержаны бывший работник банка гр. А. М. Тараненко и его знакомый гр. Г. А. Ивлев, у которых по месту жительства были изъяты мощнейшие компьютеры, а также программное обеспечение с различными компьютерными вирусами. «Альфа-банку» причинен ущерб на сумму 890 тыс. руб. Следователь возбудил уголовное дело по ч. ст. 159, ч. 2 ст. 272, ст. 273, 274 Уголовного кодекса Российской Федерации [7]. На наш взгляд, на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений данной категории следователю целесообразно выдвинуть наиболее вероятные версии, подлежащие проверке:

Версия 1. Преступники совершили несанкционированный доступ в ЭВМ банка для хулиганских действий. Здесь главным является проведение осмотра и фиксация состояния ЭВМ, ее компьютерных сетей и машинных носителей, их правильное изъятие и упаковка; проведение допросов лиц, связанных с обеспечением работы информационной компьютерной системы банка.

Версия 2. Преступники совершили несанкционированный доступ в ЭВМ банка с корыстной целью (хищение денежных средств или получение конфиденциальной информации). При этом нужно запланировать оперативно-розыскные мероприятия по установлению и проверке на причастность к совершению преступления лиц, ранее работавших в банке.

Версия 3. Преступники совершили несанкционированный доступ в ЭВМ банка в целях хищения денежных средств или получения конфиденциальной информации «по найму» сотрудником банка. В такой ситуации надлежит запланировать и осуществить оперативно-розыскные мероприятия по установлению и проверке на причастность к совершению преступления лиц, непосредственно работающих в банке; оперативным и следственным путем выявить лиц из числа сотрудников банка, у которых могут иметься соответствующие специальные компьютерные знания, аппаратура и вредоносные вирусные программы;

организовать и провести неотложные обыски (выемки) по месту их жительства.

Для раскрытия и расследования данного вида преступлений, установления лиц, их совершивших, и проверки оперативно-следственным путем вероятных версий требуется решить необходимые первоочередные вопросы и уяснить следующие обстоятельства, которые отразить в *плане предварительного расследования*. Прежде всего, следователю совместно с оперативными сотрудниками нужно осуществить поиск, изъятие информации и следов воздействия на нее в ЭВМ и ее устройствах. В компьютерной технике информация, как правило, находится в оперативном запоминающем устройстве (далее — ОЗУ), при выполнении программы — в ОЗУ периферийных устройств, а также на внешних запоминающих устройствах (далее — ВЗУ). Наиболее эффективным и простым способом фиксации данных из ОЗУ является распечатка информации, появляющейся на дисплее. Когда компьютер не работает, информация может находиться в ВЗУ и других компьютерах информационной системы или в почтовых ящиках электронной почты либо сети ЭВМ.

В первую очередь необходимо произвести детальный осмотр файлов и структур их расположения. Лучше это осуществить с участием специалиста в лабораторных условиях или на рабочем месте следователя. Нужно обращать внимание на поиск так называемых «скрытых» файлов и архивов, где может храниться важная информация. Периферийные устройства ввода-вывода могут также некоторое время сохранять фрагменты программного обеспечения и информации, однако для ее вывода необходимы глубокие специальные познания. Осмотр компьютеров и изъятие информации производится в присутствии понятых, которые расписываются на распечатках, изготовленных в ходе осмотра. *В ходе осмотров могут быть обнаружены и изъяты следующие документы:* а) носящие следы преступления (телефонные счета, пароли и коды доступа, дневники связи и пр.); б) содержащие следы действия аппаратуры, в том числе в устройствах вывода (в принтерах) — бумажные носители информации, возможно оставшиеся внутри них в результате сбоя в работе устройства; в) описывающие аппаратуру и программное обеспечение; г) устанавливающие

правила работы с ЭВМ, нормативные акты, регламентирующие правила работы с данной ЭВМ, системой, сетью, доказывающие, что преступник их знал и умышленно нарушал; д) личные документы подозреваемых.

После изучения и анализа оборудования, документов и других полученных данных следователю надлежит запланировать и выполнить в целях проверки версий по уголовному делу комплекс неотложных следственных и иных действий, таких как:

1. *Обыск* в служебном помещении, на рабочем месте подозреваемого в целях поиска, обнаружения, фиксации и изъятия физических носителей компьютерной информации и документации, относящейся к несанкционированному доступу в программное обеспечение или носящей иные следы подготовки к хищению денежных средств.

2. *Выемка (изъятие)* и анализ документации с техническими указаниями по обработке ежедневной бухгалтерской информации с перечнем выходящих форм.

3. *Осмотр и исследование* журналов сбойных ситуаций, учета рабочего времени компьютеров, по фиксации передачи смен операторами; средств защиты и контроля банковских компьютерных систем, регистрирующих пользователей, моменты включения (активации) системы либо подключения к ним абонентов с определенным индексом или без такового; протоколов вечернего решения (копий действий операторов, отображенных на бумажном носителе) в ходе вечерней обработки информации по истечении каждого рабочего операционного дня; журналов, отображающих контрольные числа файлов всего программного обеспечения ЭВМ; «прошитых» микросхем постоянно запоминающих устройств, микропроцессоров и их схемного исследования.

4. *Допрос свидетелей* из числа инженеров-программистов, занимавшихся разработкой программного обеспечения и осуществлявших его сопровождение; специалистов, ответственных за защиту компьютерной информации, и электронщиков по эксплуатации и ремонту электронно-вычислительной техники.

3. *Дактилоскопическая экспертиза* по изъятым на месте преступления отпечаткам следов пальцев рук для установления подозреваемых лиц.

5. Назначение по делу судебно-бухгалтерской экспертизы для решения вопроса: имеются ли в работе банка нарушения требований Федерального закона «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ — в целях установления суммы ущерба и лиц, ответственных за его причинение.

6. Назначение по делу программно-технической судебной экспертизы для определения места, с которого был произведен несанкционированный доступ в средства компьютерной техники и компьютерную систему банка, и ряда других технических деталей преступления.

В зависимости от имеющихся данных по уголовному делу возможно назначение комплексной судебно-бухгалтерской и программно-технической экспертизы с участием специалистов правоохранительных органов и специалистов по компьютерной технике, ведению банковского учета с использованием средств компьютерной техники, документообороту, организации бухгалтерского учета и отчетности, обеспечению безопасности прохождения информации в компьютерных системах. Что касается назначения комплексной экспертизы, то еще Р. С. Белкин обращал внимание на «... необходимость определения свойств следов в их общем генетическом единстве, каждый из которых в отдельности имеет информационное единение с отражаемым им преступным событием...» [8]. При назначении комплексной судебно-бухгалтерской и программно-технической экспертизы главная задача дознавателя, следователя состоит в том, чтобы установить:

В ходе судебно-бухгалтерской экспертизы:

1. Имелись ли нарушения требований Федерального закона «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ при отображении первичных бухгалтерских документов в регистрах бухгалтерского учета и отчетности, зафиксированных на машинном носителе, установлены ли их причины (ошибки, злоупотребления, преступ-

ления) и кто является ответственным за допущенные нарушения?

В ходе программно-технической экспертизы:

1. Воспроизвести и распечатать всю (или часть) информации, в том числе находящуюся в нетекстовой форме, содержащуюся на физических носителях исследуемой компьютерной техники.

2. Восстановить информацию, ранее содержащуюся на физических носителях исследуемой компьютерной техники и впоследствии стертую (или измененную) по различным причинам.

3. Установить время ввода, изменения, уничтожения либо копирования информации, находившейся в исследуемой компьютерной технике.

4. Расшифровать закодированную информацию, выяснить, подбирались ли пароли, раскрывались ли параметры системы защиты.

5. Установить авторство, места, средства, подготовку и способы изготовления документов (файлов, программ).

6. Выяснить возможные каналы утечки информации из исследуемой компьютерной сети и помещений.

7. Выяснить техническое состояние, исправность программно-аппаратных комплексов БИВС, возможность их адаптации к конкретному пользователю компьютерной техники.

8. Установить уровень профессиональной подготовки отдельных лиц из числа специалистов, проходящих по делу, в области программирования и в качестве пользователя компьютерной техники.

Результаты комплексной судебно-бухгалтерской и программно-технической экспертизы оформляются заключением экспертов для использования в качестве доказательства по делу.

Поскольку вынесение постановления о назначении программно-технической судебной экспертизы и постановка вопросов на ее разрешение представляет сложность для дознавателей и следователей, считаем важным представить образец данного документа.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Постановление о назначении программно-технической судебной экспертизы

г. Волгоград

23 марта 2017 года

Старший следователь СУ ГУ МВД по Волгоградской области подполковник юстиции А. Р. Маркин, рассмотрев материалы уголовного дела № 201234, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 272, 273, 274 УК РФ, в отношении гр. Тараненко А. М. и Ивлева Г. А., совершивших несанкционированный доступ к средствам компьютерной техники коммерческого банка «Альфа-Банк» г. Волгограда.

УСТАНОВИЛ:

22 марта 2017 г. примерно в 9 ч 55 мин члены организованной преступной группы гр. Тараненко А. М. и Ивлев Г. А., совершили несанкционированный доступ к средствам компьютерной техники коммерческого банка «Альфа-Банк» г. Волгограда. Это привело к тому, что в течение суток банк не смог работать на электронно-вычислительной технике (компьютерах) и производить запланированные финансовые операции по платежам своих клиентов. Предварительная сумма ущерба от действий преступников составила около 890 тысяч руб.

В результате осмотра места преступления, осмотра средств компьютерной техники и компьютерной сети коммерческого банка «Альфа-Банк» было обнаружено, что в программное обеспечение компьютерной сети банка внедрен неизвестный вирус, что повлекло за собой отключение в 11 ч 30 мин главного сервера и блокировку компьютерных сетей. В ходе раскрытия и расследования фактов были задержаны бывший работник данного банка гр. Тараненко А. М. и его знакомый Ивлев Г. А., у которых по месту жительства были изъяты четыре мощных компьютера, а также программное обеспечение с различными компьютерными вирусами.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 195 (196) и 199 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить по уголовному делу № 201234 программно-техническую судебную экспертизу, производство которой поручить экспертам Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Волгоградской области.

На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

1. Какова конфигурация и состав представленных на исследование компьютерных средств, можно ли с помощью этих средств осуществить действия по неправомерному доступу к компьютерной информации, созданию, использованию и распространению вредоносных программ для ЭВМ, а также нарушению правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети?
2. Какие информационные ресурсы находятся в представленной на исследование компьютерной технике?
3. Не являются ли обнаруженные файлы копиями информации, находившейся на конкретной компьютерной технике, представленной на исследование?
4. Не являются ли представленные файлы программами, зараженными вирусом, если да, то каким именно?
5. Не являются ли представленные тексты на бумажном носителе записями исходного кода компьютерной программы, и каково ее назначение?
6. Подвергалась ли исследуемая компьютерная информация уничтожению, копированию, модификации?
7. Какие правила эксплуатации компьютерной техники существуют в исследуемой информационной системе, и были ли они нарушены?
8. Находится ли нарушение правил эксплуатации компьютерной техники в причинной связи с уничтожением, копированием, модификацией?

В распоряжение эксперта предоставить следующие материалы:

- копию настоящего постановления;
 - материалы настоящего уголовного дела;
 - возможность при необходимости проведения дополнительного или повторного экспертного осмотра места происшествия и компьютерной техники коммерческого банка «Альфа-Банк» г. Волгограда.
4. Поручить начальнику экспертного подразделения разъяснить эксперту, производящему данную экспертизу, его права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить его об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Старший следователь СУ ГУ МВД
по Волгоградской области
подполковник юстиции

А. Р. Маркин

Права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, мне разъяснены 29 марта 2015 года. Одновременно я предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперт

В. М. Волга

На наш взгляд, статья носит научно-практический характер, предназначена для использования профессорско-преподавательским составом, будет полезна курсантам и слушателям

для подготовки к занятиям по криминалистике, оперативно-разыскной и судебно-экспертной деятельности, представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов.

1. Статистические сведения из сводных отчетов по России о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации за 2013—2017 годы. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 07.05.2018).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.06.2015) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Винберг А. И. Предмет, задачи и система науки советской криминалистики // Криминалистика. М., 1959.

4. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М., 1966.

5. «Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 3207.

6. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27 сентября 2012 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. URL: rg.ru (дата обращения: 13.04.2019).

7. Уголовное дело № 273126/2.2016 // Архив Волгоградского областного суда.

8. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики, М., 2001.

© Еремин С. Г., 2019

Еремин Сергей Германович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

1. Statistics based on Russian reports regarding crimes, committed in the sphere of telecommunication and computer information during 2013–2017. Available from: 10.5.0.16. Accessed: 7 May 2018.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001 (ed. 08/06/2015). Collection of legislation of Russian Federation. 2001; No. 52; Art. 4921.

3. Vinberg A. I. Subject, goals and system of the Soviet criminology science. Criminology. Moscow, 1959.

4. Belkin P. S. Collection, analysis and assessment of proof: essence and methods. Moscow, 1966.

5. Federal Law No. 144-FZ of 12 August 1995. "On operative search activity". Collection of legislation of Russian Federation. 1995; No. 26; Art. 3207.

6. Order of the Russian Federation Ministry of Interior, of the Russian Federation Ministry of Defense, of the Federal Security Service of the Russian Federation, Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Federal Customs Service, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service. Federal Service of the Russian Federation on narcotics control, of the Investigation Committee of the Russian Federation No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 of 27 September 2012. "On approving instructions regarding submittal of search results to investigation body, investigator or to court". Available from: rg.ru. Accessed: 13 April 2019.

7. Criminal case No. 273126/2.2016. Archive of the Volgograd regional court.

8. Belkin P. S. Criminology: today's problems. Acute issues of Russian criminology. Moscow, 2001.

© Eremin S. G., 2019

Eremin Sergey Germanovich,
professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

* * *

Е. А. Зайцева, Н. В. Сидорова

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ**

Важнейшим направлением международного сотрудничества государств в противодействии преступности и обращении с правонарушителями является сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Сложившаяся правовая архитектура данного вида правоохранительной деятельности включает нормы международного и внутригосударственного права. В то же время на уровне правовой регламентации имеются пробелы и коллизии, влияющие на правоприменительную практику государств в данной сфере.

В статье проведено исследование основополагающих правовых актов, регулирующих вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам и экстрадиции преступников. Отдельным направлением авторы исследовали новации казахстанского уголовно-процессуального законодательства, отметив их прогрессивное значение и возможность экстраполяции как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Проведенное исследование позволило вычленив пробелы и коллизии, устранение которых возможно посредством ревизии и новации международно-правовых норм, а также унификации и гармонизации законодательства государств. Решение обозначенных проблем окажет позитивное воздействие на правоприменительную практику государств в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: международное сотрудничество государств, уголовное судопроизводство, правовая помощь по уголовным делам, международное право, внутригосударственное право, экстрадиция, права человека.

Е. А. Zaitseva, N. V. Sidorova

**REGULATION OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN THE SPHERE OF CRIMINAL PROCEEDINGS:
INTERNATIONAL AND INTERNAL ASPECTS**

The most important area of international cooperation of States in combating crime and the treatment of offenders is cooperation in the field of criminal justice. The established legal architecture of this type of law enforcement activity includes the norms of international and domestic law. At the same time, at the level of legal regulation there are gaps and conflicts that affect the law enforcement practice of states in this area.

The article conducted a study of the fundamental legal acts governing the provision of legal assistance in criminal cases and the extradition of criminals. In a separate direction, the authors investigated the innovations of Kazakhstan's criminal procedure legislation, noting their progressive importance and the possibility of extrapolation both at the international and at the domestic level. The study made it possible to isolate the gaps and conflicts, the elimination of which is possible through the revision and innovation of international legal norms, as well as the harmonization and harmonization of state legislation. Solving the identified problems will have a positive impact on the law enforcement practice of states in this area.

Key words: international cooperation of states, criminal justice, legal assistance in criminal matters, international law, domestic law, extradition, human rights.

Международное сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства осуществляется посредством оказания правовой помощи по уголовным делам, нормативные основы которой

образуют предписания международного и внутригосударственного права. На международном уровне договорная практика государств в данной сфере базируется на многосторонних конвенциях, а так-

же на двусторонних договорах (например, Республика Казахстан заключила договоры о правовой помощи по уголовным делам со следующими государствами: Азербайджан, Болгария, Великобритания, Венгрия, Грузия, Индия, Италия, Канада, Китай, Киргизия, Северная и Южная Корея, Литва, Монголия, ОАЭ, Пакистан, Румыния, Сербия, США, Таджикистан, Турция, Узбекистан, Чехия и др.). С Российской Федерацией Республика Казахстан взаимодействует в сфере уголовного судопроизводства, основываясь на положениях Минской конвенции 1993 г. (далее — Минская конвенция) [1].

Обязательства государств оказывать друг другу правовую помощь по уголовным делам содержатся в международных договорах, однако процессуальные действия в рамках правовой помощи производятся в соответствии с нормами внутригосударственного права запрашиваемой стороны. Следует отметить, что по просьбе запрашиваемой стороны государство может отступить от своих суверенных прав и применить ее уголовно-процессуальные нормы.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства между государствами, не заключившими двусторонний договор или не подписавшими многосторонние конвенции, может осуществляться на основе принципа взаимности. Он закреплен в ст. 558 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК) [2] и предусматривает, что центральный орган Республики Казахстан¹, направляя иностранному государству запрос, в письменном виде гарантирует запрашиваемой стороне рассмотреть в будущем ее запрос об оказании такого же вида правовой помощи. Исключительным условием рассмотрения запроса является наличие письменной гарантии.

Сходное регулирование можно обнаружить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова (далее — УПК РМ) [3]. Так, ч. 2 ст. 536 УПК РМ конкретизирует, что «условия взаимности подтверждаются письмом, в котором Министр юстиции или Генеральный прокурор обязуется оказать от имени Республики Молдова правовую помощь иностранному государству или международной судебной инстанции по уголовным делам в осуществлении отдельных процессуальных действий с гарантированием процессуальных прав лица, в отношении которого оказывается помощь, предусмотренных национальным законом». Этот письменный акт в УПК РМ именуется «соглашением о взаимности» (п. 3 ч. 1 ст. 537 УПК РМ).

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) [4] не дается определения принципа взаимности, однако раскрывается порядок его реализации в некоторых статьях. Так, ч. 2 ст. 453 УПК РФ гласит, что «принцип взаимности подтверждается письменным обязательством» компетентного органа «оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий».

Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве ряда иностранных государств отсутствует юридическое закрепление принципа взаимности. В связи с этим на практике сотрудничество Республики Казахстан с другими государствами в данной сфере без договорной базы имеет сложности и часто не всегда возможно в рамках норм казахстанского уголовно-процессуального законодательства.

Несмотря на очерченную архитектуру правовой базы международного сотрудничества государств в области уголовного судопроизводства, правоохранительные органы Республики Казахстан нередко испытывают сложности в рамках реализации этого направления правоохранительной деятельности. Так, невзирая на ратификацию Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года (далее — Кишиневская конвенция) [5], Республика Казахстан вынуждена в отношениях с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, не ратифицировавшими или не подписавшими данную конвенцию, применять нормы Минской конвенции (как это происходит при взаимодействии в рамках международного сотрудничества с Россией).

С содержательной стороны Кишиневская и Минская конвенции в большей степени сопоставимы друг с другом. Однако первая шире и детальнее регламентирует отдельные аспекты правовой помощи по уголовным делам. В отличие от Кишиневской Минская конвенция не содержит положений:

- о сроках исполнения поручения о правовой помощи и запроса о выдаче;

- том, что процессуальные действия и розыскные мероприятия, требующие санкции прокурора (суда), осуществляются через органы прокуратуры;

- возможности использования технических средств коммуникаций в случаях, не терпящих отлагательства;

- возможности создания и деятельности следственно-оперативных групп;

- праве на защиту экстрадируемого лица;
- об основаниях отказа в уголовном преследовании не выданного лица.

В ряде случаев установлены разные сроки осуществления некоторых процессуальных действий. В частности, срок возвращения лица, «выданного на время», в Минской конвенции определяется в месяцах (ст. 64), в Кишиневской конвенции — в днях (ст. 78), а в УПК РК — в сутках (ст. 581). Таким образом, пробелы Минской конвенции не позволяют применять ее в рамках многостороннего формата одновременного взаимодействия участников и неучастников Кишиневской конвенции (например, при необходимости взаимодействия сразу четырех государств: Казахстана, Киргизии, России и Узбекистана). Данные аспекты в очередной раз актуализируют вопрос о ратификации Кишиневской конвенции всеми государствами, ее подписавшими.

Объем правовой помощи по уголовным делам четко определен в Минской и Кишиневской конвенциях, согласно которым стороны оказывают друг другу правовую помощь путем выполнения поручений о производстве отдельных процессуальных действий, предусмотренных законодательством сторон. Все расходы, связанные с оказанием правовой помощи, несет та сторона, на территории которой они возникли. При оказании правовой помощи компетентные учреждения вступают в отношения друг с другом через свои центральные, территориальные и другие органы. Сношения по вопросам исполнения поручений, проведения процессуальных действий и розыскных мероприятий, требующих санкции прокурора или суда, осуществляются через органы прокуратуры (согласно Кишиневской конвенции). В то же время в двусторонних договорах Казахстана кроме Генеральной прокуратуры Республики Казахстан центральным органом определены Министерство юстиции в договорах с Литвой, Китаем, Монголией, КНДР, Киргизией, Турцией, а в договоре с Пакистаном — Министерство внутренних дел. Очевидно, что отсутствие единой политики и договорной практики по назначению центральных органов, отвечающих за взаимную правовую помощь по уголовным делам, объективно препятствует не только обеспечению четкого и действенного международного сотрудничества в осуществлении уголовного правосудия, но и своевременной эффективной защите прав лиц, охраняемые интересы которых затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства [6, с. 736].

На внутригосударственном уровне международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства регламентируется нормами национального уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на то что Казахстан с 2004 г. является участником Кишиневской конвенции, уголовно-процессуальное законодательство страны длительное время не соответствовало нормам конвенции. Принятие УПК РК 4 июля 2014 г. расширило национально-правовые основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которые не только приведены в соответствие с Кишиневской конвенцией, но и вводят в правовое пространство Казахстана отдельные новеллы.

Действующий УПК РК содержит раздел 12 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». В его структуру входят глава 58 «Общие положения» (ст. 557—564), глава 59 «Правовая помощь» (ст. 565—578), глава 60 «Выдача» (ст. 579—595), глава 61 «Продолжение уголовного преследования» (ст. 596—600), глава 62 «Признание и исполнение приговоров и постановлений судов иностранных государств» (ст. 601—611). Таким образом, в УПК РК 55 статей посвящены международному сотрудничеству государств в сфере уголовного судопроизводства. Для сравнения: регулированию международного сотрудничества посвящены в УПК РФ — 28 статей, УПК Республики Беларусь — 52 статьи, УПК Киргизской Республики — 24 статьи, УПК Республики Узбекистан — 18 статей. Представленные цифры наглядно подтверждают расхождения в степени детализации нормативных предписаний в уголовно-процессуальных кодексах государств, регулирующих вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В соответствии с международными договорами и внутригосударственным законодательством в правовой помощи может быть отказано по нескольким основаниям:

- удовлетворение просьбы нанесет ущерб суверенитету и национальной безопасности государства;

- удовлетворение просьбы противоречит законодательству запрашиваемой стороны.

Например, согласно п. 6 ч. 1 ст. 464 УПК РФ² в выдаче лица может быть отказано, если по уголовному законодательству Российской Федерации деяние, послужившее основанием для запроса иностранного государства о выдаче, не является преступлением.

Таким образом, важным критерием оказания адекватной правовой помощи по уголовным делам является соответствие уголовного законодательства сторон. В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (далее — УК РК) [8] этот принцип проявляется в действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление за пределами Республики Казахстан. В части 1 ст. 8 УК РК говорится, что граждане Республики Казахстан, совершившие уголовное правонарушение за пределами Республики Казахстан, подлежат уголовной ответственности, если совершенное ими деяние признано уголовно наказуемым в государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены в другом государстве. При осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом того государства, на территории которого было совершено уголовное правонарушение. На тех же основаниях несут ответственность иностранцы и лица без гражданства, находящиеся на территории Республики Казахстан, в случаях, когда они не могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Республики Казахстан. Сходные правоотношения регулируются положениями ст. 12 и 13 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [9].

Соответствие уголовного законодательства сторон имеет определяющее значение и в решении вопроса об экстрадиции преступников, а также в осуществлении уголовного преследования невыданных лиц.

УПК РК (в отличие от УПК РФ³) содержит общие правила регулирования оснований отказа в правовой помощи. К числу таковых он относит: 1) предусмотренные международными договорами Республики Казахстан с соответствующей запрашивающей стороной (назовем их «индивидуальными» ввиду распространения этих оснований на отношения с конкретным государством); 2) универсальные (применяются ко всем остальным случаям при отсутствии международного договора Республики Казахстан с запрашивающей стороной). Согласно ч. 2 ст. 569 УПК РК к универсальным основаниям причислены следующие:

— исполнение запроса (поручения, ходатайства) будет противоречить законодательству Республики Казахстан или может нанести вред суверенитету, безопасности, общественному порядку или иным интересам Республики Казахстан;

— запрашивающая сторона не обеспечивает взаимность в этой сфере;

— запрос (поручение, ходатайство) касается деяния, которое не является уголовным правонарушением в Республике Казахстан;

— есть достаточные основания считать, что запрос (поручение, ходатайство) направлен в целях преследования, осуждения или наказания лица по мотивам его происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам.

Наряду с этим УПК РК регламентирует отдельно основания для отказа в оказании конкретных видов правовой помощи по уголовным делам (ст. 590 «Отказ в выдаче лица (экстрадиции)»; ст. 599 «Отказ в продолжении уголовного преследования»; ст. 606 «Отказ иностранному государству в передаче осужденного или лица, к которому применены принудительные меры медицинского характера»). Такой законодательный прием (сначала установление общих правил в форме индивидуальных и универсальных оснований отказа в правовой помощи, а затем закрепление конкретных оснований для отказа в осуществлении отдельных видов правовой помощи) представляется нам удачным.

Еще одной новеллой УПК РК 2014 г., отличающей его от УПК РФ в части регулирования оказания правовой помощи, является закрепление принципа конфиденциальности, в соответствии с которым по просьбе запрашивающей стороны центральный орган Республики Казахстан или орган, уполномоченный на осуществление сношений, имеет право принять дополнительные меры для обеспечения конфиденциальности факта получения запроса (поручения, ходатайства) об оказании правовой помощи, его содержания и сведений, полученных в результате его исполнения. При необходимости согласовываются условия и сроки хранения конфиденциальных сведений, полученных в результате исполнения запроса (поручения, ходатайства), могут устанавливаться ограничения относительно использования таких материалов.

Если в результате исполнения в Республике Казахстан запроса (поручения, ходатайства) о правовой помощи получены сведения, которые содержат государственные секреты, они могут быть переданы запрашивающей стороне при условии, что эти сведения не нанесут вред интересам Республики Казахстан или иного государства, которое предоставило их Республике Казахстан, лишь при

наличии договора о взаимной защите секретной информации и в соответствии с предусмотренными им требованиями и правилами.

В отличие от утратившего силу УПК РК от 13 декабря 1997 г. № 206-1 действующий УПК РК предусматривает участие в уголовном судопроизводстве представителя компетентного органа иностранного государства⁴. Для такого участия должно быть предоставлено разрешение на присутствие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства с ограничением самостоятельного производства на территории Республики Казахстан каких-либо процессуальных действий и безусловным соблюдением законодательства Республики Казахстан (ст. 572 УПК РК). Названные лица имеют право присутствовать при проведении процессуальных действий, подавать заявления и вносить замечания о порядке их проведения, подлежащие занесению в протокол процессуального действия, с разрешения следователя, органа дознания, прокурора или суда задавать вопросы, а также делать записи, в том числе с применением научно-технических средств. Следует подчеркнуть, что действующий УПК РФ не предусматривает подобной детализации полномочий представителя запрашивающей стороны при исполнении запроса иностранного государства.

При анализе новелл казахстанского уголовно-процессуального законодательства необходимо отметить, что именно в УПК РК 2014 г. впервые были закреплены правовые основы проведения процессуальных действий в режиме онлайн по запросу компетентного органа иностранного государства с помощью видеосвязи (ст. 576). К основаниям их проведения относятся невозможность прибытия вызываемых лиц в компетентный орган иностранного государства; обеспечение безопасности лиц; иные основания, предусмотренные международным договором Республики Казахстан. Процессуальные действия путем видеосвязи выполняются в порядке, установленном процессуальным законом запрашивающей стороны, в той мере, в которой такой порядок не противоречит принципам уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан.

В УПК РФ в положениях ч. 5 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» использование новых телекоммуникационных технологий предусмотрено только для обеспечения права лица, содержащегося под стражей, в отношении имущества которого судом иностранного государства принято решение о конфи-

скации, дистанционно сообщить суду свою позицию с помощью систем видео-конференц-связи (ч. 3 ст. 437.3 УПК РФ).

Нововведения по вопросам сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства содержат и нормы УК РК от 3 июля 2014 г. В числе таких нужно выделить ст. 1 УК РК, в ч. 3 которой говорится, что международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед кодексом и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона. Кроме того, в УК РК имплементирована международно-правовая норма, запрещающая выдачу иностранному государству любого лица (независимо от гражданства), если существуют серьезные основания полагать, что ему в этом государстве может угрожать применение пыток, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также в случае угрозы применения смертной казни, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Казахстан (ст. 9 УК РК).

В рамках рассматриваемой проблематики следует отдельно остановиться на правовых вопросах экстрадиции, регламентация которой также находится на стыке международного и национального права. Несмотря на то что институт экстрадиции имеет сложившиеся правовые формы реализации, сформированные на протяжении длительного периода и переходящие от обычно-правовых норм в конвенционные, во втором десятилетии XXI в. остается большое количество проблем правовой регламентации, выражающихся как в пробелах, так и в коллизиях нормативно-правового закрепления.

Во-первых, несмотря на значительное количество правовых актов, в которых упоминается экстрадиция, на законодательном уровне не дано легального определения этого понятия. Правовая регламентация данного института включает виды экстрадиции, ее основания, порядок направления и исполнения ходатайства об экстрадиции, основания отказа в выдаче, условия и основания экстрадиционного ареста и др. Даже типовой договор о выдаче, утвержденный резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. (далее — Типовой договор о выдаче) [10], не содержит определения термина «экстрадиция». В юридической литературе существуют различные трактовки этого понятия, многоплановость и неоднородность которых оказывает влияние на право-

творческую и правоприменительную деятельность правоохранительных органов государств.

По нашему мнению, понятие «экстрадиция» должно быть закреплено на юридическом уровне. Ранее в 2009 г. Т. В. Решетнева предлагала закрепить в ст. 5 УПК РФ дефинитивную норму следующего содержания: «Экстрадиция представляет собой выдачу лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передачу лиц, осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государстве их гражданства, и связанных с ними экстрадиционных мероприятий» [11, с. 7]. Однако данное определение имеет ряд недостатков: в частности, оно содержит так называемый «порочный круг», когда определяемое слово обозначается через однокоренные слова; не включает в себя упоминания правовой основы экстрадиции и фактических оснований ее осуществления; сама по себе дефиниция построена без учета правил законодательной техники. Нами предлагается следующая формулировка данного понятия, которая может послужить моделью для соответствующей дефинитивной нормы: «Экстрадиция — это деятельность уполномоченных органов государства по организации выдачи другому государству лица, обвиняемого в совершении преступления, или лица, приговоренного к лишению свободы, на основании запроса уполномоченного органа иностранного государства, на территории которого оно совершило преступление, в соответствии с нормами и принципами международного права, а также в рамках соблюдения национальных интересов государств или в соответствии с принципом взаимности».

Во-вторых, имеются различия в определении оснований отказа в выдаче преступников. В Типовом договоре о выдаче они классифицируются по двум признакам: императивности и факультативности. К первым относятся положения, касающиеся запрета политического преследования, дискриминации по различным признакам, процессуальные основания неприемлемости преследования (амнистия, истечение срока давности и др.), угрозы пытки (всего в Типовом договоре содержится семь оснований). Ко вторым: разница в юридической квалификации преступления, угроза вынесения приговора о смертной казни, наличие гражданства государства, принцип гуманности и др. (всего восемь оснований).

Конвенционные нормы других международных договоров отличаются по числу оснований отказа в выдаче (так, в Кишиневской конвенции содержится 10 оснований, а в Минской конвенции — четыре основания). УПК РК содержит 12 основа-

ний отказа в выдаче. Наглядно видна разница в количественных характеристиках, при этом следует отметить, что подобная картина присутствует и в двусторонних договорах государств. Полагая, что требуется унификация и гармонизация нормативно-правовой базы в части регулирования оснований отказа в экстрадиции.

В-третьих, современная правоприменительная практика в рассматриваемой сфере актуализирует нормативное закрепление принципа взаимности. В настоящий момент в нормах международного права он не отражен применительно к институту выдачи преступников. Отметим, что в УПК РК данный принцип нашел не только общее закрепление в ст. 558 УК РФ, но и конкретизацию для целей выдачи в ст. 569 УПК РК: в правовой помощи по выдаче запрашивающей стороне может быть отказано, если эта сторона не обеспечивает взаимность в этой сфере. Полагаем, что принцип взаимности целесообразно закрепить и на международном уровне в соответствующих международных правовых актах, регламентирующих оказание правовой помощи между государствами.

В-четвертых, на реализацию института выдачи влияет и течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности: выдача не производится, если на момент получения запроса о выдаче уголовное преследование согласно законодательству запрашиваемой стороны не может быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения срока давности либо по иному законному основанию. По УК РК течение сроков давности может приостанавливаться (аналогичные нормы имеются и в законодательстве Российской Федерации (ст. 78 УК РФ) и других государств). Кроме того, в ч. 6 ст. 71 УК РК содержится перечень преступлений, при совершении которых сроки давности не применяются. Он дается в описательном неконкретизированном виде: преступления против мира и безопасности человечества, террористические преступления, экстремистские преступления, пытки, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также особо тяжкие преступления против личности, основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка. Этот перечень включает более широкий круг преступлений по сравнению с положениями ч. 5 ст. 78 УК РФ, где акцент сделан прежде всего на преступления против общественной безопасности и общественного порядка, против безопасности мира и безопасности человечества; где указаны конкретные составы преступлений, на которые распространяется данное изъятие.

Исходя из анализа уголовно-правовой нормы о приостановлении течения срока давности, при рассмотрении запроса о выдаче нужно критически подходить к данному основанию отказа в выдаче, в связи с тем что, как правило, экстрадиция запрашивается в отношении лиц, объявленных в розыск, и, соответственно, течение сроков давности в отношении этих лиц должно приостанавливаться по причине их уклонения от следствия или суда, поэтому в международных договорах, регламентирующих вопросы экстрадиции, целесообразно закрепить норму, предусматривающую возможность ссылаться на приостановление течения сроков давности согласно внутреннему уголовному законодательству государств, а также на статьи, устанавливающие основания неприменения срока давности.

В-пятых, в международных договорах не предусмотрен в качестве общего правила отказ в выдаче по мотивам противоречия санкций статьи уголовного закона запрашиваемой стороны и санкций статьи уголовного кодекса запрашивающей стороны, по которой инициируется выдача. Однако в ст. 11 Европейской конвенции о выдаче [12] отмечается, что в выдаче может быть отказано в связи с тем, что норма уголовного закона запрашивающей стороны в качестве наказания предусматривает смертную казнь, а запрашивающая сторона не предоставляет запрашиваемой стороне гарантий неприменения этого наказания к экстрадируемому лицу. Отметим, что в Минской конвенции такая норма отсутствует. Аналогичные пробелы содержат и двухсторонние договоры государств. В Кишиневской конвенции имеется норма, согласно которой смертная казнь не применяется запрашивающей стороной в отношении лица, выданного в соответствии с положениями настоящей конвенции, если такое наказание не применяется запрашиваемой стороной.

В-шестых, в юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о возможности выдачи собственных граждан, а также граждан третьих государств в рамках реализации международных механизмов в сфере противодействия преступности. Следует отметить, что происходящие интеграционные процессы, а также современные международные вызовы и угрозы, с одной стороны, актуализируют вопрос о целесообразности заключения двусторонних соглашений на основе прин-

ципа взаимности, в соответствии с которыми возможна выдача собственных граждан «на время» за совершение транснациональных преступлений особой тяжести при условии, что для отбытия назначенного наказания они будут возвращены в государство своей гражданской принадлежности. Нормативные предпосылки данной позиции можно найти в Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г., где предусмотрено, что во всех случаях, когда государству-участнику согласно его внутреннему законодательству разрешается выдавать или иным образом передавать одного из своих граждан, выдача должна осуществляться только при условии, что это лицо будет возвращено в это государство для отбытия наказания, назначенного в результате судебного разбирательства или производства [13]. С другой стороны, обязательства государств, входящих в интеграционные образования (например, Евразийский экономический союз) могут закрепляться взаимными многосторонними или двухсторонними соглашениями о невыдаче граждан третьих государств.

В-седьмых, на международном уровне не решен вопрос о коллизии запросов о выдаче. Конвенции не определяют критерии, которые следует учитывать в случае коллизии запросов о выдаче, поступивших одновременно из нескольких государств. Полагаем, что в качестве таких критериев необходимо определить: тяжесть совершенного преступления; его транснациональность; гражданство лица, чья выдача запрашивается; сроки поступления запроса на экстрадицию и др.

Таким образом, проведенное исследование обнажило лишь пласт проблем, возникающих при реализации международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства. Их решение возможно посредством ревизии международных договоров, их новации и ратификации странами, которые не обеспечили их имплементацию в свою правовую систему, а также путем унификации и гармонизации внутригосударственного законодательства, что в конечном результате повлияет на качество правоприменительной практики правоохранительных органов государств в данной сфере.

Примечание

¹ Центральным органом согласно ст. 559 УПК РК являются: Генеральная прокуратура Республики Казахстан или уполномоченный прокурор; Верховный Суд Республики Казахстан. Часть 3 указанной статьи упоминает и компетентный орган Республики Казахстан как правомочный направлять запросы, поручения, ходатайства об оказании правовой помощи по уголовным делам.

² При этом некоторые авторы отмечают различие в формулировках оснований отказа в выдаче в Минской Конвенции (они изложены в безальтернативной форме) и некоторых пунктов ч. 2 ст. 464 УПК РФ, которые предусматривают лишь возможность отказывать в выдаче (речь идет о преследовании лица за преступления в порядке частного обвинения) [7].

³ В УПК РФ содержатся только отдельные статьи, посвященные регулированию оснований отказа в предоставлении отдельных видов правовой помощи (ст. 464 «Отказ в выдаче лица»; ст. 471 «Основания отказа в передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является»; ст. 473.5 «Основания для отказа в признании и принудительном исполнении приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем»).

⁴ Сходное положение закреплено и в ч. 3 ст. 457 УПК РФ с уточнением, что это должно быть «предусмотрено международными договорами Российской Федерации или письменным обязательством о взаимодействии на основе принципа взаимности».

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г. // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (по сост. на 21.01.2019). Доступ из справ. системы «ИС Параграф».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122 от 14.03.2003 (в ред. ЗП222 от 27.09.2013). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc> (дата обращения: 07.03.2019).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921; СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8478.

5. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. Доступ из справочной системы «ИС Параграф».

6. Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. М., 2002. 840 с.

7. Лазутин Л. А. К проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм (на примере правовой помощи по уголовным делам) // Современное право. 2018. № 2. С. 99—103.

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (по сост. на 21.01.2019). Доступ из справочной системы «ИС Параграф».

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8495.

10. Типовой договор о выдаче: резолюция № 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН (принята 14 декабря 1990 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

1. Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases (concluded in Minsk on 22 January 1993). Collection of legislation of Russian Federation; 1995; No. 17; Art. 1472.

2. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of 4 July 2014 (compiled as of 21 January 2019). Available from: reference system "IS Paragraph".

3. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova No. 122 of 14 March 2003 (ed. by ZP222 of 27/09/2013). Available from: <http://lex.justice.md/viewdoc>. Accessed: 7 March 2019.

4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 (ed. 27/12/2018). Collection of legislation of Russian Federation; 2001; No. 52; Art. 4921; Collection of legislation of Russian Federation; 2018; No. 53 (Part I); Art. 8478.

5. Chisinau Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases of 7 October 2002. Available from: reference system "IS Paragraph".

6. Handbook of the prosecutor. Ed. by S. I. Gerasimov. Moscow; 32002: 840 p.

7. Lazutin L. A. To the problem of inconsistency of domestic and international legal norms (on the example of legal assistance in criminal matters). Modern Law. 2018; 2: 99—103.

8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of 3 July 2014 (compiled as of 21 January 2019). Available from: reference system "IS Paragraph".

9. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 (ed. 27/12/2018). Collection of legislation of Russian Federation; 1996; No. 25; Art. 2954; Collection of legislation of Russian Federation; 2018; No. 53 (Part I); Art. 8495.

10. UN General Assembly Resolution No. 45/116 (adopted on 14 December 1990). "Model Treaty on Extradition". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". The document has not been published.

11. Решетнева Т. В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 31 с.

12. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г.) (с изм. от 20.09.2012) // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

13. Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 10. 03. 2019).

© Зайцева Е. А., Сидорова Н. В., 2019

11. Reshetneva T. V. Extradition of polypatrids in the Russian criminal process: problems of theory and practice. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Ekaterinburg; 2009: 31 p.

12. European Convention on Extradition (concluded in Paris on 13 December 1957) (as amended on 20/09/2012). Collection of legislation of Russian Federation; 2000; No. 23; Art. 2348.

13. The Convention against Transnational Organized Crime of November 15, 2000. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. Accessed: 10 March 2019.

© Zaitseva E. A., Sidorova N. V., 2019

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru

Сидорова Наталья Владимировна,
доцент кафедры правового регулирования
экономических отношений
Карагандинского экономического
университета Казпотребсоюза,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nsidorova75@mail.ru

Zaitseva Elena Alexandrovna,
professor at the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru

Sidorova Natalia Vladimirovna,
associate professor at the department
of the legal regulation of economic relations
of the Karaganda economic university
of Kazpotrebsoyuz,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: nsidorova75@mail.ru

* * *

Н. В. Золотухина, П. Н. Жукова

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

В представленной работе рассматриваются актуальные проблемы организации и производства некоторых следственных действий, возникающие у сотрудников органов предварительного расследования при собирании доказательств по уголовному делу. Авторами предлагается дополнить перечень следственных действий, в результате которых могут быть получены показания подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших, очной ставкой, проверкой показаний на месте и предъявлением для опознания. На основе анализа нормативных правовых актов, следственной и судебной практики показаны типичные ошибки, допускаемые следователями в связи с применением норм права, определяющих порядок производства осмотра места происшествия, проверки показаний на месте и др. Особое внимание уделяется проблеме изъятия электронных носителей информации для решения вопроса об их использовании в качестве доказательств по уголовным делам. Акцентируется внимание на недостатках законодательной регламентации условий изъятия электронных носителей информации в рамках расследования по уголовному делу.

Ключевые слова: доказательства, показания подозреваемого, очная ставка, проверка показаний на месте, осмотр места происшествия, осмотр жилища, порядок изъятия, электронный носитель информации, изъятие электронных носителей.

N. V. Zolotukhina, P. N. Zhukova

PROBLEMS OF GATHERING EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

The article considers the current problems of the organization and production of some investigative actions faced by the preliminary investigation bodies in gathering evidence in a criminal case. The authors propose to add to the list of investigative actions, as a result of which testimonies of suspects, accused persons, witnesses and victims can be obtained, such as, confrontation, on-site testimony and presentation for identification. Typical errors of investigating officers defining the procedure for conducting a crime scene search checking evidence at the scene and others are shown the basis of the analysis of regulatory legal acts investigative and judicial practice. The authors also paid particular attention to the seizure of electronic storage media when they are used as evidence in criminal cases. The attention is focused on the shortcomings of the legislative regulation of the conditions of seizure of electronic storage media in a criminal investigation.

Key words: evidence, testimony of the suspect, confrontation, verification of testimony at the scene, crime scene search, search of the house, order of seizure, electronic storage media, seizure of electronic storage media.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, но в силу требований, предусмотренных ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), их перечень определен и не подлежит расширительному толкованию. Основные сведения, получаемые в ходе расследования по уголовному делу, — это показания участников уголовного процесса и протоколы следственных действий. На наш взгляд, толкование норм УПК РФ, содержащих требования к такому источнику доказательств, как

показания участников уголовного судопроизводства, существенно ограничен, тем самым не позволяет использовать сведения, полученные в ходе следственных действий, целью которых является получение информации о предмете доказывания.

Устанавливая перечень доказательств по уголовному делу, законодатель в качестве показаний участников уголовного судопроизводства определил лишь сведения, сообщенные ими на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями ст. 187—190 УПК РФ

(для показаний подозреваемого) и ст. 173, 174, 187—190 и 275 УПК РФ (для показаний обвиняемого). По мнению А. Г. Зверева, к показаниям подозреваемого не могут быть отнесены сведения, полученные от подозреваемого в ходе следственных действий, не предусмотренных ст. 76 УПК РФ, соответственно, «показания подозреваемого в уголовном процессе могут быть получены только в результате такого следственного действия, как допрос подозреваемого» [1, с. 17]. Мы считаем это утверждение спорным. Несомненно, в ст. 76 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень источников получения показаний подозреваемого (в ст. 77 УПК РФ — обвиняемого), но мы согласны с точкой зрения А. А. Терегуловой [2, с. 57] о том, что сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, подозреваемый (обвиняемый) может дать в ходе и других следственных действий, таких как очная ставка, проверка показаний на месте и т. д.

В главе 26 УПК РФ содержатся статьи, регламентирующие производство следственных действий, где могут быть получены показания. Так, во время допроса могут быть получены сведения, которые в соответствии со ст. 87 УПК РФ необходимо проверить, например, путем производства очной ставки и проверки показаний на месте, причем согласно ст. 192 УПК РФ очная ставка проводится по правилам допроса, а сведения, полученные при ее проведении, называются «показания допрашиваемых лиц». Они не могут быть причислены к «показаниям подозреваемого, обвиняемого», поэтому используются лишь как «протоколы следственных и судебных действий». Считаем необходимым подчеркнуть, что, несмотря на сказанное, существует необходимость соблюдения требований, предусмотренных ч. 2 ст. 75 УПК РФ: обязательно участие защитника при производстве допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и предъявления для опознания, поскольку результатом их производства могут быть и проверка ранее данных показаний участников уголовного судопроизводства, и получение новых сведений.

Проверка показаний на месте — это следственное действие, целью которого является как проверка ранее полученных показаний, так и установление новых обстоятельств (ст. 194 УПК РФ). Сведения, полученные в ее ходе, нужно отнести к «показаниям» участников уголовного судопроизводства, с связи с тем что правила, предусмотренные ст. 194 УПК РФ, коррелируют с требованиями, предъявляемыми к производству допроса. В то же время лицо, чьи показания проверяются

на месте, связанном с исследуемым событием, может указать на предметы, документы и следы, имеющие значение для уголовного дела. Здесь мы видим аналогию с таким следственным действием, как осмотр.

В деятельности следственных органов сложилась практика изъятия орудия преступления, предметов, документов и т. п. путем производства самостоятельных следственных действий — осмотра места происшествия или выемки. Кроме того, обнаруженные в ходе проведения проверки показаний на месте предметы могут изыматься протоколом проверки показаний на месте, затем осматриваться и признаваться вещественным доказательством. Использование того или иного варианта решения основано на личной интуиции, применении аналогии права, но по-прежнему не находит законодательного регулирования. Данная проблема (изъятия предметов (документов), обладающих признаком вещественного доказательства) неоднократно обсуждалась в юридической литературе [3]. Общие правила производства следственных действий (в том числе проверки показаний на месте) установлены ст. 164 УПК РФ, ч. 6 описывает порядок применения технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений и вещественных доказательств. Но порядок изъятия обнаруженного не указан ни в ст. 194 УПК РФ ни в ст. 164 УПК РФ. Несмотря на наличие практического сходства таких следственных действий, как осмотр и проверка показаний на месте, процессуального подтверждения их аналогии мы не находим. Решение обозначенной проблемы видится нам только в регламентации проведения изъятия следов, предметов и документов в ходе проверки показаний на месте в соответствии с чч. 2, 3 и 4 ст. 177 УПК РФ. Однако этим проблемы производства проверки показаний на месте не ограничиваются, что мы отмечали еще в 2007 г., когда проведение данного следственного действия вызывало множество трудностей у работников следственных органов [4, с. 91].

В результате анализа уголовных дел В. И. Белоусов [5, с. 23] пришел к заключению о том, что практические работники проводят не проверку показаний на месте, а допрос на месте совершения преступления или осмотр места происшествия с участием подозреваемого (обвиняемого, потерпевшего или свидетеля), т. е. они не приняли нового следственного действия. Проводя его «по старинке», следователи придают ему особенности того или иного вида следственного действия. Если это допрос подозреваемого на месте совершения

преступления, он оформляется хотя и протоколом проверки показаний на месте, но с учетом требований, предъявляемых к допросу; если это осмотр места происшествия с участием подозреваемого, то к нему применяются правила проведения осмотра.

На практике встречаются ситуации, когда проведение проверки показаний на месте становится невозможным по той причине, что лицо не дает согласия на осуществление данного действия в своем жилище, а отсутствие нормативного регулирования проведения проверки показаний в жилище становится ключевой проблемой.

Конституцией Российской Федерации (ст. 25) закреплено право гражданина на неприкосновенность жилища. Оно может быть ограничено только в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Однако в УПК РФ вопрос об ограничении указанного права в связи с необходимостью производства проверки показаний в жилище не урегулирован: отсутствие законодательного закрепления создает проблемы для правоприменителя.

Проверка показаний на месте, как правило, тщательно планируется следователем, при подготовке к ее проведению в жилом помещении необходимо получить согласие проживающих в нем граждан, о чем сделать соответствующую запись в протоколе следственного действия. Как показывает практический опыт одного из авторов статьи, проверка показаний на месте все-таки может производиться в случаях, не терпящих отлагательства, а также тогда, когда у лица, проживающего в жилище, не представляется возможным получить разрешение на проведение проверки показаний в этом жилище. Найти решение данной проблемы непосредственно в УПК РФ нельзя, поэтому обратимся к судебной практике.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. сформулирована правовая позиция, согласно которой положения ст. 194 УПК РФ «не являются неопределенными и не содержат дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, а потому конституционное право на неприкосновенность жилища не нарушают» [6]. Здесь содержится примерный перечень норм федеральных законов (действующих на момент опубликования), на основании которых допустимо проникновение в жилище без предварительного получения разрешения суда. Среди

них Конституционный Суд называет: ч. 5 ст. 165 УПК РФ, п. 18 ч. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-I, п. «з» ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ, ст. 6 и 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

С учетом того что Закон Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-I утратил силу, порядок вхождения (проникновения) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории регламентируется ст. 15 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [7], а также п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ [8].

Проблема обеспечения конституционного права на неприкосновенность жилища при проведении осмотра места происшествия в жилище до сих пор не решена на законном уровне. Ранее мы ставили этот вопрос на обсуждение и предлагали обратить внимание на различие двух видов осмотра: осмотра жилища и осмотра места происшествия — и не применять требования ч. 5 ст. 177 УПК РФ по отношению ко второму [9, с. 110]. Н. Ю. Лебедев считал нужным внести в ч. 5 ст. 177 УПК РФ изменение, согласно которому требования данной нормы не распространяются на осмотр места происшествия, когда местом происшествия является жилище [10, с. 217].

До сих пор следственные работники при осмотре места происшествия в жилище предлагают проживающим лицам собственноручно сделать запись в протоколе о согласии на его проведение. В случае их отсутствия следователи выполняют требования, предусмотренные ч. 5 ст. 165 УПК РФ, направляя уведомления судье и прокурору о производстве осмотра места происшествия в жилище без согласия проживающих в нем лиц, при этом не прилагают к уведомлению копии постановления о производстве осмотра места происшествия в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, наличие которой необходимо согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ. На вопрос (во время интервьюирования) «С какой целью осуществляются перечисленные выше действия?» следователи и прокуроры в 90 % случаев отвечают: «На всякий случай». Чрезмерная «перестраховка» органов предварительного расследования объясняется отсутствием четкого законодательного регулирования.

В апелляционном определении от 25 октября 2018 г. № 50-АПУ18-13 в обоснование своего решения Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отмети-

ла: «Перечисление видов осмотров в части 1 статьи 176 УПК РФ (осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов) прямо указывает на то, что осмотр места происшествия и осмотр жилища являются разными процессуальными действиями. Закон не предусматривает получения судебного разрешения на осмотр места происшествия, а также согласия проживающих в квартире лиц, если местом происшествия является жилище» [11].

Неоднократно в Конституционный Суд Российской Федерации направлялись жалобы о неконституционности положений ст. 165, 176 и 177 УПК РФ [12]; [13]; [14], поскольку они не обязывают следователя, производящего осмотр места происшествия в жилище без согласия (и вопреки воле) его собственника, обращаться в суд за разрешением на производство осмотра либо за решением вопроса о его законности. Во всех аналогичных случаях Конституционный Суд дает разъяснение, что нормы УПК РФ не требуют судебного решения для производства осмотра места происшествия.

Еще одна проблема в доказывании по уголовным делам — использование электронных носителей информации.

Как таковой термин «электронный носитель информации» российским законодательством не определен, однако в п. 3.1.9 ГОСТа 2.051-2013 имеется понятие «электронный носитель» — материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Электронные носители информации могут использоваться как самостоятельные объекты (флеш-накопители, карты памяти, съемные накопители, компакт-диски и т. п.), так и входить в состав различных объектов (серверов, системных блоков, ноутбуков, видеорегистраторов, планшетов, мобильных телефонов и др.). Изъятие электронных носителей информации из средств вычислительной техники осуществляется путем демонтажа механическим способом: отсоединения разъемов либо выпаивания. Иногда это приводит к повреждению объекта, поэтому в некоторых ситуациях изъятие электронного носителя допускается вместе с содержащим его устройством.

До настоящего времени регламентация изъятия электронных носителей регулировалась ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. Данная норма предусматривала, в частности, что выемка указанного носителя должна производиться исключительно в присутствии специалиста, по ходатайству законного владельца носителя ему должна была быть предоставлена возможность скопировать содержащуюся информацию. Аналогичная норма ч. 9.1 ст. 182

УПК РФ регламентировала производство обыска. Более того, в п. 20 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-разыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199, установлены такие же, по сути, как и изложенные, правила изъятия электронных носителей информации в ходе оперативно-разыскных мероприятий. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ нормы ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ были признаны утратившими силу, их заменила ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий», во многом повторяющая их положения в части обязательного участия специалиста при изъятии электронного носителя информации и предоставления владельцу носителя возможности с помощью специалиста скопировать информацию на предоставленный им носитель и т. п. Кроме того, впервые законодатель предусмотрел право следователя копировать информацию с электронного носителя без изъятия самого носителя. Тем не менее необходимо отметить, что ст. 164.1 УПК РФ содержит запрет на изъятие электронных носителей информации, однако он распространяется лишь на случаи производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом запрет не применяется в случаях: 1) если вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации; 2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения; 3) на электронных носителях содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой их владелец не обладает, либо она может быть использована для совершения новых преступлений, либо ее копирование по заявлению специалиста может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Таким образом, несмотря на движение законодателя в верном направлении, ограничение действия ст. 164.1 УПК РФ лишь рамками возбужденного уголовного дела по небольшому кругу составов преступлений, а также право широкого усмот-

рения для оценки тех или иных обстоятельств по-прежнему не дают четкой регламентации порядка изъятия электронных носителей информации.

Из изложенного следует, что при разработке законодательной базы, регулирующей процесс изъятия электронных носителей информации в рамках уголовного дела, упущен важный момент, касающийся отсутствия определения понятия элек-

тронных носителей информации в ст. 5 УПК РФ. Эта недоработка ведет к «самопрочтению» сотрудниками следственных органов условий изъятия электронных носителей информации, что негативно влияет на доказательственную базу по уголовным делам. Кроме того, на наш взгляд, необходимо внесение изменений в УПК РФ о порядке изъятия электронной информации [15].

1. Зверев А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.

2. Терегулова А. А. Порядок получения показаний подозреваемого // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 18 (118). С. 56—60.

3. Шараева Я. А. Актуальные вопросы производства проверки показаний на месте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14—1. С. 209—210.

4. Зайцева Е. А., Костерина Н. В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования: моногр. Волгоград, 2007.

5. Белоусов В. И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

6. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 911-О-О. URL: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

7. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019). URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

8. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

9. Костерина Н. В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

10. Лебедев Н. Ю. Некоторые проблемные аспекты проведения осмотра места происшествия // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2009.

11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 50-АПУ18-13. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

1. Zverev A. G. Admissibility of the testimony of a suspect in the Russian criminal process. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Rostov on Don; 2006.

2. Teregulova A. A. The procedure for obtaining evidence of a suspect. Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2008; 118 (18): 56—60.

3. Sharaeva Ya. A. Actual issues of the production of verification of evidence on the spot. Actual problems of combating crimes and other offenses. 2016; 14—1: 209—210.

4. Zaitseva E. A., Kosterina N. V. Powers of the court at the stage of preliminary investigation. Monograph. Volgograd; 2007.

5. Belousov V. I. Verification of testimony on the spot during the preliminary investigation. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2003.

6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 911-OO of 6 July 2010. "On refusal to accept complaints of citizen Kiyatov Nikolay Anatolyevich for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 194 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://sudbiblioteka.ru>. Accessed: 20 May 2019.

7. Federal Law No. 3-FZ of 7 February 2011 (ed. 01/04/2019). "About the police". Available from: <https://legalacts.ru>. Accessed: 20 May 2019.

8. Federal Law No. 403-FZ of 28 December 2010 (27/12/2018). "On the Investigation Committee of the Russian Federation". Available from: <https://legalacts.ru>. Accessed: 20 May 2019.

9. Kosterina N. V. Judicial control at the pre-trial stages of criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2005.

10. Lebedev N. Yu. Some problematic aspects of the inspection of the scene of an incident. Legal problems of strengthening Russian statehood. Tomsk; 2009.

11. Appeal definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of October 25, 2018 No. 50-APU18-13. Available from: <https://legalacts.ru>. Accessed: 20 May 2019.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. К 1150-О. URL: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоренкова Григория Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2001-О. URL: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левченко Евгения Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165, статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2027-О. URL: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

15. Об ограничении конституционных прав граждан при осмотре мобильных устройств связи и получении компьютерной информации / И. Ф. Амелчаков [и др.] // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 117—121.

12. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation K 1150-O of 29 May 2012. "About refusal in admission for consideration of the complaint of citizen Lazarev Alexei Yuryevich about violation of his constitutional rights by article 176 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://sudbiblioteka.ru>. Accessed: 20 May 2019.

13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2001-O of 24 December 2013. "About refusal in admission for consideration of the complaint of citizen Sidorenkov Grigory Nikolayevich on violation of his constitutional rights by Articles 176 and 177 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://sudbiblioteka.ru>. Accessed: 20 May 2019.

14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2027-O of 24 December 2013. "About refusal in admission for consideration of the complaint of citizen Levchenko Evgeny Konstantinovich on violation of his constitutional rights by part five of Article 165, Articles 176 and 177 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://sudbiblioteka.ru>. Accessed: 20 May 2019.

15. Amelchakov I. F., Zhukova P. N., Zolotukhina N. V. et al. On restricting the constitutional rights of citizens when inspecting mobile communication devices and receiving computer information. Academic Works of the Russian Academy advocacy and notaries. 2018; 51 (4): 117—121.

© Золотухина Н. В., Жукова П. Н., 2019

© Zolotukhina N. V., Zhukova P. N., 2019

Золотухина Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Жукова Полина Николаевна,
профессор кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России
имени И. Д. Путилина,
доктор физико-математических наук, доцент;
e-mail: pnzhukova@mail.ru

Zolotukhina Natalia Valeryevna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the University of the Ministry
of Defense of Russian Federation,
candidate of juridical sciences;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Zhukova Polina Nikolaevna,
professor at the department of information
and computer technologies
in the activities in the law-enforcement bodies
Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of physical and mathematical sciences,
docent;
e-mail: pnzhukova@mail.ru

С. В. Катков, О. И. Белокобыльская, С. А. Горных

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ:
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье анализируются понятие, сущность, содержание и значение в детальноности оперативных подразделений органов внутренних дел оперативно-разыскной характеристики преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. С учетом современного уровня преступности данная научная категория сравнивается со смежными видами характеристик из других наук криминального цикла: уголовно-правовой, криминологической, криминалистической. Раскрываются ее отличия от оперативно-тактической характеристики преступлений с позиции как оперативно-разыскной терминологии, так и правоприменительной практики. Суммируя мнения ученых, опираясь на данные оперативно-разыскной практики, авторы формулируют собственную дефиницию оперативно-разыскной характеристики преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере, выделяют ее отличительные признаки и раскрывают содержание. Понимание и знание оперативно-разыскной характеристики исследуемой сферы и ее составляющих элементов позволяют правильно организовывать оперативно-разыскную деятельность различных субъектов в целях обеспечения национальной безопасности России путем выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с деятельностью государственных и частных, коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих операции по аккумулярованию денежных средств, кредитованию, ведению расчетных счетов, купле-продаже валюты и ценных бумаг, эмиссии кредитных средств платежа, а также финансовые инвестиции и оказание иных финансовых услуг.

Ключевые слова: кредитно-финансовая система, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскная характеристика, оперативно-тактическая характеристика, национальная безопасность России.

S. V. Katkov, O. I. Belokobylskaya, S. A. Gornykh

**PERFORMANCE AND CRIMINAL CHARACTERISTICS
OF CRIMES MADE IN CREDIT AND FINANCIAL SPHERE:
SEPARATE QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE**

The article analyzes the concept, essence, content and value in detail of the operational units of the internal affairs bodies of the operational-search characteristics of crimes committed in the credit and financial sphere. Given the current level of crime, this scientific category is compared with related types of characteristics from other sciences of the criminal cycle: criminal law, criminological, and criminalistic. It reveals its differences from the operational-tactical characteristics of crimes from the standpoint of both operational-investigative terminology and law-enforcement practice. Summarizing the opinions of scientists, based on the data of operational-investigative practice, the authors formulate their own definition of the operational-investigative characteristics of crimes committed in the credit and financial sphere, identify its distinctive features and reveal the content. Understanding and knowledge of the operational-investigative characteristics of the studied area and its constituent elements allow to properly organize the operational-investigative activities of various subjects in order to ensure the national security of Russia by identifying, preventing, suppressing and solving crimes related to the activities of public and private, commercial and non-profit organizations, conducting operations on the accumulation of funds, lending, maintenance of current accounts, purchase and sale of currency and securities, issue of credit means of payment, as well as financial investments and the provision of other financial services.

Key words: credit and financial system, operational and investigative activities, operational and investigative characteristics, operational and tactical characteristics, national security of Russia.

Преступления, совершаемые в кредитно-финансовой сфере, занимают особое место в структуре экономической преступности вследствие аккумуляции колоссального количества денежных средств и из-за возможности получения преступниками за сравнительно короткий срок незаконной сверхприбыли. О высокой степени криминализации кредитно-финансовой системы российской экономики и огромных масштабах причиняемого стране ущерба свидетельствуют данные Интерпола, согласно которым доходы организованной преступности здесь превышают доходы от иной преступной деятельности в целом. В свою очередь, выявление, раскрытие и расследование таких преступлений представляет собой трудную задачу: они совершаются профессионально подготовленными людьми с высоким уровнем интеллекта, располагающими необходимыми средствами и возможностями как для реализации своих преступных замыслов, так и в случае их обнаружения правоохранительными органами. Кроме того, сложность борьбы с данными преступлениями состоит и в том, что в ряде случаев банки противодействуют возбуждению уголовных дел, опасаясь за свою репутацию на рынке.

Необходимо признать очевидным тот факт, что понять сущность и определить содержание организации оперативно-разыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере, невозможно без исследования закономерностей развития и функционирования и самой кредитно-финансовой системы, существующих в ней криминальных явлений, и специфики применения всего инструментария, имеющегося в распоряжении оперативных сотрудников. В связи с этим нужно четко понимать: «Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать» [1. с. 195], что в полной мере согласуется с точкой зрения В. А. Лукашева считающего, что одна из главных задач теории оперативно-разыскной деятельности — «выявление научными методами существенных, устойчивых, необходимых, повторяющихся связей, явлений и процессов многообразной оперативно-разыскной практики» [2. с. 106—107].

В юридических науках традиционно при изучении преступления используются различные виды характеристик: уголовно-правовая, криминологическая, криминалистическая и оперативно-разыскная. Каждая из них концентрирует внимание на тех или иных сторонах одного и того же явления. По сути, термин «характеристика» не предполагает придания системности установленной и описанной совокупности элементов конкретного объекта. В то же время большинство ученых, формулируя определения таких категорий, как уголовно-правовая, криминологическая, криминалистическая и оперативно-разыскная характеристики, понимают под ними именно систему признаков, а не описание их совокупности. В связи с этим Р. Л. Ахмедшин отмечает, что научность смысловой составляющей термина «характеристика» несколько сомнительна: «...мы не отрицаем некоторую познавательную ценность описания, как исследовательского приема, речь идет о том, что данный прием актуален только для первоначального периода исследования конкретного объекта» [3. с. 29]. Основываясь на данной точке зрения, В. Ф. Козлов считает, что термин «характеристика» должен быть заменен на термин «система». Согласно его позиции такие научные категории, как уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристики преступлений, должны именоваться соответственно уголовно-правовой, криминологической и криминалистической системой преступлений [4. с. 35]. Вместе с тем с учетом семантических особенностей термина «система преступлений», специфики его применения в русском языке мы не согласны с такой позицией и придерживаемся традиционного наименования — «характеристика преступления».

Должного внимания, на наш взгляд, заслуживает конструктивная критика характеристики преступлений с позиций информационных технологий и необходимости формирования типовой информационной модели преступления [5, с. 39—50].

По мнению А. П. Алексеевой, «оперативно-разыскная характеристика преступлений должна представлять собой своеобразного рода информационную парадигму, позволяющую помочь оперативному сотруднику на ее основе определить источники информации о конкретном виде преступления с целью ее последующего использования в предупреждении замышляемого, готовящегося

или совершаемого преступления, в выявлении и раскрытии совершенного преступления, а также при установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших» [6, с. 168—169]. В то же время считаем, что такой подход к значению информационной парадигмы оперативно-разыскной характеристики несколько усечен. Представляется, что данные, включаемые в нее, должны позволять решать не только задачи предупреждения замышляемого, готовящегося или совершаемого преступления или выявления и раскрытия совершенного преступления, но и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Например, знание вариантов хищения денежных средств при совершении различных банковских операций между хозяйствующими субъектами, способов их легализации позволяют не только установить факт совершения преступления и лиц, причастных к этому, но и обеспечить решение такой задачи оперативно-разыскной деятельности, как установление имущества, подлежащего конфискации.

В научной литературе существует и иная точка зрения на значение оперативно-разыскной характеристики преступлений. В частности, С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко и В. П. Сальников называют оперативно-разыскную характеристику фантомом [7, с. 155, 157, 159]. При этом в обоснование своей позиции они приводят не только мнение Р. С. Белкина [8 с. 224—233], который считал фантомом криминалистическую характеристику преступлений, но и результаты проведенного ими опроса 1 100 оперативных сотрудников. Так, 89 % респондентов на вопрос «Что вам известно о разработке оперативно-разыскной характеристики преступлений?» ответили, что ничего об этом не знают. Кроме того, характеризуя ее структуру, они указали на то, что «арифметическое» добавление к уголовно-правовым, криминологическим и криминалистическим признакам конкретных видов преступлений «оперативно-разыскных данных не означает и не допускает получения системной информации, которую предлагают выдать за оперативно-разыскную характеристику конкретных видов преступлений» [7, с. 156—157]. Безусловно, эта точка зрения может существовать. Вместе с тем мы разделяем мнение А. П. Исиченко: «Во-первых, от ошибок не застрахован никто, даже такие бесспорные научные авторитеты, как Р. С. Белкин. Во-вторых, вышеприведенные результаты опроса оперативников вызывают сомнение, поскольку формулировка заданного им вопроса представляется не вполне корректной» [9, с. 42]. В подтвер-

ждение данной позиции считаем возможным обратить внимание и на иные обстоятельства. Так, В. А. Лукашев, по сути, являясь одним основоположников теории оперативно-разыскной деятельности, считал, что к числу главных задач этой самостоятельной науки состоит относить обнаружение „научными методами устойчивых и повторяющихся связей, явлений и процессов многообразной оперативно-разыскной практики и разработке на данной основе базовых принципов, понятий, категорий для этой специфической области знаний“» [10 с. 107]. При этом необходимо привести справедливое замечание Ю. В. Новиковой, чью позицию мы полностью разделяем, о том, что во многих современных работах, несмотря на достаточное количество серьезных научных трудов по данной проблематике, отсутствует важное звено, обеспечивающее связь теории методологии исследования и сочетание суждений научного типа с практической деятельностью [11, с. 37—40].

Понятие оперативно-разыскной характеристики преступлений в отечественной оперативно-разыскной теории стало активно разрабатываться с конца 1970-х — начала 1980-х гг., с тех пор интерес к нему не ослабевает. Д. В. Гребельский был в числе первых, кто предложил данное понятие. Он считал, под оперативно-разыскной характеристикой преступлений следует понимать «совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников (входящих, прежде всего, в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений)» [12, с. 72—73]. Он отмечал динамичность такой характеристики в зависимости от характера преступлений, возможность ее дополнения отдельными элементами или исключения некоторых из них. Кроме того, по его мнению, интегрированный характер оперативно-разыскной характеристики преступлений предопределен всем спектром тактических задач, стоящих перед оперативными подразделениями, а ее специфический аспект четко выражен в необходимости использования соответствующей информации для наиболее эффективного применения всего инструментария оперативно-разыскной деятельности в определяемых законодателем целях.

Сегодня проблеме формирования единой дефиниции оперативно-разыскной характеристики посвящено много работ различных авторов. В научной литературе кроме термина «оперативно-разыскная характеристика преступлений» встре-

чается также «оперативно-тактическая характеристика преступлений». В связи с этим, не ставя перед собой задачи в рамках данной статьи детально рассмотреть все работы, где в той или иной мере дается их трактовка, мы считаем ошибочным мнение отдельных авторов относительно значения, содержания и соотносимости этих терминов. Так, с точки зрения А. Н. Алиева, термины «оперативно-разыскная характеристика преступлений» и «оперативно-тактическая характеристика преступлений» «практически ничем не отличаются» [13, с. 37—40]. Е. Н. Казаков придерживается позиции, что в языке теории оперативно-разыскной деятельности они являются синонимами, т. е. терминологическими единицами, разными по звучанию, но одинаковыми по содержанию [14, с. 17]. По мнению, М. Ю. Тарасовой, «понятие „оперативно-тактическая характеристика преступлений“ возникло первоначально, но впоследствии преобладающим стал термин „оперативно-разыскная характеристика преступлений“ как более точно и полно отражающий представляемое им понятие» [15, с. 36—37]. В то же время мы считаем очевидным, что ценность любого исследовательского поиска определяется четко обозначенным кругом искомых фактов. К их числу, исходя из проблематики настоящей статьи, на наш взгляд, следует отнести резко выраженные особенности, качества, черты, а точнее, информационные признаки [16, с. 265, 870, 581], которые отражают вопросы деятельности, направленной на решение тех или иных задач, в том числе связанных с борьбой с преступностью. Таким образом, с учетом концепции нашего исследования в совокупности они и представляет собой характеристику [16, с. 848] любого преступления, включая преступления в кредитно-финансовой сфере, с позиции комплексного применения сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности.

Прилагательное «оперативно-разыскная» в термине «оперативно-разыскная характеристика» свидетельствует о его отнесении к сфере оперативно-разыскной деятельности. Она является одним «из видов деятельности юридической, имеющей государственный характер» [17, с. 26], осуществляется гласно и негласно специальными субъектами посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Таким образом, по нашему мнению, понятие оперативно-разыскной характеристики включает ин-

формационные признаки, характеризующие в целом деятельность оперативных подразделений, а указание на вид уголовно наказуемых деяний лишь конкретизирует их, устанавливая особенности оперативной работы по борьбе с определенной группой преступлений.

Можно сделать вывод и о том, что совокупность информационных признаков, непосредственным или опосредованным образом связанных с подготовкой или совершением противоправного деяния в кредитно-финансовой сфере, позволяет объективнее оценить факт, свидетельствующий о подготовке, совершении или сокрытии именно преступления.

В свою очередь, объективная фиксация фактических данных с использованием сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности является разновидностью приобретения социальной информации. Но она специфична по методам и цели получения (гласное и негласное выявление, предупреждение, пресечение или раскрытие преступлений), режиму использования имеющихся фактических данных, обеспечивающему конспирацию, надежную зашифровку источников, возможности проверки сообщаемых сведений и их применения только специальными субъектами, т. е. термин «оперативно-разыскная характеристика» учитывает общую специфику деятельности оперативных подразделений в процессе выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, в том числе связанных с кредитно-финансовой системой. Термин же «оперативно-тактическая характеристика», на наш взгляд, следует использовать для отражения специфических информационных признаков, присущих деятельности оперативных подразделений, в зависимости от конкретного противоправного деяния (включая деяния в рассматриваемой сфере). Например, хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, причинившие крупный ущерб гражданам, организациям или государству и т. д. Это обусловлено лексическим значением термина «тактика» — «искусство подготовки и ведения боя». При этом «бой» — «сражение войск, армий, состязание, единоборство, борьбу, действия, направленные на достижение чего-нибудь» [16, с. 51], т. е. конкретной цели. Тактика — одна из составных частей воинского искусства, включающего еще стратегию и оперативное искусство.

Всем этим частям присущи особенности ведения вооруженной борьбы различных масштабов [18, с. 7—8]. Бой — это «основная форма тактических действий в организованном вооруженном столкновении подразделений, частей и соединений воюющих сторон для достижения победы» [18, с. 43]. Таким образом, слово «тактический» свидетельствует о непосредственном столкновении различных, в том числе взаимодействующих, субъектов в определенной ситуации. В связи с этим, по нашему мнению, термин «оперативно-тактическая характеристика» применим уже к конкретному противоправному деянию, соответственно, и к деятельности оперативных подразделений, направленной как на выявление преступлений в кредитно-финансовой сфере, так и на их документирование и последующее оперативно-разыскное сопровождение уголовного судопроизводства.

Как представляется, термин «оперативно-тактическая характеристика» позволяет четче определить специфические информационные признаки, характеризующие такие формы оперативно-разыскной деятельности, как оперативная проверка (выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес), оперативная профилактика, оперативно-разыскное обеспечение предварительного расследования и т. д.

С учетом изложенного мы разделяем мнение В. И. Елинского и других авторов о том, что термины «оперативно-тактическая характеристика преступлений» и «оперативно-розыскная характеристика преступлений» не тождественны, а соотносятся как часть и целое. Первый входит во второй как составная часть [19, с. 156].

Не рассматривая более оперативно-разыскную характеристику с точки зрения оперативно-разыскной терминологии, исследуем ее содержание, т. е. систему информационных признаков, определяющих деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции применительно к борьбе с кредитно-финансовыми преступлениями.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в теории оперативно-разыскной деятельности является вопрос о количественной и качественной составляющей оперативно-разыскной характеристики преступлений. Существует острая необходимость определения перечня информационно значимых для оперативного подразделения признаков, образующих ядро оперативно-разыскной характеристики. Большинство ученых полагают, что структуру данной категории образуют закономерные взаимосвязи, система отношений входя-

щих в нее элементов, однако единого мнения относительно их числа нет. Как нам представляется, вопрос о компонентном составе оперативно-разыскной характеристики не может быть решен однозначно для всех видов преступлений. Оптимальное количество ее структурных элементов зависит от особенностей изучаемой категории преступлений, а также от выявленных связей между ними. Научная же разработка различных аспектов структуры оперативно-разыскной характеристики преступлений находится в постоянном динамическом развитии. При исследовании этой характеристики важно учитывать ее значимость в теоретическом и практическом аспектах. Представляется, что она состоит не только в выделении внутренних элементов. Бесспорной является необходимость установления взаимосвязей между ними как составляющими единое целое и их значимость для результативного применения сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в борьбе с конкретным видом преступлений.

С учетом обозначенного считаем, что к содержанию оперативно-разыскной характеристики преступлений (включая преступления в кредитно-финансовой сфере) как к практическому инструменту должны быть отнесены только те ее элементы, которые:

— *отличаются конкретной оперативно-разыскной направленностью;*

— *ориентируют оперативного сотрудника на организацию оперативно-разыскного процесса в ходе как выявления и документирования преступлений, так и последующего оперативно-разыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по преступлениям, в том числе связанным с кредитно-финансовой системой.*

При исследовании вопросов содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений важно учитывать тесную корреляционную зависимость юридических наук, изучающих преступность и варианты противодействия ей. Считаем верным мнение В. Д. Ларичева о том, что «и уголовное право, и криминология, и криминалистика, и теория оперативно-розыскной деятельности изучают одни и те же явления, а именно преступления и лиц, их совершивших. Однако каждая наука изучает эти явления с позиций „собственных интересов“, под различными углами зрения — в зависимости от направленности каждой из них» [20], точнее, в зависимости от целей, которые эти науки ставят перед собой. В свою очередь, определение

их целей является основополагающей задачей и в то же время наиболее дискуссионным вопросом в теории права. Здесь мы обратим внимание на тот факт, что именно уголовно-правовая оценка информации, являясь результатом оценочного процесса, позволяет оперативным сотрудникам определить наличие оснований, необходимых не только для проведения оперативно-разыскных мероприятий, в том числе, ограничивающих конституционные права, например, прослушивание телефонных переговоров, но и обосновать факт заведения соответствующего вида дела оперативного учета. Знание же криминологической характеристики преступлений позволит в полном объеме установить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, чего требуют положения ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Осведомленность оперативных сотрудников и следователей о сведениях, характеризующих личность лица, совершившего конкретный вид преступления в кредитно-банковской сфере, поможет верно определить тактику отдельного следственного действия, проводимого с его участием, возможные варианты противодействия и весь ход предварительного расследования, а затем и судебного разбирательства. Более того, знание сотрудниками оперативных подразделений особенностей личности лиц, совершающих преступления, генезиса их преступного поведения, позволяет установить конкретное лицо, в отношении которого целесообразно осуществлять максимальный объем оперативно-разыскных мероприятий в рамках соответствующего дела оперативного учета.

Сведения о личности вероятного преступника, являясь, по сути, содержанием криминологической характеристики преступлений, дает возможность с максимальной точностью определить варианты их привлечения к конфиденциальному содействию, сотрудничеству или мотивировать к отказу от совершения готовящегося преступления, спланировать и реализовать соответствующую оперативную комбинацию, например, позволяющую задержать преступника с поличным. В совокупности это подтверждает нашу мысль о том, что в контексте современного уровня криминализации общества, а также в свете постоянного совершенствования правовой регламентации оперативно-разыскной деятельности и уголовного судопроизводства не только в нормах отечественного права, но и в международных правовых источниках характеристика конкретного вида преступлений, выработанная теорией оперативно-разыскной дея-

тельности, гораздо информативнее, т. е. для оперативного подразделения она практичнее в применении, чем уголовно-правовая, криминологическая и криминологическая характеристики. В связи с этим, несмотря на сложившееся мнение о второстепенности теории оперативно-разыскной деятельности по отношению к другим отраслям научного знания уголовно-правового цикла, считаем заслуживающим внимание высказывание В. Я. Колдина: «Криминологика прошлых веков уже стала достоянием истории. Ученые криминологи уже не могут довольствоваться умением стирать пыль с книжных полок. Они должны пересмотреть те традиционные, в том числе методологические, установки, если они противостоят современным информационно-технологическим функциям криминологии» [21, с. 21—24]. Отсюда необходимо по-новому взглянуть на мнение одного из основоположников отечественной криминологии В. И. Лебедева: «Раскрытие совершаемых при разнообразнейших условиях современной жизни преступлений, разоблачение истинного характера случающихся изо дня в день и нередко загадочных происшествий является деятельностью, требующей прежде всего того практического навыка и особого умения в применении различных средств, способов и приемов, совокупность которых является искусством раскрытия преступлений или искусством уголовного сыска» [22, с. 156]. Несмотря на то что этой фразе уже более 110 лет, можно с уверенностью назвать ее не имеющей срока давности. Очевидно, что искусство раскрытия преступлений — искусство уголовного сыска, возникшее одновременно с совершением первого преступления. Оно заключается в умении познавать не столько явные, сколько скрытые от многих людей явления и процессы с использованием достижений научно-технического прогресса и законов экономического развития общества и государства, именно поэтому на первый план в практике лиц, осуществляющих противодействие преступлениям, в том числе связанным с кредитно-финансовой системой, выходит умение своевременно выявлять признаки, свидетельствующие о подготовке, совершении или сокрытии конкретных уголовно наказуемых деяний, лиц, к этому причастных, отличать эти деяния от гражданско-правовых деликтов, в случае невозможности предупреждения таких преступлений, своевременно их пресекать, в случае совершения — обеспечивать реализацию принципа неотвратимости наказания и возмещать причиненный ущерб.

При исследовании вопросов содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений, связанных с кредитно-финансовой системой, важно также учитывать происходящие в настоящее время кардинальные изменения характера угроз финансовой безопасности российского государства, требующие совершенствования инструментов противодействия криминальной активности. Традиционно защита правоотношений здесь осуществляется с помощью правовых институтов различных отраслей права: гражданского, финансового, банковского, налогового, административного, уголовного и др. В то же время, как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, «многие из них в должной мере между собой не сопряжены и требуют систематизации в целях достижения баланса интересов государства и бизнеса» [23]. С учетом изложенного считаем, что использование сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности является именно тем резервом государства, который позволит надежно обеспечить защиту кредитно-финансовой системы от преступных посягательств, экономическую безопасность страны, национальную безопасность в целом, ее должное развитие. Подтверждением данного тезиса служат отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и ряд других документов стратегического планирования [24]; [25]. Однако это требует опять же исследования закономерностей развития и функционирования как самой кредитно-финансовой системы, существующих в ней криминальных явлений, так и специфики применения всего инструментария, имеющегося в распоряжении оперативных сотрудников. В совокупности это и есть оперативно-разыскная характеристика рассматриваемого вида преступлений.

Вопросам использования сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в противодействии преступлениям, в той или иной мере связанным с кредитно-финансовой системой, посвящены работы многих отечественных ученых [26]; [27]. Вместе с тем их анализ свидетельствует о том, что содержание оперативно-разыскной характеристики именно финансово-кредитных преступлений не всегда становилось самостоятельным предметом исследования. Это вызывает необходимость более детального его изучения.

На наш взгляд, понятие, содержание и значение оперативно-разыскной характеристики преступлений, связанных с кредитно-финансовой

системой, предопределяются постоянным изменением экономической ситуации в стране и мире.

Во-первых, история становления и развития в России кредитно-финансовой системы в целом и банковской системы в частности говорит о том, что сопутствующие позитивные процессы и негативные явления, детерминирующие экономическую преступность, всегда зависели от форм собственности, экономической модели государства, особенностей правового регулирования общественных отношений в данной области. Вместе с тем многие черты современного состояния преступности не являются чем-то новым для российских банков. По этой причине мы полностью разделяем мнение А. Ю. Олимпиева о том, что «...было бы непростительно не принимать во внимание уже имеющийся исторический опыт защиты банковской системы как государства в целом, так и отдельно хозяйствующих субъектов, включая банки, от противоправных посягательств» [28 с. 93—101].

Во-вторых, кредитно-финансовая система России многокомпонентная. Ее образуют комплекс кредитно-финансовых институтов, действующих на кредитно-финансовых рынках, кредитно-финансовых отношений и соответствующая им информационная сфера. Кредитно-финансовые институты — это государственные и частные, коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие операции по аккумулированию денежных средств, кредитованию, ведению расчетных счетов, купле и продаже валюты и ценных бумаг, эмиссии кредитных средств платежа, осуществлению финансовых инвестиций, оказанию финансовых услуг. Кредитно-финансовые отношения — отношения, связанные с формированием и распределением кредитно-финансовых ресурсов. Кредитно-финансовая информационная сфера — это поставщик информации о составе, структуре, качественных и количественных характеристиках деятельности кредитно-финансовых организаций. Она представлена информационными базами данных, относящихся к нормативным и законодательным актам, сведениями, формируемыми статистическими службами, рейтинговыми агентствами, бюро кредитных историй, профильными изданиями, средствами массовой информации и др.

Ярким примером развития кредитно-финансовой информационной сферы как продукта длительной эволюции кредитно-финансовых рынков является Бюро кредитных историй — юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством Российской Федерации, являющееся коммерческой организацией и оказываю-

щее в соответствии с Федеральным законом «О кредитных историях» от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ услуги по формированию, обработке и хранению кредитных историй, а также по предоставлению кредитных отчетов и сопутствующих услуг [29].

В-третьих, влияние на состояние и уровень преступности, связанной с кредитно-финансовой системой и, как следствие, организацию деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции оказывает и тот факт, что в этой системе происходит беспрецедентная концентрация денежных ресурсов и в наличной, и в безналичной форме, а также производство, распределение и потребление самых разнообразных финансовых услуг. При этом все большее упор здесь делается на диверсификацию, конвергенцию разных видов услуг, в результате чего наблюдается устойчивая тенденция к глобальному расширению клиентского поля и увеличению объемов деятельности, в том числе с выходом на мировой уровень и в глобальную информационную сеть «Интернет».

В-четвертых, отсутствует четкий законодательно урегулированный баланс между частными и публичными интересами в кредитно-финансовой системе, поэтому часто при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности для максимального извлечения прибыли используются противоправные способы ведения бизнеса, что становится возможным по причине несовершенства нормативной правовой базы. Таким образом, при определении содержания оперативно-разыскной характеристики исследуемого вида преступлений нужно учитывать правовое регулирование создания и функционирования различных учреждений, входящих в кредитно-финансовую систему России, а также установление в административном и уголовном законодательстве наказания за соответствующие противоправные деяния.

В-пятых, несмотря на широкий круг субъектов контроля и надзора за соблюдением финансовых норм, допускаются грубые нарушения финансового характера. Прежде всего такая ситуация обусловлена неэффективным распределением и реализацией ревизионных функций в контрольно-надзорных органах.

Нужно также отметить, что проведение подавляющего числа доследственных проверок о совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности осуществляется по заявлению одной из сторон финансово-кредитных отношений, нередко использующей инструменты

уголовной репрессии для решения хозяйственных споров.

Свое воздействие оказывает и профессиональная специализация всех участников преступлений рассматриваемого вида, личностные характеристики которых детерминированы наличием преступного опыта, высоким уровнем материальной обеспеченности и иными факторами, т. е. необходима система знаний о преступности как об относительно массовом социальном явлении, что, в свою очередь, представляет объект криминологии. Отсюда очевидно ее влияние на оперативно-разыскную деятельность как науку уголовно-правового цикла и составляющие ее категории.

Особенности содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений, связанных с кредитно-финансовой системой, обуславливаются значительным количеством следовой информации о таких уголовно наказуемых деяниях. Она отражается не только в сознании конкретных людей (работников банковских учреждений, налоговых органов, коммерческих организаций и т. д.), но и в объектах материального мира (оформляемых учредительных документах, выписках по счетам, платежных поручениях, в том числе оформляемых с использованием удаленного доступа и т. п.). В свою очередь, каждый след предполагает свой вариант как негласного, так и гласного обнаружения, фиксации и последующего использования в рамках уголовного судопроизводства.

Таким образом, очевидна необходимость включения в оперативно-разыскную характеристику преступлений, связанных с кредитно-финансовой системой, информационных признаков криминалистического характера. В связи с этим, а также с учетом изложенных выше обстоятельств назовем четыре основных составляющих оперативно-разыскной характеристики рассматриваемых преступлений, которые дополняют друг друга: правовую, криминалистическую, криминологическую и оперативно-разыскную. Эти элементы, на наш взгляд, и могут быть охарактеризованы как совокупность информационных признаков правового, криминалистического, криминологического и оперативно-разыскного характера, обуславливающих специфику сочетаемого применения гласных и негласных сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности.

Таким образом, представляется возможным сформулировать авторскую дефиницию понятия «оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с кредитно-финансовой системой»: оперативно-разыскная характеристика пре-

ступлений, связанных с кредитно-финансовой системой — это совокупность информационных признаков правового, криминологического, криминалистического и оперативно-розыскного характера, определяющих особенности сочетаемого применения гласных и негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности в целях обеспечения национальной безопасности России путем выявления, предупреждения, пресе-

чения и раскрытия преступлений, связанных с деятельностью государственных и частных, коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих операции по аккумулярованию денежных средств, кредитованию, ведению расчетных счетов, купле-продаже валюты и ценных бумаг, эмиссии кредитных средств платежа, а также финансовые инвестиции и оказание финансовых услуг.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва, 1960. Т. 16.

2. Лукашев В. А. Теория оперативно-розыскной деятельности и ее методология. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. Е. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001.

3. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.

4. Козлов В. Ф. К вопросу о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 35—38.

5. Ищенко Е. П., Колдин В. Я., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4 (26). С. 39—50.

6. Алексеева А. П. Теоретические основы и организационно-тактические проблемы раскрытия и расследования преступлений в сфере спорта: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2018.

7. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: моногр. М., 2015.

8. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.

9. Исиченко А. П. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: фантом или реальность? // Российский следователь. 2015. № 13. С. 41—45.

10. Лукашов В. А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». Киев, 1976.

11. Новикова Ю. В. Методика построения криминологической характеристики преступности (преступлений) // Российский следователь. 2015. № 17. С. 37—40.

12. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

1. Marx K., Engels F. Compositions. Moscow; 1960; Vol. 16.

2. Lukashev V. A. The theory of operational search activity and its methodology. Operational search activity. Ed. E. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, A. Yu. Shumilova. Moscow; 2001.

3. Akhmedshin R. L. Forensic characterization of the personality of the criminal. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Tomsk; 2006.

4. Kozlov V. F. On the issue of the correlation of criminal law, criminological and forensic characteristics of a crime. Expert-criminalist. 2012; 2: 35—38.

5. Ischenko, E. P., Koldin, V. Ya., Krestovnikov, O. A. Typical information model or forensic characterization of a crime? Academic Law Journal. 2006; 26 (4): 39—50.

6. Alekseeva A. P. Theoretical foundations and organizational and tactical problems of disclosing and investigating crimes in the field of sport. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd; 2018.

7. Zakhartsev S. I., Ignaschenkov Yu. Yu., Salnikov V. P. Operational-search activity in the XXI century. Monograph. Moscow; 2015.

8. Belkin R. S. Forensic science: the problems of today. Moscow; 2001.

9. Isichenko A. P. Operational-search characteristic of crimes: phantom or reality? Russian investigator. 2015; 13: 41—45.

10. Lukashov V. A. Introduction to the course "Operational-search activity of the internal affairs bodies". Kiev; 1976.

11. Novikova Yu. V. Methodology for constructing the criminological characteristics of crime (crimes). Russian investigator. 2015; 17: 37—40.

12. Grebelsky D. V. On the state of forensic and operational-search characteristics of crimes. In: Forensic characteristics of crimes. Moscow; 1984.

13. Алиев А. Н. Понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере медицинского страхования // Российский следователь. 2011. № 23. С. 37—40.

14. Казаков Е. Н. Организация и деятельность оперативных аппаратов органов внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств среди несовершеннолетних (по материалам органов внутренних дел Нижнего Поволжья): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

15. Тарасова М. Ю. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершаемых иностранными гражданами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017.

16. Ожегов С. И, Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

17. Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / под ред. Г. К. Синилова. М., 2002.

18. Тактика / под ред. В. Г. Резниченко. М., 1984.

19. Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2012.

20. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. 2008. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Колдин В. Я. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 21—24.

22. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. СПб., 1909.

23. Доклад вице-президента РАН академика РАН, доктора юридических наук, профессора директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Т. Я. Хабриевой на конференции «Финансовая безопасность России: от концепции к новому правовому формату», проведенной в рамках Петербургского Международного юридического форума — 2016. URL: http://www.spblegalforum.ru/ru/2015_Video_Archiv (дата обращения: 30.04.2019).

24. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Прави-

13. Aliyev A. N. The concept and content of the operational-search characteristics of crimes committed in the field of health insurance. Russian investigator. 2011; 23: 37—40.

14. Kazakov E. N. Organization and activities of the operational apparatus of the internal affairs bodies in the fight against illicit drug trafficking among minors (based on materials of the internal affairs bodies of the Lower Volga region). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2002.

15. Tarasova M. Yu. Operational-search support for the disclosure of murders and the intentional infliction of grievous bodily harm committed by foreign citizens. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2017.

16. Ozhegov S. I, Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow; 1994.

17. Dubonosov E. S. Fundamentals of the operational-search activity: a course of lectures. Ed. G. K. Sinilov. Moscow; 2002.

18. Tactics. Ed. W. G. Reznichenko. Moscow; 1984.

19. Elinsky V. I. Fundamentals of the methodology of the theory of operational search activities. Moscow; 2012.

20. Larichev V. D. Operational-search characteristic of economic crimes: questions of theory and practice in modern conditions. Security of business. 2008; 2. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. Koldin V. Ya. Forensic science: yesterday, today, tomorrow. Russian justice. 2011; 3: 21—24.

22. Lebedev V. I. The art of solving crimes. St. Petersburg; 1909.

23. The report of the Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Laws, Professor at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, T. Ya. Khabiryev at the conference "Financial Security of Russia: From Concept to New Legal Format" held as part of the St. Petersburg International the legal forum — 2016. Available from: http://www.spblegalforum.ru/en/2015_Video_Archiv. Accessed: 30 April 2019.

24. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31 December 2015. "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

25. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1662-p of 17 November 2008. "On the Concept of the long-term socio-economic

тельства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Райков В. Л. Выявление и раскрытие преступлений аппаратами по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000;

27. Борисов О. С. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с легализацией преступных доходов в банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

28. Олимпиев А. Ю. Ответственность за преступления в кредитно-банковской сфере в России: дореволюционный период. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 93—101.

29. О кредитных историях: федер. закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Катков С. В., Белокобыльская О. И.,
Горных С. А., 2019

Катков Сергей Владимирович,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: sv.katkov @yandex.ru

Белокобыльская Ольга Ивановна,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: belokob-olga @yandex.ru

Горных Сергей Александрович,
заместитель начальника 4-го отдела
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
Главного управления МВД России
по Самарской области;
e-mail: gornyx-S.A. @yandex.ru

development of the Russian Federation for the period up to 2020". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

26. Raikov V. L. Detection and disclosure of crimes by the apparatus for combating economic crimes in the credit and financial system. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2000;

27. Borisov O. S., Operational-search activity of the internal affairs bodies in combating money laundering in the banking sector. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018.

28. Oлимпиев A. Yu. Responsibility for crimes in the credit and banking sector in Russia: the pre-revolutionary period. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013; 1: 93—101.

29. Federal Law No. 218-FZ of 30 December 2004. "About credit histories". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Katkov S. V., Belokobylskaya O. I.,
Gornyx S. A., 2019

Katkov Sergey Vladimirovich,
associate professor
at the department of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: sv.katkov@yandex.ru

Belokobylskaya Olga Ivanovna,
associate professor
at the department of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: belokob-olga@yandex.ru

Gornyx Sergey Alexandrovich,
deputy head of the 4th division
economic security administration
and anti-corruption
general directorate of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Samara region;
e-mail: gornyx-S.A. @yandex.ru

* * *

УДК 343.131.5
ББК 67.410.20

DOI 10.25724/VAMVD.HWXY

Я. А. Климова

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются нормы, регламентирующие право на защиту и участие защитника в уголовном деле, гарантируемые ст. 48 Конституции Российской Федерации и закрепленные в ст. 49—51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор, проанализировав уголовно-процессуальное законодательство, правоприменительную и судебную практику, выявляет существующие лакуны и коллизии, которые создают препятствия для осуществления лицами, вовлеченными в уголовный процесс, своего права на защиту. В частности, рассматриваются проблемы реального участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела и невозможность реализации им правозащитных полномочий. Научная новизна состоит в том, что в представленной работе с учетом предложений, вносимых законопроектом № 434710-7 «О внесении изменений в статью 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о лицах, которые могут быть допущены в качестве защитников подозреваемых, обвиняемых в досудебном производстве)», и анализа судебной практики исследованы проблемные аспекты нормативной регламентации и реализации права на защиту. Делается вывод о целесообразности более четкой законодательной регламентации участия защитника в досудебном производстве.

Ключевые слова: право на защиту, защитник, адвокат, реализация и обеспечение права на защиту, полномочия защитника, досудебное производство, правозащитная функция, подозреваемый, обвиняемый, стадия возбуждения уголовного дела, обязательное участие защитника.

Ya. A. Klimova

THE PROBLEM OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO PROTECTION IN PRE-TRIAL PROCEEDING

The article discusses the rules governing the right to defense and the participation of defense counsel in a criminal case, guaranteed by Art. 48 of the Constitution of the Russian Federation and enshrined in Art. 49—51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author, after analyzing the criminal procedure legislation, law enforcement and judicial practice, identifies the existing lacunae and collisions, which create obstacles to the exercise of the right to defense by the persons involved in the criminal process. In particular, the problems of the real participation of a defender at the stage of initiating a criminal case and the impossibility of his exercising human rights powers are considered. The scientific novelty lies in the fact that in the present work, taking into account the proposals made by draft law No. 434710-7 "On Amendments to Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)", and analysis of judicial practice investigated the problematic aspects of the regulatory framework and the implementation of the right to protection. The conclusion is made about the expediency of a more precise legislative regulation of the participation of the defense attorney in pre-trial proceedings.

Key words: right to defense, defender, lawyer, realization and ensuring the right to defense, powers of defense counsel, pre-trial proceedings, human rights function, suspect, accused, stage of a criminal case, mandatory participation of a defense counsel.

Вопросы реализации права на защиту личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, являются традиционным предметом рассмотрения теории отечественного уголовного про-

цесса. Дискуссия берет свое начало с 1864 г., когда Уставом уголовного судопроизводства впервые законодательно было закреплено судебное состязание и принцип равноправности сто-

рон^{*}, и не теряет своей актуальности до настоящего времени.

Конституция Российской Федерации декларирует важнейшие правовые ценности. Так, ст. 45 гарантирует государственную защиту прав и свобод человека, подчеркивая, что каждый вправе защищать их всеми законными способами. В части 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Особого внимания заслуживает положение ч. 2 указанной статьи, в соответствии с которым каждый задержанный, заключенный под стражу и обвиняемый вправе воспользоваться помощью защитника-адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [1]. Таким образом, можно прийти к выводу, что под лицами, обладающими правом на защиту, Основной закон России понимает подозреваемого, заключаемого под стражу, обвиняемого, а моментом возникновения этого права устанавливает задержание, заключение под стражу и предъявление обвинения. Думается, что данное положение подлежит расширительному толкованию правоприменителями.

Следует отметить, что, несмотря на прямое закрепление в Конституции Российской Федерации права каждого на защиту, в результате преломления через призму уголовно-процессуального законодательства оно нашло искаженное отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

В конкретизирующем законодательстве обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, в том числе с помощью адвоката-защитника, закреплено в качестве одного из ключевых принципов уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ). Более детальная регламентация участия защитника дается в ст. 49 УПК РФ. Здесь мы можем наблюдать парадокс: законодатель, стремясь устранить пробелы в законодательной регламентации, вносит дополнения в текст статьи и тем самым порождает новые пробелы и коллизии юридико-технического характера. Так, п. 6 ч. 3 рассматриваемой статьи гласит, что **защитник участвует в уголовном деле** с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого *проводится проверка сообщения о преступлении* в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. При этом, как справедливо отмечает К. А. Наумов, данный «фантомный субъект» упоминается в УПК РФ лишь единожды [2, с. 101]. Кроме того, ч. 1 названной статьи содержит следующую дефиницию:

защитник — лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов **подозреваемых и обвиняемых** и оказывающее им юридическую помощь **при производстве по уголовному делу**.

В последние годы Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации сформулирована правовая позиция, допускающая осуществление уголовного преследования до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако, несмотря на конституционную гарантированность права на защиту адвокатом, в законодательстве отсутствует четкая процедура его вступления по назначению в качестве защитника до возбуждения уголовного дела как в процессе доследственной проверки сообщения о преступлении, в случае явки с повинной, при фактическом задержании лица, так и в ситуации «перерастания» административного правонарушения в преступление в зависимости от наступивших общественно-опасных последствий либо в силу административной преюдиции.

Отдельно хотелось бы рассмотреть правовую норму ч. 2 ст. 49 УПК РФ, устанавливающую общее правило, согласно которому в качестве защитников участвуют адвокаты. Вместе с тем наряду с ними закон допускает к участию одного из близких родственников **обвиняемого** или иное лицо, о допуске которого ходатайствует **обвиняемый**. Законодатель здесь «теряет» подозреваемого: при буквальном толковании получается, что данная норма на этого участника не распространяется. Пытаясь исправить допущенную ошибку, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации внесли на рассмотрение законопроект № 434710-7 «О внесении изменений в статью 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о лицах, которые могут быть допущены в качестве защитников подозреваемых, обвиняемых в досудебном производстве)» [3]. В пояснительной записке к законопроекту его разработчики справедливо отмечают, что ненаделение рассматриваемым правом подозреваемого влечет нарушение положений ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, несмотря на заявление разработчиков законопроекта о том, что ими рассматривается не сам статус, а именно права человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, кроме традиционных «подозреваемого» и «обвиняемого» в тексте законопроекта никто больше не указан. В связи

с этим все большую актуальность приобретает проблема определения правового статуса и обеспечения участия защитника (адвоката) лиц, еще не имеющих процессуального статуса, но права и законные интересы которых уже затрагиваются проводимыми действиями. Как таким лицам реализовывать свое право пользоваться услугами защитника-адвоката бесплатно?

Следует привести сформулированное в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации «Правило Маслова» [4]. В нем говорится о том, что в конституционном смысле необходимость предоставления помощи адвоката (защитника) обуславливается фактическим положением лица и никак не связана с формальным наделением его статусом подозреваемого, обвиняемого, т. е. с вынесением компетентными лицами соответствующих процессуальных решений, поэтому уголовно-процессуальное законодательство не может ограничивать его реализацию. Кроме того, согласно решению Верховного Суда Российской Федерации правом на защиту обладают лица, в отношении которых осуществляются затрагивающие их права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; лица, права и свободы которых существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против них обвинительной деятельности независимо от формального процессуального статуса таких лиц. Здесь считаем целесообразным подробнее рассмотреть дискуссионный вопрос о соотношении понятий «право на квалифицированную юридическую помощь», «право на защиту», «право пользоваться услугами защитника (адвоката)».

В настоящей статье мы будем использовать понятие «право на защиту» в традиционном для уголовного судопроизводства толковании как право на защиту подозреваемого и обвиняемого (в конституционно-правовом смысле, а не в контексте процессуального статуса), не рассматривая указанное право иных участников уголовного процесса.

По мнению Б. М. Бургера, право на квалифицированную юридическую помощь реализуется в уголовном процессе в случае привлечения к участию специального субъекта, в качестве которого будет выступать адвокат, уполномоченный оказывать юридическую помощь и обеспечивать защиту прав и законных интересов участвующих в деле лиц. Защиту прав подозреваемого, обвиняемого

он рассматривает как основную форму квалифицированной юридической помощи [5, с. 6—9].

Схожую точку зрения имеет В. В. Конин, понимающий под правом на защиту субъективное право физического лица, гарантируемое нормами международного и внутреннего законодательства, зависящее как от его личного усмотрения, так и осуществляемое помимо воли лица и являющееся составной частью права на квалифицированную юридическую помощь [6, с. 36].

К интересному выводу приходит М. П. Потанина, включающая в качестве субинститута права (задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого) на помощь адвоката институт права на квалифицированную юридическую помощь [7, с. 112]. В свою очередь, В. Л. Кудрявцев констатирует, что реализация права подозреваемого и обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи обусловлена именно помощью защитника-адвоката [8, с. 19—20]. Противоположное мнение высказывает А. А. Баев, согласно которому нельзя отождествлять понятие квалифицированной юридической помощи и защиту прав и законных интересов граждан адвокатами, поскольку это сужает содержание рассматриваемого понятия [9, с. 62—63].

По мнению Л. Ю. Грудцыной, право на защиту реализуется в случае осуществления уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого [10, с. 78]. Данное мнение разделяет С. Н. Амельков, поясняющий, что оказание квалифицированной помощи не ограничивается исключительно правом на защиту [11, с. 29].

Рассматривая соотношение дефиниций «право на защиту» и «право пользоваться услугами защитника», О. В. Николенко подчеркивает, что под первым следует понимать не только непосредственное участие защитника в уголовном процессе, но и конкретные права подозреваемого, обвиняемого, связанные с реализацией своего права на защиту [12, с. 17].

В результате анализа существующих точек зрения мы видим, что одни авторы соотносят право на квалифицированную юридическую помощь и право на защиту как целое и часть. Другие и вовсе отождествляют эти понятия, не выделяя право пользоваться услугами защитника в самостоятельный комплекс правомочий. На наш взгляд, эти позиции не совсем верны, поскольку объем и содержание понятий не сопоставимы: первое право включает в себя помимо защиты правовое консультирование, составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера и должно реализовываться только надлежа-

щим субъектом (профессиональным юристом). Право на защиту же подразумевает не только участие защитника (адвоката), но и самостоятельную защиту, защиту с помощью законного представителя, осуществление защиты наряду с адвокатом

одним из близких родственников или иным лицом, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Полагаем, что более четко соотношение исследуемых понятий можно отразить с помощью кругов Л. Эйлера (рис. 1):

Рис. 1. Соотношение понятий «право на квалифицированную юридическую помощь», «право на защиту», «право пользоваться услугами защитника»

Полагаем, что исследуемые понятия представляют собой два сложных самостоятельных правовых института. При этом институт права на квалифицированную юридическую помощь является общеправовым институтом, а институт права на защиту — межотраслевым, распространяющим свое нормативное воздействие как на уголовное судопроизводство, так и на производство по делам об административных правонарушениях (с учетом положений ст. 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)).

Современные правовые институты не существуют в «чистом» виде и не располагаются обособлено друг от друга. В нашем случае точка их соприкосновения, сообщения друг с другом — конституционное право пользоваться услугами защитника (адвоката), которое одновременно является частью обоих институтов, поэтому при законодательной регламентации и толковании правоприменителями содержания права пользоваться услугами защитника должна учитываться нормативная база, регламентирующая оба института. Таким образом, можно прийти к выводу, что право на получение квалифицированной юридической помощи, право на защиту и право пользоваться услугами защитника взаимно переплетаются в ткани уголовного

процесса, дополняя и обогащая друг друга, именно в этом контексте могут способствовать эффективной реализации и обеспечению защиты прав человека и гражданина.

Рассмотрим подробнее содержание права пользоваться услугами защитника. Для этого в первую очередь необходимо определить круг лиц, имеющих право пользоваться услугами адвоката. Считаем правильным присоединиться к мнению профессора Е. А. Зайцевой, которая вводит понятие обобщенного уголовно-процессуального статуса «участника проверки сообщения о преступлении» вместо различных терминов для обозначения лиц, вовлеченных в проверочную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Данному статусу, с точки зрения профессора Е.А. Зайцевой, должен соответствовать базовый объем прав, в число которых входит право пользоваться услугами адвоката [13, с. 51]; [14, с. 58]; [15]. В связи с этим согласимся с мнением С. Б. Россинского, полагающего, что правовым нормам, регулирующим право на защитника, уже давно тесно в УПК РФ, поскольку, регламентируя различные по своей направленности правоотношения (уголовно-процессуальные, административно-правовые, оперативно-разыскные и т. д.), они стремятся стать межотраслевыми

нормами [16, с. 16], что, по сути, логично — в этом проявляется свое всеобъемлющее действие ст. 48 Конституции Российской Федерации.

Не менее важно определение самого момента возникновения права на пользование услугами адвоката. Несмотря на различные мнения по данному вопросу, считаем правильной точку зрения П. С. Элькин, согласно которой право на защиту возникает с момента начала действия принципа презумпции невиновности [17, с. 23]. Развивая эту мысль, полагаем, что моментом возникновения рассматриваемого права у лица является начало изобличительной деятельности в отношении него. Отсюда целесообразно расширить и конкретизировать перечень ситуаций (с учетом их особой значимости), когда адвокат участвует в качестве защитника, по сравнению с уже указанными в ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Считаем, что участие адвоката в качестве защитника необходимо с момента:

- 1) возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях:
 - а) предусмотренных с. 91 и 92 УПК РФ;
 - б) применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 3) вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ;
- 4) объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- 5) начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы участника проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном с. 144 УПК РФ;
- 6) вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- 7) начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;
- 8) обращения с явкой с повинной;
- 9) начала осуществления иных мер, предпринимаемых в отношении лица в целях его изобличения или свидетельствующих о наличии подозрений против него.

Так, большинство пунктов из приведенного перечня указывают на конкретный документ, с которого четко определяется момент участия защитника. В то же время пп. 5, 7 и 9 в силу специфики формулировки носят обобщенный характер, явля-

ются «открытыми» и не позволяют сделать список исчерпывающим. Тем не менее законодательное закрепление этих случаев участия защитника необходимо для формирования единообразной правоприменительной практики, обеспечения прав и законных интересов лиц, нуждающихся в помощи защитника в связи с началом осуществления в отношении них действий изобличающего характера.

Целесообразно на законодательном уровне закрепить уже существующую во многих регионах правоприменительную практику, согласно которой как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в рамках административных процедур, когда осуществляются действия, которые в дальнейшем могут перерасти в уголовно-процессуальную деятельность, лицу в письменном виде разъясняются его базовые права, в том числе право пользоваться услугами адвоката бесплатно. Оформляется это протоколом разъяснения прав. Отсюда считаем правильным высказанное И. Б. Михайловской мнение о том, что отсутствие помощи юриста в ситуациях, когда человек испытывает в ней острую потребность, очевидно, не будет способствовать повышению уровня правосознания граждан, успешному построению правового государства, укреплению уважения к закону [18, с. 47]. Одним из примеров такой ситуации может служить обращение лица с явкой с повинной. Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о необходимости разъяснения и реализации права лица, обратившегося с явкой с повинной, не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката [19]. Рассмотрим пример из судебной практики, когда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за нарушение права на защиту при получении заявлений о явке с повинной исключила их из числа доказательств. Так, Г. и М. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако при оформлении заявлений о явке с повинной Г. и М. права им не были разъяснены, сами явки были даны в отсутствие защитника и в последующем их содержание Г. и М. не подтверждено. Тем самым были нарушены требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, что повлекло признание данных явок недопустимыми доказательствами [20].

Для исключения подобных ситуаций на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 23 января 2019 г. был представлен законопроект № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о со-

вершенствовании порядка добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении)», в котором предлагается внести изменения в УПК РФ в части оформления и представления заявления о явке с повинной или оформления соответствующего протокола только в присутствии защитника.

На обязательное участие адвоката при проведении опроса указывает позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой запрещается признание в качестве допустимых доказательств свидетельских показаний оперативных работников о сведениях, ставших им известными при опросе лица, привлекаемого к уголовной ответственности, если этот опрос проведен в отсутствие адвоката [21].

Несмотря на то что проблема участия «бесплатного» защитника до возбуждения уголовного дела уже давно обсуждается среди процессуалистов, законодатель кардинально ее не решает. В связи с этим пробелы и коллизии правового регулирования вынуждена восполнять правоприменительная практика. С одной стороны, рассмотренные решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика позволяют сделать однозначный вывод: лицо имеет право на помощь адвоката (защитника) с любого момента, когда в отношении него совершаются действия по выявлению изобличающих фактов и обстоятельств, в том числе до возбуждения уголовного дела. Такое положение полностью соответствует нормам международного права. Однако на практике возникают следующие проблемы. Существует огромный спектр действий сотрудников органов внутренних дел, которые так или иначе ограничивают конституционные права лиц и предполагают реализацию права на защитника в уголовном судопроизводстве. Речь идет о ситуациях, которые в дальнейшем заведомо перейдут и будут развиваться в уголовно-процессуальной плоскости, но на первоначальном этапе принудительные действия в отношении лица осуществляются в ином правовом режиме (административно-правовом, оперативно-разыском). Так, в соответствии с п. 13 ст. 13 и ст. 14 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции уполномочены осуществлять фактическое задержание и доставление в служебное помещение граждан, подозреваемых в совершении преступления (как правило, это сотрудники подразделений патрульно-постовой службы полиции, ГИБДД МВД России, участковые уполномоченные полиции); в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий сотрудники опера-

тивных подразделений также уполномочены осуществлять задержание подозреваемого; проведение в порядке ст. 27.7 КоАП РФ личного досмотра в качестве административно-процессуального средства, по результатам которого в дальнейшем возбуждается уголовное дело (как правило, такая «подмена» следственных действий применяется в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и огнестрельного оружия); получение признательных объяснений, оформление явок с повинной, привлечение к участию в проведении следственных действий, которые закон разрешает проводить до возбуждения уголовного дела и т. д. Именно на этом этапе лицу должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику), чтобы обеспечить условия:

а) позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, выдвигаемых в отношении него подозрениях и, следовательно, эффективно защищаться от них;

б) гарантирующие в дальнейшем защиту от признания недопустимыми полученных на этом этапе доказательств.

На практике же на рассматриваемом этапе чаще всего допускаются нарушения прав лиц, подозреваемых в совершении преступления, ведущие к признанию доказательств недопустимыми. Кроме того, нарушение права на защиту является безусловным основанием для возвращения прокурором уголовного дела для дополнительного расследования. О неблагополучии в этой сфере свидетельствует статистика, согласно которой по итогам 2018 г. Россия является лидером по числу жалоб и нарушений: Европейским Судом по правам человека принято к производству 12 100 жалоб, что значительно превосходит показатель 2017 г. (7 900). При этом суд признал нарушение Россией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 238 раз [22]. Здесь возникает главный вопрос: кем и каким образом должно обеспечиваться участие защитника (адвоката) на этапе, предшествующем возбуждению уголовного дела?

Правоприменительная практика складывается неоднозначно, поскольку вопросом обеспечения участия защитника по назначению путем направления требований адвокатам традиционно занимаются должностные лица органов предварительного расследования, и до этого момента сотрудники других подразделений органов внутренних дел самостоятельно не предпринимают никаких действий, так как право на защитника они разъяс-

нять обязаны, а вот законодательно закрепленный механизм фактической реализации этого права отсутствует. Особенно четко это прослеживается при задержании лица по подозрению в совершении преступления, когда момент фактического задержания оказывается «оторван» по времени от задержания в уголовно-процессуальном смысле. Вместе с тем во многих случаях лицо фактически лишается свободы передвижения на длительный срок без оформления соответствующих процессуальных документов. Очевидно, что именно на этом этапе происходит максимальное количество нарушений прав задержанного.

Многие процессуалисты категорично высказываются по вопросу оказания квалифицированной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела. По мнению Е. Б. Мизулиной, данное право следует трактовать как возможность вступления в дело адвоката по соглашению, а вовсе не как обязанность должностных лиц незамедлительно искать защитника после фактического задержания подозреваемого [23, с. 14—15]. Ее точку зрения поддерживает Б. Б. Булатов, считающий, что ситуацию можно довести до абсурда: обязать наружные службы осуществлять охрану общественного порядка вместе с адвокатами, а сотрудников оперативных подразделений — осуществлять задержание в присутствии адвоката [24, с. 72]. Аналогичного мнения придерживается Ю. Г. Овчинников [25, с. 46—47]. Позволим не согласиться с этим, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что цель рациональной организации деятельности органов власти не может являться основанием ограничения конституционных прав и свобод [26]. Полагаем, что законодатель помимо декларирования самого права обязан закрепить четкий порядок и условия его реализации, а не только момент его возникновения. Однако действующий УПК РФ в данном вопросе демонстрирует несовершенство законодательной регламентации. Так, в ч. 4 ст. 49 четко указано, что адвокат вступает **в уголовное дело** в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. В свою очередь, ордер, который выдает соответствующее адвокатское образование (коллегия адвокатов, адвокатский кабинет и т. д.), подтверждает право адвоката на участие в уголовном деле (ч. 2 ст. 6 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Следует обратить особое внимание на то, что в отличие от адвоката «по соглашению» адвокат «по назначению», услуги которого бесплатны для лица, может получить ордер **только по возбужденному уголовному делу**. В соот-

ветствии со ст. 131 УПК РФ и нормативными актами, регламентирующими порядок расчета и возмещения процессуальных издержек, услуги адвоката-защитника по назначению оплачиваются исключительно при его участии в процессуальных действиях по уголовному делу, значит, осуществлять защиту на стадии возбуждения уголовного дела он не обязан, поскольку это не оплачивается за счет средств федерального бюджета согласно действующему законодательству.

Показательной является ситуация, возникшая 22—23 апреля 2019 г. в Истринском судебном районе Московской области, когда следователи и дознаватели направляли требования на защиту адвокатам, которые данные требования игнорировали. Первый вице-президент Адвокатской палаты Московской области Михаил Толчеев пояснил, что конфликт возник из-за неоплаченных долгов по вознаграждению, а адвокаты не должны бесплатно работать, поскольку в соответствующей резолюции Конференции Адвокатской палаты Московской области прямо закреплено право адвоката отказаться от приема поручений на защиту [27]. Видимо, когда возникает вопрос оплаты услуг, заканчивается действие права на бесплатного защитника. Однако, как подчеркивает В. А. Лазарева, конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи должно рассматриваться в качестве неотъемлемого условия достижения самого назначения уголовного судопроизводства [28, с. 184], поэтому сотрудникам органов внутренних дел приходится искать различные варианты, позволяющие (хотя бы на бумаге) не нарушать права на защитника: оплачивать услуги из своего кармана, чтобы обеспечить участие адвоката по соглашению, либо брать заявления, что право разъяснено, но лицо добровольно отказывается от услуг защитника, и это не связано с его материальным положением.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на законодательном уровне должна быть предусмотрена реальная возможность участия защитника по назначению в случае ограничения конституционных прав граждан до возбуждения уголовного дела в целях обеспечения условий для эффективной реализации и защиты прав и свобод граждан. Решение проблемы видится нам в расширении перечня оснований выдачи ордера адвокатам по назначению: для участия в качестве защитника не только по уголовному делу, но и по материалу проверки, делу об административном правонарушении. Полагаем, это будет способствовать эффективности обеспечения законности в сфере уголовного судопроизводства.

Примечание

Статья 630 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Наумов К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // Вестник ОмЮА. 2016. № 4 (33). С. 101—106.

3. О внесении изменений в статью 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о лицах, которые могут быть допущены в качестве защитников подозреваемых, обвиняемых в досудебном производстве): законопроект № 434710-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434710-7> (дата обращения: 20.04.2019).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11 по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Бургер Б. М. Процессуальные формы участия адвоката в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 191 с.

6. Конин В. В. Право на защиту: некоторые теоретические вопросы // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 34—36.

7. Потанина М. В. Адвокатура как гарант реализации конституционного права человека и гражданина на юридическую помощь в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. 244 с.

8. Кудрявцев В. Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвокатов (защитников) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 55 с.

9. Баев А. А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 3—2. С. 62—68.

10. Грудцына Л. Ю. Адвокатское право: учеб.-практ. пособие. М.: Деловой двор, 2009. 320 с.

1. The Constitution of the Russian Federation (as amended by the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 11-FKZ of 21 July 2014). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Naumov K. A. On the right to defend a person against whom a pre-investigation check is being conducted. Bulletin of Omsk law academy. 2016; 33 (4): 101—106.

3. Bill No. 434710-7. "On Amendments to Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on persons who may be admitted as defenders of suspects accused of pre-trial proceedings)". Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434710-7>. Accessed: 20 April 2019.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11 of 27 June 2000. "On the case on verification of the constitutionality of the provisions of the first part of Article 47 and the second part of Article 51 of the RSFSR Criminal Procedure Code in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Burger B. M. Procedural forms of participation of a lawyer in pre-trial criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2010: 191 p.

6. Konin V. V. The right to protection: some theoretical issues. Russian justice. 2013; 4: 34—36.

7. Potanina M. V. Advocacy as the guarantor of the realization of the constitutional right of a person and citizen to legal assistance in the Russian Federation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2009: 244 p.

8. Kudryavtsev V. L. Realization of the constitutional and legal institution of qualified legal assistance in the activities of lawyers (defenders) in the Russian criminal proceedings: theoretical foundations and problems of support: Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow, 2009: 55 p.

9. Baev A. A. The concept and essence of qualified legal assistance in criminal proceedings. News of TSU. Economic and legal sciences. 2013; 3—4: 62—68.

10. Grudtsyna L. Yu. Law. Moscow: Business Court; 2009: 320 p.

11. Амельков Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю и свидетелю в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 172 с.

12. Николенко О. В. Нарушено ли право на защиту? // Российский судья. 2004. № 7. С. 16—18.

13. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 50—53.

14. Зайцева Е. А., Ширяева Т. И. Осуществление проверочных мероприятий с участием женщин — жертв насильственных преступлений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 56—63.

15. Зайцева Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 8—18.

16. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: моногр. М.: Проспект, 2019. 189 с.

17. Элькинд П. С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе (общие вопросы) // Вопросы защиты по уголовным делам. Л., 1967. С. 7—44.

18. Михайловская И. Б. Потребность в юридической помощи как индикатор социальных процессов в посттоталитарной России // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1995. № 4 (1996. № 1). С. 47—53.

19. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 22 июня 2017 г. № 127-АПУ17-6 // Бюллетень Верховного Суда российской Федерации. 2018. № 6. С. 9—10.

21. Определение КС РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 20.04.2019).

22. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2018 год. URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 12.04.2019).

23. Мизулина Е. Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Рос-

11. Amelkov N. S. Providing qualified legal assistance to the applicant and the witness in criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2014: 172 p.

12. Nikolenko O. V. Is the right to defense violated? Russian judge. 2004; 7: 16—18.

13. Zaitseva E. A. The criminal procedure status of participants in verifying a crime report and their legal activity. Science Vector of Togliatti State University. Series: Jurisprudence. 2014; 17 (2): 50—53.

14. Zaitseva E. A., Shiryayeva T. I. And Implementation of verification activities with the participation of women — victims of violent crimes // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2016; 31 (2): 56—63.

15. Zaitseva E. A. Controversial aspects of the identification of the procedural status of a teacher and a psychologist in criminal proceedings. Forensic examination. 2019; 57 (1): 8—18

16. Rossinsky S. B. Detention of a suspect: constitutional and inter-sectoral approach. Monograph. Moscow: Prospect; 2019: 189 p.

17. Elkind P. S. The right of the accused to protection in the Soviet criminal process (general issues). In: Protection issues in criminal cases. Leningrad; 1967: 7—44.

18. Mikhailovskaya I. B. The need for legal assistance as an indicator of social processes in post-totalitarian Russia. Constitutional law: Eastern European Review. 1995; 4 (1996; 1): 47—53.

19. On the court sentence: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of 29 November 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

20. Determination of the judicial division in criminal matters of the Supreme Court of the Russian Federation No. 127-APU17-6 of 22 June 2017. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018; 6: 9—10.

21. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 473-O of 20 December 2005 on the refusal to accept the complaint of citizen A. Korchagin for violation of his constitutional rights by the provisions of the Federal Law "On Operational-Search Activity". Available from: <https://pravo.ru/story/209019/>. Accessed: 20 April 2019.

22. The Supreme Court summarized the work of the courts in 2018. Available from: <https://pravo.ru/story/209019/>. Accessed: 12 April 2019.

23. Mizulina E. B. The new order of arrest and detention complies with the Constitution of the Russian Federation and international legal

сийская юстиция. 2002. № 6. С. 14—15.

24. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: моногр. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

25. Овчинников Ю. Г. К вопросу обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 45—51.

26. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. №17-П, от 18 февраля 2000 г. № 3-П, от 26 декабря 2005 г. № 14-П, от 16 июля 2008 г. № 9-П, от 20 июля 2012 г. № 20-П, от 16 апреля 2015 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Опасная нерасторопность чревата ответными акциями. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/opasnaya-nerastoropnost-chrevata-otvetnymi-aktsiyami/> (дата обращения: 29.04.2019).

28. Лазарева В. А. Некоторые вопросы реализации участниками уголовного судопроизводства конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 13 июля 2004 г.) Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. С. 183—184.

© Климова Я. А., 2019

Климова Яна Александровна,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: musisss@rambler.ru

standards. Russian Justice. 2002; 6: 14—15.

24. Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings. Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2003: 320 p.

25. Ovchinnikov Yu. G. On the issue of ensuring the constitutional right of a suspect to the participation of defense counsel at the time of detention. Lawyer practice. 2014; 1: 45—51.

26. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of 20 December 1995, No. 3-P of 18 February 2000, No. 14-P of 26 December 2005, No. 9-P of 16 July 2008, No. 20-P of 20 July 2012, No. 8-P. of 16 April 2015. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

27. Dangerous sluggishness is fraught with retaliatory actions. Available from: <https://fparf.ru/news/fpa/opasnaya-nerastoropnost-chrevata-otvetnymi-aktsiyami>. Accessed: 29 April 2019.

28. Lazareva V. A. Some issues of implementation by participants in criminal proceedings of the constitutional right to receive qualified legal assistance. In: Federal Law on the Bar: Practice of Application and Problems of Improvement: proceedings of the International scientific-practical conference. 13 July 2004. Ekaterinburg, Russia. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2004: 183—184.

© Klimova Ya. A., 2019

Klimova Yana Aleksandrovna,
senior lecturer at the administrative
activities and public order
maintenance department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
candidate of juridical sciences;
e-mail: musisss@rambler.ru

* * *

В. С. Козаренко

**О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЕГО РОЛИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

В статье исследуется возникновение понятия «оперативно-разыскное обеспечение» и представления о нем в современных реалиях, изучаются научные подходы к трактованию определения оперативно-разыскного обеспечения. Анализируется статистика преступных деяний, совершенных против сотрудников органов внутренних дел, находящихся при исполнении, в связи с чем актуализируется ролевая функция оперативно-разыскного обеспечения по реализации их государственной защиты. Автор исследует институт оперативно-разыскного обеспечения как правомочный решать вопросы обнаружения лиц и фактов, имеющих оперативный интерес для правоохранительных органов, осуществления оперативно-профилактических мероприятий, оперативно-разыскной проверки первичных данных о событии преступления, оперативной разработки подозреваемых лиц. Вместе с тем в статье выделяются такие виды оперативно-разыскного обеспечения, как экономическое, кадровое, научно-методическое, морально-психологическое. Они охватывают весь процесс оперативно-разыскной деятельности, реализуются на самых разнообразных уровнях: начиная от организационного, заканчивая оперативно-тактическим. В заключение автором предпринята попытка конструирования дефиниций понятий роли оперативно-разыскного обеспечения применительно к государственной защите сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: оперативно-разыскное обеспечение, государственная защита, сотрудники органов внутренних дел, теория оперативно-разыскной деятельности, меры безопасности, законодательство, преступность, оперативные подразделения.

V. S. Kozarenko

**ON THE NOTION OF OPERATIVE SEARCH SUPPORT
AND ITS ROLE IN PROVIDING STATE PROTECTION FOR INTERIOR EMPLOYEES**

The article analyses the occurrence of notion "operative search support" and scientific perception of modern realities, reviews scientific approaches to interpretation of operative search support. It analyses the statistics of crimes against Interior employees, while on duty, emphasizing the role function of operative search support in implementing state protection of Interior employees. The author investigates the institute of operational-search support as competent to solve the issues of detecting persons and facts of operational interest for law enforcement agencies, the implementation of operational and preventive measures, operational-investigative verification of primary data on a crime event, the operational development of suspected persons. At the same time, the article identifies such types of operational and investigative support as economic, personnel, scientific and methodological, moral and psychological. They cover the entire process of operational and investigative activities, are implemented at a wide variety of levels: from organizational to operational tactical. In conclusion, the author attempted to construct definitions of the concepts of operational investigative support, operational investigative support in relation to the state protection of employees of the internal affairs bodies.

Key words: operational and investigative support, state protection, employees of internal affairs bodies, theory of operational and investigative activities, security measures, legislation, crime, operational units.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена дискуссионностью мнений и отсутствием единого понимания оперативно-разыскного обес-

печения в теории оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), а также необходимостью анализа роли оперативно-разыскного обеспечения

применительно к государственной защите сотрудников органов внутренних дел, вызванной, прежде всего, их ежедневной деятельностью по работе с криминально активной, агрессивной частью населения.

Впервые термин «оперативно-разыскное обеспечение» возник в теории ОРД в 1980-х гг. В то время под ним понималась специфическая деятельность, имеющая собственную, независимую научно-прикладную категорию [1, с. 130]. В многочисленных исследованиях (Э. И. Бордзиловский, А. И. Глушков, И. А. Климов, Г. К. Синилов, В. П. Хомколов и др.) оперативно-разыскное обеспечение трактовалось как отдельная оперативно-разыскная концепция. Его причисление к теории ОРД, как справедливо отмечает Е. С. Дубоносов, было вызвано эффективным применением достижений иных наук [2, с. 97]. Так, формируясь в криминалистическом аспекте, теория ОРД создала особый механизм познания, исследующий противоправные действия преступников и наиболее продуктивные, в большей степени негласные, силы, средства и методы, используемые оперативными подразделениями [2, с. 102].

Многие ученые, анализируя сущность оперативно-разыскного обеспечения в целом, в первую очередь обращались к научным трудам Б. Е. Богданова и В. П. Хомколова, укоренивших в теории и практике ОРД дефиницию «оперативно-разыскное обеспечение», в основном имеющую отношение к следствию и оперативному сопровождению уголовных дел. Названные авторы рассматривали оперативно-разыскное обеспечение применительно к уголовному судопроизводству.

В течение длительного периода в теории ОРД понятие оперативно-разыскного обеспечения трактовалось как завершающий этап оперативно-разыскного процесса, дающий возможность оперативно-разыскным мерам в ходе всего уголовного судопроизводства способствовать решению возникающих вопросов и уголовно-процессуальных задач [3, с. 254]. Кроме того, такой подход несет в себе более глубокий философский смысл перехода содержания в форму. Следует выделить, что именно его поддерживали большинство исследователей, работавших в сфере ОРД.

Необходимо отметить тот факт, что многие авторы не согласны с существовавшим мнением о том, что частный институт оперативно-разыскного обеспечения уголовного процесса распространяется и на иные области деятельности органов внутренних дел [4, с. 151]. По нашему мнению, этот институт правомочен содержать решение та-

ких вопросов, как обнаружение лиц и фактов, имеющих оперативный интерес для правоохранительных органов, осуществление оперативно-профилактических мероприятий, оперативно-разыскной проверки первичных данных о событии преступления, оперативной разработки подозреваемых лиц.

С момента возникновения теории ОРД в ее составе предусматривались три направления: познавательное, деятельное и обеспечивающее [1, с. 136]. Оперативно-разыскное обеспечение является отражением обеспечивающей функции ОРД. Если познавательное и деятельное направление имеет множество комплексных исследований, то оперативно-разыскное обеспечение не привлекает к себе такого научного внимания. Однако нужно выделить колоссальное количество трудов, раскрывающих его отдельные функции.

В ОРД с начального до заключительного этапа реализуется совокупность мер, не имеющих прямого отношения к числу оперативно-разыскных мероприятий, ориентированных на формирование обстоятельств в целях решения основных вопросов ОРД, регламентированных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности».

Среди разновидностей оперативно-разыскного обеспечения в научной литературе выделяются следующие:

- правовое;
- координационное;
- агентурно-разведывательное;
- информационно-аналитическое;
- материально-техническое [5, с. 100].

Кроме того, дифференцированы такие виды оперативно-разыскного обеспечения, как экономическое, кадровое, научно-методическое, морально-психологическое. Они охватывают весь процесс ОРД, реализуются на самых разнообразных уровнях: начиная от организационного заканчивая оперативно-тактическим — находятся в тесной взаимосвязи и постоянном взаимодействии, обособливаются и интегрируются друг с другом [3, с. 201]. Нужно обозначить и новые виды оперативно-разыскного обеспечения, образовавшиеся сравнительно недавно, например, радиоэлектронное.

Оперативно-разыскное обеспечение находится в непосредственной взаимосвязи с познавательными и деятельными оперативно-разыскными мерами. Считаем, что по причине отсутствия единого научного подхода к дефиниции оперативно-разыскного обеспечения в теории ОРД, а также с учетом появления его новейших видов, опреде-

ление оперативно-разыскного обеспечения нуждается в более актуальной формулировке.

По нашему мнению, оперативно-разыскное обеспечение — это законодательно обоснованная система мер, ориентированных на формирование условий для продуктивного решения регламентированных Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности» основных целей и задач ОРД.

Практическая деятельность сотрудников ОВД выступает в качестве одного из основных показателей степени признания государством незыблемости прав человека. Серьезность проблемы обеспечения защищенности сотрудников органов внутренних дел на современном этапе состоит в том, что их жизнь, здоровье и т. д. являются предметом преступного посягательства. Риск выступает ингерентным компонентом профессиональной деятельности сотрудника ОВД. В данной взаимосвязи осуществление особой деятельности по снижению этого риска до минимального предела крайне важно. Любая правовая система, в частности система правоохранительных органов, результативно функционирует только в том случае, когда способна себя защитить. При этом защита должна обладать таким воздействием, чтобы у преступников не возникало желания решать проблемы посредством насильственного воздействия на представителей власти [6, с. 27].

Государственная защита конституционно гарантирована, личность должна рассматриваться не только как объект, но и как активный субъект защиты. В 1998 г. было создано первое отделение государственной защиты с одновременным формированием в каждом территориальном подразделении собственной безопасности групп, отделений, отделов, в чьи обязанности входит осуществление защиты сотрудников органов внутренних дел в случае возникновения угроз, сопряженных с осуществлением ими должностных обязанностей [7, с. 195].

Сегодня преступность представляет собой чрезвычайно сложное явление, оказывающее существенное влияние на все сферы общественной жизни. В правоохранительной системе именно на органах внутренних дел лежит наибольшая нагрузка по противодействию ему. Вместе с тем деятельность сотрудников ОВД по борьбе с преступностью находится в прямой зависимости от количества преступлений, совершаемых в отношении представителей власти. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2016 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 13 660 преступлений, со-

вершенных против сотрудников органов внутренних дел, находящихся при исполнении. Вследствие преступных посягательств погибли 174 сотрудника, 265 причинен тяжкий вред здоровью. В 2017 г. на 22,3 % увеличилось количество защищаемых лиц (1 324 человека), в отношении которых осуществлялось 2 754 меры безопасности. По отношению к 2016 г. это число выросло на 32,7 %. Кроме того, в 2017 г. подразделениями государственной защиты в процессе оперативно-разыскных мероприятий при обеспечении мер безопасности выявлено 476 преступлений, сопряженных с угрозами защищаемым лицам, что на 13,2 % превышает показатели 2016 г. [8]. Приведенная статистика вызывает особую настороженность на фоне высокой латентности данной группы преступлений. Значительное увеличение количества защищаемых лиц и преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, свидетельствует в пользу необходимости совершенствования организационных и правовых основ оперативно-разыскного обеспечения государственной защиты сотрудников ОВД.

Избрание мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите, согласно федеральным законам «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и их реализация чаще всего не могут в полной мере обеспечить безопасность защищаемого лица, устранить угрозу его жизни, здоровью и имуществу, в первую очередь если речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Для недопущения совершения противоправных действий в отношении сотрудников ОВД и нейтрализации угрозы необходимо оперативно-разыскное обеспечение мер государственной защиты, т. е. осуществление ОРД, ориентированной на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступных деяний, а также на выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, что в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» выступает одной из задач ОРД в данном случае и в отношении защищаемых лиц.

Несмотря на то что действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрено обязательного оперативного сопровождения государственной защиты (решение вопроса целесообразности такого сопровождения возложено на должностных лиц подразделений государственной

защиты), оперативно-разыскное обеспечение необходимо практически во всех случаях. Это обусловлено, прежде всего, тем, что только путем осуществления ОРД с использованием всех ее форм, методов и тактики возможно выявить всех лиц, вынашивающих противоправные намерения в отношении защищаемого лица, их связи, а также пресечь и задокументировать их противоправные действия.

В соответствии с современными целями и задачами осуществления оперативно-служебной деятельности по направлению обеспечения государственной защиты проведение оперативно-разыскных мероприятий необходимо не только в отношении угрозоносителей, но и в отношении защищаемых лиц для выявления всех возможных угроз их жизни, здоровью и имуществу, в том числе со стороны лиц, которые изначально не были определены в качестве источников угроз. Таким образом, для достижения результата реализация этих мер должна быть сопряжена с проведением оперативно-разыскных мероприятий, поэтому подразделения государственной защиты системы МВД России являются оперативными подразделениями и субъектами ОРД.

За весь период оперативной деятельности подразделений по обеспечению государственной защиты сотрудников ОВД образовался ряд проблем, до сих пор остающийся без должного внимания ученых. Недостаток специализированных исследований, отсутствие научно аргументированных методологических и правовых рекомендаций не позволяют оперативным подразделениям в полном объеме использовать собственный оперативно-разыскной потенциал для должного обеспечения государственной защиты сотрудников ОВД.

В законодательстве, регулирующем обеспечение государственной защиты, также отсутствуют

нормативные правовые акты, предоставляющие неприкосновенность какой-либо категории защищаемых лиц и требующие особого порядка применения к ним мер безопасности, поэтому неприкосновенность сотрудников ОВД должна ограничиваться только событиями, сопряженными с их профессиональной деятельностью как должностных лиц, уполномоченных государством, а не как охраняемых лиц, требующих специальных процедур применения мер безопасности.

Государственная защита сотрудников органов внутренних дел — это специальный вид государственной защиты, под которым понимается государственная деятельность по установлению и реализации мер правового, экономического, организационного характера, направленных на формирование условий для продуктивного исполнения сотрудниками ОВД своих обязанностей, восстановления нарушенных прав или устранения угрозы их нарушения, обеспечения личной безопасности, сопряженной с прохождением службы и эффективного поддержания правовой защищенности сотрудников ОВД.

Таким образом, оперативно-разыскное обеспечение можно трактовать как систему аффилированных оперативно-разыскных мероприятий, ориентированных как на раскрытие и расследование преступлений, так и на предупреждение преступных посягательств на охраняемые законом права и интересы личности, социума и государства. На основе этого оперативно-разыскное обеспечение государственной защиты сотрудников ОВД — это проведение комплекса оперативно-разыскных мероприятий, направленных на обеспечение государственной защиты сотрудников органов внутренних дел в связи с наличием угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество сотрудников ОВД и их близких, сопряженной с их служебной деятельностью.

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. И. А. Климова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 431 с.

2. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 938 с.

3. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Инфра-М, РИОР, 2017. 819 с.

4. Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 150—154.

1. Operative research. Textbook. Ed. by I. A. Klimov. Moscow: UNITY-DANA; 2018: 431 p.

2. Dubonosov E. S. Operative research. Textbook and practical exercises for applied bachelor's program. Moscow; 2016: 938 p.

3. Bolshov I. V. Back to the question of establishing the notion of operative search support. Bulletin of Moscow University under Russia Interior Ministry. 2013; 5: 150—154.

4. Khalikov A. N. Operative research. Textbook. Moscow: Infra-M, RIOR; 2017: 819 p.

5. Сколотнев М. А. К вопросу о понятии механизма оперативно-розыскного обеспечения и его элементов // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 98—101.

6. Мазова Е. И. Ролевая функция оперативно-розыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Российский следователь. 2013. № 6. С. 25—29.

7. Овчинников О. М. Оперативно-розыскное обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Современные концепции развития науки: сб. статей междунар. науч.-практ. конф., 2017. С. 194—196.

8. Статистика ГИАЦ МВД. URL: <http://www.mvd.ru/mvd> (дата обращения: 26.08.2018).

5. Skolotnev M. A. Regarding the notion of operative search support mechanism and its elements. Black holes in the Russian legislation. 2013; 5: 98—101.

6. Mazova E. I. Role function of operative research in insuring protection of persons subject to state protection. Russian investigator. 2013; 6: 25—29.

7. Ovchinnikov O. M. Operative search support for state protection of participants in penal proceedings. In: Modern concepts of scientific development: collection of articles of the international scientific and practical conference, 2017: 194—196.

8. Statistics of Chief Information & analytical Centre of Russia Interior Ministry. Available from: <http://www.mvd.ru>. Accessed: 26 August 2018.

© Козаренко В. С., 2019

© Kozarenko V. S., 2019

Козаренко Владислав Сергеевич,
оперуполномоченный
по особо важным делам отдела № 6
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
ГУ МВД России по Волгоградской области;
e-mail: 4ernika87@mail.ru

Kozarenko Vladislav Sergeevich,
special operations officer of department No. 6
Department of Economic Security
and Anti-Corruption State Department
of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Volgograd Region;
e-mail: 4ernika87@mail.ru

* * *

В. Е. Ляпичев, З. Р. Рустамзода

**ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

В статье отмечается, что криминалистически значимые признаки субъекта преступления проявляются в его деятельности по подготовке и совершению противоправного деяния. Это возможно благодаря всеобщему свойству материи — ее способности к отражению в виде следов.

Авторы указывают, что информацию о преступлении, связанном с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, его признаках и свойствах несут различные по своей природе материальные следы, обнаруженные в процессе производства оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Особую группу образуют следы, несущие информацию о специальных умениях преступника, его профессиональных навыках, интеллектуально-образовательном уровне.

В статье отмечается, что в условиях дефицита информации о произошедшем преступлении в целях выработки версии о личности преступника большое значение имеют сведения, полученные непосредственно в процессе расследования конкретного преступления, и обобщенная информация о типичных социально-демографических личностных признаках преступников (пол, возраст, профессия, гражданство, национальность, род занятий и др.), ранее совершавших подобные преступления.

Ключевые слова: следы преступлений, личность преступника, деятельность, наркотические средства, криминалистическая информация.

V. E. Lyapichev, Z. R. Rustamzoda

**ON IDENTIFYING THE SUBJECT OF A CRIME RELATED
TO ILLICIT DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES TRAFFIC**

The authors of the article note that the criminologically significant characteristics of the subject of the crime become apparent in the activity of the latter while preparing and committing an offence. This activity is manifested itself in objective reality due to a universal property of a substance - its ability to be reflected in the form of traces.

The authors of the article also notice that information on activity of the criminal in the sphere of illicit drugs and psychotropic substances traffic, its features and properties are manifested by means of material traces to be different in their nature. The mentioned traces are discovered after operative-and-search actions have been made and present the consequences of the occurred event. A certain group is formed by traces that have information about special skills of the criminal as well as his/her professional skills, intellectual and educational abilities.

The authors of the article specify that in terms of lack of information about the committed crime in order to develop a lead related to the criminal's personality, it is of great importance to consider both the information obtained directly while investigating a specific crime and the summarized information about typical socio-demographic personal characteristics of criminals (a gender, an age, a profession, a citizenship, a nationality, an occupation, etc.,) who have committed the mentioned crimes earlier.

Key words: traces of crime, a personality of the criminal, activity, drugs, criminalistic information.

Установление лица (лиц), совершившего (совершивших) преступление, является одной из главных целей уголовного судопроизводства. С криминалистической точки зрения этот процесс представ-

ляет собой совокупность мер, предпринимаемых субъектом расследования для сбора и анализа информации о субъекте преступления в целях установления человеческой индивидуальности по-

следнего, характеризуемой совокупностью социальных, психофизических, общефизических и анатомо-морфологических свойств [1, с. 127]. Современные криминалисты сходятся во мнении, что эти свойства индивида проявляются в его деятельности. С. В. Лаврухин рассматривает криминалистическое понятие деятельности преступника как детерминированную объективными и субъективными факторами сложную и динамическую систему «разнообразных проявлений активности и пассивности человека до, во время и после совершения преступления, связанных преимущественно с его поступками, образом жизни и отраженных в окружающей среде в виде материальных и идеальных объектов» [2, с. 238].

Криминалисты обращают особое внимание на то, что во время совершения преступления происходит взаимодействие преступника и потерпевшего между собой и с окружающей их средой «через» орудия, средства и предмет посягательства. При этом человек как субъект преступления является первопричиной и первоосновой такого взаимодействия. «Биологические и физические свойства, побуждения, стремления и способ деятельности личности, характерные для нее, — отмечает О. Н. Сафаргалиева, — выступают в качестве единого механизма регулирующего поведение личности при совершении преступления и, соответственно, отражаются в окружающей обстановке: материальной обстановке и в сознании людей» [3, с. 162].

По образному выражению И. И. Тазина, деятельность преступника является посредником между личностью преступника и следами преступления как носителями криминалистически значимой информации [4, с. 31].

Понятие «деятельность», по мнению В. В. Ключкова и В. А. Образцова, предполагает взаимодействие индивида с окружающей средой, единство его внутренней (психической) и внешней (физической) активности, направленной на предмет удовлетворения его потребностей [5, с. 47—48]. Разумеется, всякая преступная деятельность включает детерминирующую подсистему — свойства и качества преступника, участвующие в управлении ею. Именно в деятельности в той или иной форме проявляются свойства индивида, имеющие криминалистическое значение. Криминалистическое изучение личности преступника представляет собой один из частных случаев изучения человека посредством исследования различных аспектов его деятельности.

Первичную информацию о деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков правоприменители получают, как правило, в процессе производства оперативно-разыскных мероприятий и осмотра места происшествия, который входит в число ключевых процессуальных и криминалистических действий, направленных на поиск и обнаружение следов. Непосредственность восприятия обстановки места происшествия — основное отличие данного следственного действия от других. В научной литературе оно определяется как «следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии и изучении следователем любых объектов в целях исследования обстоятельств деяния, обнаружения, фиксации и изъятия предметов, документов, веществ и следов, которые имеют или могут иметь значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела» [6, с. 23].

Криминалистически значимую информацию о деятельности преступника в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, о его признаках и свойствах могут нести одновременно такие следы, обнаруженные на месте происшествия, как: частицы наркотических средств и психотропных веществ; исходные реагенты и органические растворители, применяемые при синтезе этих продуктов; частицы наркотикосодержащих растений; устройства, приспособления и инструменты для сбора и обработки таких растений; оборудование и предметы, используемые на различных стадиях технологического процесса получения, транспортировки, хранения, сбыта и потребления наркотиков, психоактивных веществ или их аналогов; ухудшение состояния здоровья либо неадекватное поведение потребителя наркотиков, а также следы транспортных средств, использованных преступниками; следы обуви и рук лиц, причастных к изготовлению, потреблению или транспортировке наркотических или психотропных веществ; следы взлома замков в помещениях и устройствах, в которых хранились наркотические средства, психотропные вещества, лекарственные препараты и др.

Информация, носителями которой являются перечисленные выше следы, по своей гносеологической сущности является неоднородной. Изучение следовой картины дает возможность устанавливать преступника в прямой, непосредственной форме или косвенным путем. По этому поводу Г. В. Дашков отмечает: «Любой след как всякое изменение, возникшее на месте происшествия, несет в себе информацию, прямо или кос-

венно относящуюся к личности преступника» [7, с. 11].

Нужно отметить, что установление конкретного лица, причастного к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, по материальным следам в силу объективных причин часто затруднено. Тем не менее изъятые на месте происшествия, например, следы биологического характера и следы пальцев рук, принадлежащие конкретному лицу, могут служить прямым доказательством того, что оно имело контакт с объектом, на котором обнаружены следы.

Причастность конкретного лица к совершению преступлений в рассматриваемой сфере чаще всего устанавливается опосредствованным путем. Об этом может свидетельствовать, например, наличие микрочастиц наркотических средств (психотропных веществ) на одежде или в автомобиле подозреваемого, проявления у него признаков психического расстройства и неадекватного поведения, обнаружение в месте его проживания различного рода материалов и приспособлений со следами переработки маковой соломки или конопли (мясорубка, кофемолка, сита, ступки, пресс-формы).

Изъятые в процессе производства оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий ноутбуки, телефоны, смартфоны, флеш-карты также могут иметь большое значение для расследования дела, в том числе при установлении отдельных свойств личности преступника, причем криминалистическое значение имеет как содержательная часть зафиксированной на электронных носителях информации, так и технология ее изложения и закрепления на носителях.

Достоверная информация об участии в преступном деянии конкретного лица может быть получена в процессе производства почерковедческой экспертизы рукописных текстов в обнаруженных на месте происшествия блокнотах или тетрадях. Современные криминалисты рассматривают почерк как основанную на письменно-двигательном функционально-динамическом комплексе навыков и получающую отображение в рукописях итоговую программу их выполнения, содержащую субъективный зрительно-двигательный образ выполняемых рукописей и специально приспособленную для его реализации систему движений [8, с. 111]. Динамическая устойчивость почерка — его важнейшее свойство, которое означает способность к сохранению совокупности действий, образующих специфическую структуру письменно-двигательного функционального комплекса каждого индивида: их стандартность, стабильность во времени

и по отношению к разнообразным внешним и внутренним воздействиям [9, с. 77].

Заметим, что производство почерковедческой экспертизы рукописных документов, обнаруженных на месте происшествия, может быть использовано не только для идентификации исполнителя рукописи, но и при диагностировании его соматического, патологического и психопатологического состояния [10, с. 31]. Анализ же смыслового содержания текста позволяет выявить степень развития лексического навыка и специфику лексики автора (употребление диалектизмов, профессионализмов, архаизмов, неологизмов), что во многом обуславливается социальной средой, в которой находится индивид, его профессией, интеллектуально-образовательным уровнем, местностью, где он проживает, и другими социально-демографическими факторами [1, с. 128].

Анализ содержания текста позволяет извлечь сведения о численности преступного сообщества, функциональной роли отдельных лиц в его деятельности, времени, месте и способе совершенных или планируемых противозаконных деяний и других криминалистически значимых обстоятельствах.

Лингвистический анализ текстов, содержащихся на бумажных и электронных носителях, помогает выявить, в частности, «языковую» личность автора, под которой понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [11, с. 38]. Так, к криминалистически значимым признакам «языковой» личности автора текста, занимающегося распространением наркотических средств и психотропных веществ через социальные сети, относятся сленговые термины, употребляемые сбытчиками и потребителями: спайс, соль для ванн, корм для рыб, куришка и др.

Изучение текстовой информации, закреплённой на электронных носителях, позволяет выявить и оценить не только лингвистические способности автора текста, но и то, насколько он владеет навыком работы на клавиатуре компьютера, умеет использовать функциональные возможности текстового редактора.

Необходимо заметить, что в последнее десятилетие в целях объективизации процесса установления обстоятельств подготовки и совершения преступлений, в том числе в сфере незаконного

оборота наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемых с использованием информационно-социальных сетей, правоохранительные органы многих стран, включая Россию, стали использовать так называемый контент-анализ. Его реализация предполагает разработку и использование специального оборудования и программного обеспечения для поиска в глобальной сети «Интернет» информации, представляющей криминалистический интерес. При разработке такой программы в качестве единиц контент-анализа чаще всего используют название темы, слова, фразы, ситуацию, действия, субъекта этих действий [12, с. 75]. Контент-анализ информации, размещенной, например, на различных web-сайтах и не объединенной общей тематикой, позволяет выявить частоту встречаемости в ней криминалистически значимых для следствия единиц, структурные и корреляционные связи между ними. Это, в свою очередь, может иметь большое значение для установления персональных свойств автора текста, создателя web-сайта, проверки версий о функциональной роли и действиях каждого участника преступной группы при подготовке и совершении преступления.

Анализ практики расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в Республике Таджикистан свидетельствует о том, что на первоначальном этапе часто складываются следственные ситуации, характеризующиеся информационной неопределенностью. В этих условиях чрезвычайную важность приобретают обобщенные сведения о таких типичных криминалистически значимых свойствах преступников, ранее совершавших преступления указанного вида, как пол, возраст, профессия, гражданство, национальность, род занятий, психологические и физиологические особенности и др. Эти данные могут быть использованы следователем для построения версии расследуемого преступления, поскольку «...любое единичное событие — это проявление какого-либо определенного класса одноименных, однотипных или однопорядковых событий, к которому оно относится как частное к общему. И потому единичное, в соответствии с законами диалектики, должно содержать в себе основные признаки и свойства общего» [13, с. 3].

Информацию, составляющую основу для выдвижения версий, А. М. Ларин подразделял на две группы объективного характера. К первой он относил факты, полученные в процессе расследования конкретного преступления, ко второй — совокуп-

ность обобщенных данных о признаках определенного вида преступлений [14, с. 170].

Статистический анализ преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на территории Республики Таджикистан, осуществляемый Агентством по контролю за наркотиками при Президенте страны, показывает, что среди преступников, вовлеченных в этот вид противозаконной деятельности в 2012—2017 гг., несовершеннолетние составляли около 1 %, лица от 18 до 30 лет — 27—31 %, лица от 30 до 60 лет — 67—72 %. Среди лиц, причастных к совершению преступлений рассматриваемой категории, женщины составляют порядка 3 % [15, с. 28—29]. Правонарушители имели в основном неполное среднее, среднее, среднее техническое и высшее образование, но часто не были трудоустроены.

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что 27 % преступников были осуждены ранее за различные преступления, 5,3 % — ранее несудимые, а 67,7 % — были осуждены за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств [16, с. 63].

Из других социально-демографических характеристик личности преступников, вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств, нужно обратить внимание на социальное положение правонарушителей. При этом нельзя не заметить наличия взаимосвязи между функциональной ролью лица в преступной группе и его социальным положением. На нижней ступени социальной лестницы находятся возделыватели наркотикосодержащих растений и изготовители наркотических средств — самая низкооплачиваемая часть группы. Наряду с потребителями они наиболее часто задерживаются при проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Нужно отметить, что ежегодно в Республике Таджикистан за совершение наркопреступлений задерживается значительное число иностранных граждан, в основном это выходцы из Исламской Республики Афганистан. Так, в 2017 г. в Республике Таджикистан за совершение наркопреступлений были задержаны 18 иностранных граждан, у которых изъято 369 кг 602 г наркотических средств. Из общего количества задержанных 17 лиц — граждане Исламской Республики Афганистан. У них изъято 369 кг 573 г наркотических средств [15, с. 35].

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что материальные следы являются носителями различной по своей природе криминалистически значимой информации о деятельности

субъекта преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Особую группу образуют следы, несущие информацию о специальных умениях преступника, его профессиональных навыках, интеллектуально-образовательном уровне.

В условиях дефицита информации о совершенном преступлении при построении версии о личности преступника большое значение имеют не только сведения, полученные непосредственно

при расследовании конкретного преступления, но и обобщенная информация о типичных социально-демографических личностных признаках преступников, ранее совершавших такие деяния. Путем анализа и суммирования сведений, относящихся к этим группам, а также с учетом сложившейся ситуации следователь формирует собственные версии о сущности расследуемого преступного события и субъектах преступлений и планирует свои дальнейшие действия.

1. Задоров А. Г. Техничко-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств изготовления подложных официальных документов: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.

2. Лаврухин С. В. Криминалистическое понятие поведения преступника // Российская юридическая доктрина в XXI веке. Саратов, 2001.

3. Сафаргалиева О. Н. О понятии и содержании следов в криминалистике // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2 (23). С. 161—166.

4. Тазин И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.

5. Ключков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. Вып. 42. С. 44—54.

6. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж, 1995.

7. Дашков Г. В. Криминалистическое значение следов для установления личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967.

8. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методологические основы / под ред. В. Ф. Орловой. М., 2006.

9. Досова А. В. Правовые и криминалистические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

10. Бобовкин М. В. Криминалистические проблемы психофизиологии и патологии механизма письма: моногр. Волгоград, 2004.

11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.

12. Першин А. Н. Криминалистические основы анализа документированной информации в уголовном судопроизводстве. Омск, 2015.

1. Zadorov A. G. Technical-criminalistic facilities to determine circumstances of forged official documents. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2018.

2. Lavrukhin S. V. Criminalistic concept of criminal behavior. Russian Legal Doctrine in the 21st century. Saratov; 2001.

3. Safargaliyeva O. N. On concept and content of traces in forensic science. Vestnik of the Omsk University. Series "Law". 2010; 23 (2): 161—166.

4. Tazin I. I. Criminalistic characteristics of motivational-conceptual feature of personality of the criminal. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Tomsk; 2006.

5. Klochkov V. V., Obratstov V. A. Crime as an object of criminalistic knowledge. Questions of fighting crime. 1985; 42: 44—54.

6. Bayev O. Ya. Tactics of investigative actions. Textbook. Voronezh; 1995.

7. Dashkov G. V. Criminalistic value of traces for identifying personality of the criminal. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1967.

8. Forensic handwriting examination. General part: theory and methodical fundamentals. Ed. by V. F. Orlova. Moscow; 2006.

9. Dosova A. V. Legal and criminalistic features of a comprehensive forensic examination of documents with modified requisites. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2014.

10. Bobovkin M. V. Forensic problems of psycho-physiology and pathology of writing technics. Monograph. Volgograd; 2004.

11. Karaulov Yu. N. Russian language and language personality. Moscow; 2002.

12. Pershin A. N. Criminalistic bases for examining documented information in criminal proceeding. Omsk; 2015.

13. Investigation of certain types of crimes. Ed. by O. Ya. Baev, A. G. Filippov. Moscow; 1995.

13. Расследование отдельных видов преступлений / под общ. ред. О. Я. Баева, А. Г. Филиппова. М., 1995.

14. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976.

15. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2017 год. // АKN РТ. Ежегодное издание. Душанбе, 2018.

16. Кодиров Д. С. Незаконный оборот наркотических средств: особенности методики расследования (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

14. Larin A. M. From an investigative version up to the truth. Moscow; 1976.

15. Review of drug situation in the Republic of Tajikistan for 2017 time period. AKN RT. Annual Edition. Dushanbe; 2018.

16. Kodirov D. S. Illicit traffic of drugs: features of investigative method (based on materials from the Republic of Tajikistan). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2017.

© Lyapichev V. E., Rustamzoda Z. R., 2019

© Ляпичев В. Е., Рустамзода З. Р., 2019

Ляпичев Владимир Емельянович,
доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Рустамзода Зарина Рустам,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: rustamzoda83@mail.ru

Lyapichev Vladimir Emelyanovich,
associate professor at the department
of document research
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activities
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of engineering sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Rustamzoda Zarina Rustam,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: rustamzoda83@mail.ru

* * *

С. И. Молбасин

**ДЕПОНИРОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В число функций следственного судьи по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан входит такой вид деятельности, как депонирование показаний потерпевшего и свидетеля. Данное обстоятельство вызывает потребность осмысления сути этого действия и его места в структуре доказывания, а также в системе следственных действий, что предполагает необходимость выявления признаков, по которым оно может быть отграничено от других способов собирания доказательств. Обосновывается, что депонирование показаний отличается от других способов собирания доказательств *целью, основаниями и процессуальной процедурой*. Целью депонирования показаний потерпевшего и свидетеля является резервирование доказательственной информации для передачи суду, рассматривающему дело по существу. Процессуальная процедура депонирования показаний характеризуется тем, что ее субъектом может быть только следственный судья (субъектная исключительность), а также условиями проведения данного судебного действия, его структурой и кругом лиц, чьи показания являются предметом депонирования.

Ключевые слова: депонирование показаний, следственный судья, доказывание, собирание доказательств, допрос, следственные действия, резервирование показаний.

S. I. Molbasin

**DEPOSITING TESTIMONIES IN PROVING PROCEDURE ACCORDING
TO THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Activity of an investigating judge according to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan includes such function as depositing testimonies of a victim and a witness. This circumstance causes the necessity to understand the essence of this function and its place in the proving structure as well as in the system of investigative actions. It, in its turn, presupposes the necessity to develop features by which depositing can be determined from other ways of collecting evidence. Author of the article proves that the depositing testimony differs from other methods of collecting evidence by a purpose, basis and procedure. The purpose of depositing testimony of a victim and a witness is to reserve evidentiary information for transmission to the court to hear the case. The procedure of depositing testimony is characterized by the following: its subject can be only an investigative judge (subject exclusivity) as well as the conditions for conducting this judicial action, its structure and the number of persons whose testimonies are to be subjects to deposit.

Key words: depositing testimonies, an investigating judge, proving, collecting evidence, interrogation, investigative actions, reserving testimony.

Депонирование показаний — новый аспект доказывания в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан, процессуальная форма которого схожа с порядком допроса. Данное средство доказывания было «импортировано» из правовых систем зарубежных стран наряду с институтом следственных судей. А. С. Гамбарян отмечает, что «в отдельных правовых системах депонирование доказательств, в частности показаний, применяется в рамках различных правовых режимов: 1) депо-

нирование показаний в досудебном производстве с целью выявления доказательств по делу; 2) депонирование (хранение) доказательств с целью ознакомления с ними в суде; 3) депонирование доказательств на основании невозможности их представления в суде; 4) депонирование показаний на основании обеспечения безопасности свидетеля» [1, с. 159]. Как видим, цели депонирования несколько варьируются, но при этом его существо как средства доказывания не изменяется: оно

направлено на «консервацию» показаний, как правило, свидетеля и потерпевшего.

Что касается порядка депонирования показаний свидетеля и потерпевшего, то он, как отмечает И. И. Никитченко, в правовых системах зарубежных государств различается. Так, автор выделяет три типа института депонирования показаний: англо-американский, классический европейский и неклассический европейский [2, с. 120]. Англо-американский порядок депонирования характеризуется четким следованием состязательным началам: каждая сторона допрашивает своих свидетелей; допрос стороной обвинения свидетелей защиты не допускается без их согласия. Кроме того, в англо-американском уголовном процессе показания, зафиксированные сторонами в досудебном производстве, в дальнейшем передаются судье, рассматривающему дело по существу. По классической европейской модели депонирования «монополия» формального допроса свидетелей в досудебной стадии принадлежит публичным субъектам, осуществляющим досудебное расследование. Защита может лишь ходатайствовать перед следователем об их допросе [2, с. 120]. «Неклассический европейский» тип депонирования показаний, по мнению И. И. Никитченко, свойственен новым правовым порядкам некоторых стран Содружества Независимых Государств: Украине, Казахстану, Армении и др. [2, с. 120]. Как отмечает ученый, «в современных уголовно-процессуальных системах некоторых постсоветских государств (Украина, Казахстан) наметился специфический процесс конвергенции элементов англо-американской и классической европейской правовых систем, что ярко проявилось именно в институте депонирования», характеризующемся тем, что субъектом депонирования является должностное лицо судебных органов, осуществляющих досудебный контроль (следственный судья, судья-магистрат) [2, с. 120]. Таким образом, по своему типу депонирование показаний в казахстанском уголовном процессе относится к неклассической европейской модели.

В статье 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК) определяется, что депонирование показаний представляет «допрос следственным судьей потерпевшего, свидетеля на основании ходатайства прокурора, следователя, начальника органа дознания, подозреваемого или его адвоката, участвующего в деле в качестве защитника, в случае если имеются основания полагать, что более поздний их допрос в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин» [3]. Как

видится, основание депонирования определяется широко: невозможность производства допроса в последующие временные периоды производства по делу. Кроме того, установлен и предмет депонирования — только показания свидетеля и потерпевшего, которые должны быть сохранены для оглашения в главном судебном разбирательстве. Данным обстоятельством достигается обеспечение справедливого судебного разбирательства, положения о котором закреплены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Согласно этому документу «каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» (п. d ч. 3 ст. 6) [4]. В связи с этим возникает острая необходимость в качественном закреплении показаний названных лиц, что оправдывало бы то, что в главном судебном разбирательстве перепроверка таких показаний невозможна по причине, определившей собственно потребность в депонировании, — отсутствие свидетеля и потерпевшего в судебном разбирательстве. Отсюда и допрос в порядке депонирования должен быть проведен с учетом интересов сторон по уголовному делу и с выполнением всех законных требований, что примиряло бы резервирование показаний с положениями п. d ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Депонирование показаний с момента его внедрения в уголовное судопроизводство Республики Казахстан стало широко применяемым процессуальным действием. Так, согласно правовой статистике с 2015 по 2018 г. следственными судьями проведено 3 346 депонирований показаний. Из них в 2015 г. — 548, в 2016 г. — 703, в 2017 г. — 1 096, в 2018 г. — 994 [5]. Как мы видим из приведенных данных, количество случаев применения депонирования показаний с каждым годом увеличивается. Это обстоятельство актуализирует вопрос о месте депонирования показаний в системе элементов доказывания, которые в соответствии с ч. 1 ст. 121 УПК РК выражаются в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. Как известно, основными способами собирания и проверки доказательств являются следственные действия. Анализ УПК РК дает основание считать, что способом депонирования служит допрос. Определение казахстанским законодателем депонирования показаний потерпевшего и свидетеля в главе 26 УПК РК «Допрос и очная ставка», а также описание данной процедуры в ст. 217 УПК РК указы-

вают на его сходство с допросом. Однако это, по мнению А. Н. Ахпанова, не исключает возможности рассматривать процедуру депонирования как самостоятельную разновидность следственных действий наряду с допросом и очной ставкой [6, с. 174]. Очевидно, для того чтобы обособить депонирование от допроса, т. е. определить его место в системе следственных действий, необходимо выделить признаки, отличающие его от других средств доказывания. Прежде всего, депонирование — допрос как способ получения показаний, совмещаемый с их резервированием посредством определенной процессуальной формы (процедуры). Процессуальная же форма характеризуется такими чертами, дифференцирующими традиционный допрос от депонирования, как:

- особый статус субъекта, проводящего депонирование показаний (субъектная исключительность);
- цель проведения депонирования показаний;
- основания, условия и порядок проведения данного судебного действия;
- структура депонирования показаний;
- круг лиц, чьи показания являются предметом депонирования.

Статус субъекта, проводящего депонирование показаний, является одним из отличительных признаков этого правового института. Так, единственный субъект, уполномоченный проводить указанное процессуальное действие по УПК РК, — следственный судья, что придает депонированию «субъектную исключительность», которая подчеркивает, что следственный судья, в отличие субъектов досудебного производства (прокурора, следователя, дознавателя, начальника органа дознания), также проводящих допрос, является представителем судебной власти, не относящимся ни к одной из сторон и не заинтересованным в исходе уголовного дела. Незаинтересованность и объективность следственного судьи при депонировании показаний выражается, в частности, в том, что он не правомочен инициировать данную процедуру. Этим правом наделены сами заинтересованные лица — стороны по уголовному делу (прокурор, следователь, дознаватель, начальник органа дознания, потерпевший, его представитель, подозреваемый, обвиняемый или их защитники). В число субъектов, правомочных ходатайствовать перед следственным судьей о проведении депонирования, входят должностные лица, которые сами уполномочены проводить допрос по находящемуся в их производстве уголовному делу. Если депонирование показаний понималось бы как действие, тождественное традиционному допросу, то ничто бы не мешало перечисленным должностным

лицам самостоятельно проводить его и фиксировать показания без помощи следственного судьи. Депонирование показаний не просто вид допроса, а познавательное действие иного качества, требующее иных оснований и условий для своего проведения и особого порядка осуществления.

Основанием для депонирования, как уже отмечалось выше, являются обстоятельства, свидетельствующие о том, что более поздний допрос свидетеля и потерпевшего в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин. К таким обстоятельствам законодатель относит:

- постоянное проживание свидетеля или потерпевшего за пределами Республики Казахстан;
- выезд указанных лиц за границу;
- тяжелое состояние их здоровья;
- применение к ним мер безопасности;
- несовершеннолетний возраст свидетеля, потерпевшего.

Процедура депонирования показаний более сложна по своей структуре, чем традиционный допрос, проводимый субъектами должностного обвинения. Согласно ст. 217 УПК РК депонирование показаний свидетелей и потерпевшего производится в судебном заседании в присутствии прокурора, подозреваемого (при возможности обеспечения его участия), его защитника, а в случаях необходимости и других участников процесса. Как видится, технология депонирования показаний схожа с процедурой допроса в главном судебном разбирательстве. Мы полагаем, что депонирование показаний является транспозицией технологии допроса, свойственной судебному разбирательству, в досудебное производство. Такая транспозиция обеспечивает дополнительные гарантии соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон в досудебном расследовании. Именно эти гарантии при проведении депонирования показаний составляют основу его отличия от иных следственных действий.

Еще одним существенным признаком, дифференцирующим традиционный допрос от депонирования показаний, являются цели их проведения. Как известно, основная цель проведения допроса — получение информации о преступлении, необходимой для правильного разрешения уголовного дела. Полагаем, что при проведении депонирования показаний преследуется иная цель. По нашему мнению, она дополняется потребностью резервирования доказательственной информации для передачи конечному адресату — суду, рассматривающему дело по существу.

В структуру депонирования показаний входит, во-первых, сама процедура допроса, где допро-

ситель потерпевшего или свидетеля может не только следственный судья, но и иные участники уголовного процесса; во-вторых, собственно резервирование этих показаний — закрепление в виде протокола депонирования; в-третьих, передача протокола депонирования конечному адресату — судье. В связи с этим нужно обратить внимание на проблему повторного допроса депонентов при рассмотрении дела по существу. УПК РК не содержит норм, прямо разрешающих или запрещающих данную процедуру. Однако из смысла ст. 217 УПК РК вытекает, что депонирование производится только в тех случаях, когда есть основания полагать, что более поздний допрос в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин. Соответственно, подразумевается, что повторного допроса в суде при наличии уже депонированных показаний не должно быть. Между тем в законодательстве отдельных стран Содружества Независимых Государств, например, в УПК Киргизской Республики (далее — УПК КР) [7] предусматривается процедура повторного допроса депонентов. Так, ч. 2 ст. 201 УПК КР устанавливает, что повторный допрос потерпевшего, свидетеля при рассмотрении дела по существу допускается в случае возникновения необходимости в уточнении их показаний или по обстоятельствам, которые не были выяснены в ходе допроса следственным судьей в досудебном производстве. Однако в УПК КР не указано, каким образом будет производиться такой допрос потерпевшего, свидетеля при рассмотрении дела по существу. Очевидно, что не составит труда повторно допросить лиц, чьи показания были депонированы в связи с опасностью для их жизни и здоровья. Не совсем понятна технология повторного допроса лиц, выехавших за пределы государства или постоянно проживающих в другой стране. Конечно, нельзя упускать из внимания и такую возможность, как повторный допрос посредством средств аудио- или видеосвязи либо организация присутствия этих лиц в судебном разбирательстве. Однако при этом могут возникнуть определенные сложности. На них в свое время, когда еще обсуждался проект нового УПК РК, указал Ч. Д. Кенжетаяев. По его мнению, к подобным проблемным аспектам можно отнести отсутствие организаторов такого рода мероприятий на месте пребывания депонента либо незаинтересованность самого депонента (особенно не собирающегося возвращаться) в каком-либо продолжении часто нервного для него процесса дачи показаний [8, с. 43]. Полагаем, что приведенные обстоятельства могут стать существенной преградой для повторного допроса депонентов.

Кроме того, могут возникнуть и иные трудности, например, связанные с временем проведения рассматриваемого процессуального действия с использованием научно-технических средств (аудио, видео). Так, не исключено, что главное судебное разбирательство проходит в дневное время суток, а лицо, чьи показания подлежат перепроверке, находится в такой географической точке, где уже наступила ночь. В данном случае может иметь место нарушение требований проведения подобного рода процессуальных действий. Как уже отмечалось, основной целью депонирования показаний является передача показаний в зарезервированном виде конечному адресату — судье, рассматривающему дело по существу. Исходя из этого мы полагаем, что показания, полученные в ходе депонирования, не должны подвергаться перепроверке путем допроса депонентов в главном судебном разбирательстве, и разделяем мнение С. И. Коневой о том, что «доказательства, полученные следственным судьей в рамках процедуры превентивного судебного контроля в досудебном производстве в качестве способа формирования судебных доказательств, должны приниматься судом первой инстанции как факты» [9, с. 106—107].

В отличие от традиционного допроса круг лиц, чьи показания подлежат депонированию, ограничен: в уголовном судопроизводстве Казахстана ему могут подвергнуться только потерпевшие или свидетели. По замыслу законодателя именно названные лица в силу объективных причин могут отсутствовать при рассмотрении дела по существу, а их показания будут рассматриваться в суде как доказательства, не требующие проверки путем повторного допроса. Иные же способы проверки, очевидно, не исключаются. Между тем в уголовном процессе некоторых зарубежных государств состав участников, чьи показания подлежат депонированию, шире. Об этом пишут и некоторые ученые. УПК Литвы [10], Проект УПК Республики Армения [1, с. 164], доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации, подготовленная коллективом авторов, возглавляемым профессором А. С. Александровым [11, с. 81], предусматривают институт депонирования показаний подозреваемого, обвиняемого. А. С. Гамбарян и С. Симонян отмечают, что среди ученых и практиков есть как сторонники, так и противники рассматриваемого вида депонирования показаний. Первые рассматривают данный институт в качестве средства отрицания презумпции недобросовестности следователя или предотвращения фальсификации доказательств со стороны следователя (в том числе получения показаний в результате пыток). Вторые

аргументируют свою точку зрения тем, что депонирование может превратиться в «царицу доказательств», и органы предварительного расследования будут злоупотреблять им в целях получения признательных показаний подозреваемого, обвиняемого [12, с. 79—80]. Высказывается также мнение о том, что депонирование показаний указанных лиц представляет собой бессмысленную подмену допроса в суде [13].

Говоря о возможности дальнейшего углубления практики депонирования в Казахстане, констатируем следующее. Вероятность расширения круга лиц, чьи показания подлежат депонированию, посредством внедрения института резервирования показаний подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе Республики Казахстан очень низка. Это обусловлено тем, что здесь уже имеется действенный правовой инструмент получения и закрепления признательных показаний подозреваемого и обвиняемого — институт заключения процессуального соглашения, реализующийся в формах сделки о признании вины и соглашения о сотрудничестве [3]. Правовая статистика свидетельствует о том, что он успешно применяется в практической деятельности органов досудебного расследования и прокуратуры [14, с. 344]. Исходя из этого полагаем, что сегодня нет острой необхо-

димости внедрения института депонирования показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовный процесс Республики Казахстан.

В результате анализа сказанного можно сделать выводы о том, что депонирование показаний в уголовном процессе Казахстана является судебным действием, состоящим из допроса как способа получения показаний, резервирования этих показаний в виде протокола депонирования, и передачи данного протокола конечному адресату — судье, рассматривающему дело по существу. Выделение отличительных признаков депонирования показаний: особого статуса следственного судьи как субъекта депонирования показаний («субъектная исключительность»), цели и условий проведения данного судебного действия, его порядка (процедуры), структуры, а также круга лиц, подпадающих под депонирование, — дает основание признать его самостоятельным процессуальным действием в системе средств доказывания. В этом качестве депонирование показаний выступает процессуальным инструментом, предоставляющим дополнительную возможность закрепить значимые для уголовного дела показания потерпевшего и свидетеля, которые в силу объективных причин не могут принять участие в предстоящем судебном разбирательстве.

1. Гамбарян А. С. Правовые режимы депонирования доказательств (показаний) и их специфика в уголовном процессе Республики Армения // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 159—166.

2. Никитченко И. И. Депонирование личных доказательств в ходе досудебного производства по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 120—124.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (по сост. на 21.01.2019) URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 06.03.2019).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 20.03.2019).

1. Gambaryan A. S. Legal regimes for depositing of evidence (testimony) and their specifics in the criminal procedure of the Republic of Armenia. Judicial power and criminal procedure. 2016; 1: 159—166.

2. Nikitchenko I. I. Depositing personal evidence in pre-trial criminal proceeding. Vestnik of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia. 2014; 35 (1): 120—124.

3. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of 4 July 2014 (with amendments and additions of 21/01/2019). Available from: <https://online.zakon.kz>. Accessed: 3 June 2019.

4. Convention on protection of human rights and fundamental freedoms (Issued in Rome on 11/04/1950) (as amended on 13/05/2004) (with the Protocol No. 1 (signed in Paris on 20/03/1952), with the Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in convention and its first protocol (signed in Strasbourg 16/09/1963), with Protocol No. 7 (signed in Strasbourg 22/11/1984). Available from: <https://legalacts.ru>. Accessed: 20 March 2019.

5. Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел в период с 2015 по 2018 год. URL: <https://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 20.03.2019).

6. Ахпанов А. Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 173—179.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 URL: <https://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 06.03.2019).

8. Кенжетаяев Ч. Д. Особенности депонирования показаний в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 2 (43). С. 43—46.

9. Конева С. И. Допросы в уголовном суде: моногр. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. 407 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14 марта 2002 г. № IX-785 URL: <https://www.twirpx.com> (дата обращения: 26.03.2019).

11. Зинченко И. А. Доктринальная модель доказательственного права о досудебном депонировании показаний обвиняемого в уголовном процессе // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 81—84.

12. Гамбарян А. С., Симонян С. Судебное депонирование признательных показаний обвиняемого (необходимость и угрозы) // Расследование преступлений. 2015. № 2 (8). С. 78—83.

13. Попов А. А. Проблемы регламентации досудебного депонирования показаний в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 196—200.

14. Ахпанов А. Н., Азаров В. А., Балгынтаев А. О. Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве: законотворческий опыт Республики Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 343—350.

5. Reports on the work of courts of the first instance on hearing criminal cases from 2015 to 2018. information service of the committee on legal statistics and special accounts of the general prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan. Available from: <https://qamqor.gov.kz>. Accessed: 20 March 2019.

6. Akhpanov A. N. Depositing testimony of a victim and a witness in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan. Vestnik of Omsk University. Series «Right». 2015; 45 (4): 173—179.

7. Criminal procedure Code of the Republic of Kyrgyziya No. 20 of 2 February 2017. Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg>. Accessed: 6 March 2019.

8. Kenzhetaev Ch. D. Features of depositing testimony in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan. Vestnik of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2016; 43 (2): 43—46.

9. Koneva S. I. Interrogations in criminal court. Monograph. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia; 2012: 407 p.

10. Criminal procedure Code of the Republic of Litva No IX-785 of 14 March 2002. Available from: <https://www.twirpx.com>. Accessed: 26 March 2019.

11. Zinchenko I. A. Doctrinal model of law of evidence on pre-trial depositing testimony of the accused in the criminal procedure. Vestnik of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia. 2015; 41 (3): 81—84.

12. Gambaryan A. S., Simonyan S. Judicial Depositing confessions of the accused (necessity and threats). Crime Investigation. 2015; 8 (2): 78—83.

13. Popov A. A. Problems of regulation of pre-trial depositing testimony in criminal proceeding. Gaps in the Russian legislation. 2014; 6: 196—200.

14. Akhpanov A. N., Azarov V. A., Balgyntaev A. O. Procedural agreements in criminal proceeding: legislative experience of the Republic of Kazakhstan. Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015; V. 9; 2: 343—350.

© Molbasin S. I., 2019

© Молбасин С. И., 2019

Молбасин Сагынган Игенович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: molbassin.sagynghan@mail.ru

Molbasin Sagynghan Igenovich,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: molbassin.sagynghan@mail.ru

* * *

А. Ф. Павленко

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Статья посвящена отдельным проблемам института наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. Автором рассматриваются организационные вопросы наложения ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения, применяемой должностными лицами органов предварительного следствия и дознания в ходе досудебного производства по уголовным делам. Кроме того, в статье проанализирована сама процедура наложения ареста на имущество. Автор подробно исследует порядок подготовки и направления материала в суд для наложения ареста на имущество по уголовным делам.

В статье представлены пути возможного решения указанных пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, мера процессуального принуждения, возмещение вреда, причиненного преступлением, ходатайство о наложении ареста на имущество.

A. F. Pavlenko

CURRENT ISSUES ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF ARREST ON PROPERTY

The article is devoted to certain problems of the institution of seizure of property in criminal proceedings. The author examines the organizational issues of seizure of property as a measure of criminal procedural coercion used by officials of the preliminary investigation and inquiry bodies in the course of pre-trial criminal proceedings. In addition, the article analyzes the procedure for seizure of property. The author examines in detail the procedure for preparing and sending the material to the court for imposing arrest on property in criminal cases.

The article presents the possible ways to address these gaps in the legislation.

Key words: seizure of property, a measure of procedural coercion, compensation for harm caused by a crime, a petition for the imposition of arrest on property.

Наложение ареста на имущество признается мерой процессуального принуждения, основания и порядок применения которой закреплены в главе 14 «Иные меры процессуального принуждения» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Статьи 115 и 115¹ УПК РФ регламентируют отношения, затрагивающие основания наложения ареста на имущество; обеспечение сохранности имущества, на которое налагается арест; возможные сроки наложения ареста на имущество и др.

В соответствии со ст. 115 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за свои действия. Но до этого правоприменитель

должен выполнить ряд процессуальных (в том числе следственных) действий, обращенных на установление имущественного положения обвиняемого или гражданского ответчика: следовательно необходимо выяснить, какое имущество находится в собственности у подозреваемого или обвиняемого, а в некоторых случаях у третьих лиц (близких родственников, знакомых, юридических лиц), на кого подозреваемый или обвиняемый мог зарегистрировать имущество, добытое преступным путем. Так, субъектами ведущими уголовный процесс, направляются запросы в государственные органы Российской Федерации, располагающие сведениями об имуществе физических и юридических лиц:

— в Федеральную налоговую службу Российской Федерации, в полномочия которой входит

контроль и надзор за соблюдением законодательства России о налогах и сборах;

— Федеральную регистрационную службу Российской Федерации, на которую возложены обязанности по обеспечению установленного порядка государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Кроме того, данный орган обладает сведениями о земельных участках;

— Государственную инспекцию безопасности дорожного движения Российской Федерации, ее основные задачи — регистрация и учет транспортных средств;

— Федеральную службу реестра, кадастра и картографии (Росреестр) Российской Федерации, наделенную обязанностями по ведению кадастра, регистрации прав, составлению карт, землеустройству. Росреестр обеспечивает реализацию полномочий в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, кадастрового учета объектов недвижимости и кадастровой оценки в соответствии с законодательством Российской Федерации;

— государственные таможенные органы России, которые располагают сведениями о транспортных средствах, ввезенных на территорию страны на срок, не превышающий шести месяцев (временная регистрация);

— Центральный банк России, коммерческие (негосударственные) банки и иные кредитные организации, обладающие соответствующей информацией об операциях по счетам, владельцем которых является лицо, подвергнутое уголовному преследованию.

Кроме направления запросов в указанные органы следователь может проводить различные следственные действия по розыску необходимой информации: допросить соседей, родственников, работодателя и иных лиц, которые могут обладать важными для расследуемого преступления сведениями об имуществе обвиняемого или гражданского ответчика. Для этого также могут проводиться обыски по месту их жительства и в иных местах, где может храниться принадлежащее им имущество.

В ходе исследования вопросов, связанных с практикой наложения ареста на имущество в досудебном производстве по уголовным делам, нами было проведено анкетирование, в ходе которого мы опросили 75 следователей и дознавателей из различных субъектов Российской Федерации. Так, меньше половины респондентов (36) не усмотрели необходимости в наложении ареста на имущество (в связи с неплатежеспособностью

процессуальных лиц). Другая часть опрошенных отметила следующее:

— направлял запросы (в ГИБДД, банки, регистрационную службу) — 21 человек;

— допрашивали свидетелей (работодателей, родственников, соседей и других лиц) — 13 человек;

— проводили обыски и другие следственные действия по месту нахождения имущества, которое может подлежать аресту, — 36 человек.

После получения необходимых данных об имуществе обвиняемого (подозреваемого), гражданского ответчика следователь имеет все основания для вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество. В данном постановлении следователь указывает такие сведения, как:

— обстоятельства совершения преступления;

— вред, причиненный преступлением (виды вреда, его характер и размер);

— сведения о заявленном гражданском иске, цена гражданского иска;

— сведения о том, кто признан гражданским истцом, кто привлечен в качестве гражданского ответчика;

— сведения о количестве и месте нахождения имущества обвиняемого или гражданского ответчика, на которое планируется наложить арест.

К постановлению должны приобщаться следующие материалы уголовного дела:

— копия постановления о возбуждении уголовного дела (при необходимости постановления о принятии дела к своему производству, о производстве предварительного следствия следственной группой);

— копия постановления о признании лица гражданским истцом;

— копия постановления о привлечении лица в качестве гражданского ответчика;

— копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

— копия выписки из государственного реестра о праве собственности на недвижимое имущество при наложении ареста на него;

— копии протоколов следственных действий, заключений экспертиз и других документов (ст. 74 УПК РФ), содержащих сведения, подтверждающие необходимость и обоснованность наложения ареста на имущество, наличие имущества, его стоимость и другие значимые для наложения ареста на имущество обстоятельства.

Постановление о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество передается следователем вместе с материалами,

подтверждающими законность и обоснованность вынесенного постановления, руководителю следственного органа, а дознавателем — прокурору для получения согласия на проведение данных процессуальных действий. После того как согласия руководителя следственного органа или прокурора получены, данное ходатайство вместе с прилагаемыми материалами уголовного дела направляется в суд. Согласно п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен принимать решение о наложении ареста на имущество.

В соответствии с ч. 2 ст. 165 УПК РФ ходатайство о наложении ареста на имущество вместе с материалами, подтверждающими его законность и обоснованность, рассматривается единолично судьей районного суда по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 ч с момента его поступления. Однако согласно ч. 1 ст. 116 УПК РФ имеет место исключение в случае наложения ареста на ценные бумаги или их сертификаты, решение по которым должно приниматься судом по месту нахождения имущества либо месту учета прав владельца ценных бумаг с соблюдением требований ст. 115 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 165 УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество могут участвовать прокурор и следователь. Участие иных заинтересованных лиц, в том числе тех, на имущество которых накладывается арест, законодатель не предусмотрел. Так, по уголовному делу № 11801180033001420 М. было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Потерпевшим Е. было заявлено ходатайство о наложении ареста на транспортное средство, принадлежащее обвиняемому, в целях возмещения материального вреда, причиненного преступными действиями последнего. Кроме того, Е. в ходатайстве просил об обязательном его участии в судебном заседании [1]. В данной ситуации, когда потерпевшим по уголовному делу заявлено ходатайство об участии в судебном заседании о наложении ареста на имущество обвиняемого или ответчика, предполагается, что суд должен допустить потерпевшего к участию. При этом следователь при подготовке постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество в самом ходатайстве обязан отразить, что им получено и удовлетворено ходатайство потерпевшего о его участии в судебном заседании по рассмотрению этого вопроса. В сложившейся ситуации правоприменитель должен представить в суд копию та-

кого ходатайства вместе с ходатайством о наложении ареста на имущество и другими материалами, подтверждающими его обоснованность. Суд обязан рассмотреть ходатайство потерпевшего об участии в судебном заседании, но судья уже единолично принимает решение (разрешить потерпевшему участвовать в судебном заседании или отказать).

По результатам рассмотрения ходатайства судья его удовлетворяет и выносит постановление о наложении ареста на имущество или отказывает в его удовлетворении, при этом указывает конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение.

При принятии решения об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого), гражданского ответчика в постановлении о наложении ареста суд должен указывать срок, не превышающий срока предварительного расследования совершенного преступления, который, в свою очередь, определяется лицом, производящим расследование. В случае если срок наложения ареста на имущество должен быть продлен, он не должен превышать срока продления предварительного следствия и дознания, который был установлен соответствующим руководителем следственного органа или прокурором. В постановлении о наложении ареста на имущество, вынесенном судом, срок должен быть определен конкретно. Его истечение при отсутствии ходатайства следователя (дознавателя) о продлении должно являться обязательным основанием для отмены ареста на имущество.

На стадии, когда судебное заседание по рассмотрению ходатайства о наложении ареста на имущество завершено и судом удовлетворено указанное ходатайство, вновь выявляются проблемы действующего уголовно-процессуального законодательства. Данный вывод вытекает из того, что законом не предусмотрен срок, в течение которого постановление суда о наложении ареста на имущество должно поступить к лицу, производящему расследование, обязанному принять меры по его реализации. С учетом сложившейся судебной следственной практики и колоссальной загруженности следователей и дознавателей нередко возникают ситуации, когда лицо, производящее расследование, пусть и в силу объективных причин, может на какое-то время отложить срок направления судебного решения, что, на наш взгляд, негативно влияет на результаты расследования уголовного дела. В частности, затягивание сроков направления данного решения суда может по-

влечь за собой отчуждение имущества обвиняемого, например, перерегистрацию имущества на другое лицо. В связи с этим считаем целесообразным дополнить действующий УПК РФ нормой, предусматривающей обязанность суда указывать в вынесенном им постановлении конкретный (по нашему мнению, незамедлительный) срок исполнения вынесенного решения.

1. Уголовное дело №11801180033001420 // Архив СО № 6 СУ УМВД России по г. Волгограду.

© Павленко А. Ф., 2019

Павленко Анна Федоровна,
преподаватель кафедры
административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Anya2091@yandex.ru

Таким образом, несмотря на подробную законодательную регламентацию порядка наложения ареста на имущество, необходимо скорейшее внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательства для устранения имеющихся пробелов.

1. Criminal Case No. 11801180033001420. Archive of investigation department No. 6 of the Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Volgograd.

© Pavlenko A. F., 2019

Pavlenko Anna Fedorovna,
lecturer at the administrative activities
and public order maintenance department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: Anya2091@yandex.ru

* * *

Г. А. Печников, А. И. Земенков, Е. В. Кокарева

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ОБЪЕКТИВНАЯ (ФАКТИЧЕСКАЯ)
И ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье на основе диалектико-материалистической методологии (теории познания и теории отражения) показано принципиальное отличие объективной (фактической) истины от формально-юридической, свойственной уголовному процессу состязательного типа, к которому относится современный российский уголовный процесс, регламентированный нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Понятие доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации чрезмерно широкое и неопределенное: под ними подразумеваются «любые сведения», что не позволяет четко разграничить в доказывании объективное, фактическое и субъективное. Между тем уголовно-процессуальные доказательства, по мнению авторов, непременно должны иметь объективную основу как результат адекватного отражения объективной (фактической) реальности. Фундамент гносеологии (теории познания) всегда должна составлять материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях, а не сознание, которое предстает как индивидуальный или коллективный опыт, «юридическая реальность», «уголовно-процессуальная реальность», отражающие идеалистические подходы в уголовном судопроизводстве. В статье также показано, что в состязательном уголовном процессе допустимы и софизмы, софистические уловки как доказательства, поскольку в нем «разрешено все, что не запрещено законом». Цель состязательного процесса состоит не в том, чтобы достоверно, объективно-истинно доказать, что было на самом деле (достоверно раскрыть преступление), а в том, чтобы разрешить уголовное дело в пользу сильной стороны. С авторской позиции объективно-истинная модель уголовного процесса — это более высокий и справедливый тип уголовного процесса, чем современный состязательный (выигрышно-проигрышный) уголовный процесс, в котором торжествует «право и справедливость сильного», а не правого.

Ключевые слова: диалектическая гносеология, теория отражения, объективная (фактическая) истина, формально-юридическая истина, объективная, фактическая реальность, «уголовно-процессуальная» реальность, юридические доказательства, софистика, состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного процесса, объективно-истинная модель уголовного процесса.

G. A. Pechnikov, A. I. Zemenkov, E. V. Kokareva

EVIDENCE, OBJECTIVE (ACTUAL) AND FORMAL LEGAL TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article on the basis of the dialectical materialist methodology (the theory of knowledge and the theory of reflection) shows the fundamental difference between objective (actual) truth from the formal legal, peculiar to the adversary-type criminal process, which includes the modern Russian criminal process regulated by the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The concept of evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is excessively broad and indefinite: it means “any information”, which does not allow a clear distinction in proof between objective, factual and subjective. Meanwhile, criminal procedural evidence, according to the authors, must necessarily have an objective basis as a result of an adequate reflection of objective (factual) reality. The foundation of epistemology (theory of knowledge) should always be matter — objective reality, given to us in sensations, and not consciousness, which appears as an individual or collective experience, “legal reality”, “criminal procedural reality”, reflecting idealistic approaches in criminal justice. The article also shows that in an adversary criminal process, sophisms are also admissible, sophistic tricks as evidence, since it “allows everything that is not prohibited by law”. The purpose of the adversary process is not to reliably, objectively and truly prove what was really (reliably solve the crime), but to resolve the criminal case in favor of the strength. From the author’s point of view, an objectively true model of the criminal process is a higher and more just type of criminal process than the modern adversary (winning-losing) criminal process, in which the “right and fairness of the strong” and not the right triumph.

Key words: dialectical epistemology, theory of reflection, objective (factual) truth, formal legal truth, objective, factual reality, "criminal procedure" reality, legal evidence, sophistry, competitive (winning-losing) type of criminal process, objective-true model of the criminal process.

Слово «факт» воспринимается как нечто объективное, не зависящее от субъекта. «Фактическое» — это то, что существует или существовало на самом деле (не субъективное усмотрение, не вымышленное, не кажущееся, а действительное). И для установления объективной истины по уголовному делу требуется фактическая (объективно-фактическая) основа. Очевидна неразрывная взаимосвязь объективных фактов с объективной истиной и, наоборот, объективной истины с реальными, действительными фактами. Юридическое процессуальное право не может обойтись без объективных (реальных) фактов, фактических доказательств и объективной истины, причем под фактами (объективными, реальными) в уголовном процессе мы понимаем два вида фактов. Во-первых, доказывать по уголовному делу необходимо только фактическое — факт объективной реальности (преступление как факт реальной действительности, то, что было на самом деле). Во-вторых, доказательства, посредством которых устанавливаются фактические обстоятельства случившегося, должны также иметь *фактическую основу*. «Фактическое» допустимо доказывать только фактическим.

Важно объективно изучать и устанавливать реальные факты. Доказательства по уголовному делу должны действительно адекватно, точно отражать факт объективной реальности. В этом суть и залог подлинно объективного доказывания. Только с помощью доказательств, имеющих фактическую основу, можно установить то, что было на самом деле — объективную истину. Таким образом, мы видим тесную диалектическую связь между целью доказывания и средствами ее достижения: характер получаемого в ходе доказывания знания предопределяет особенности используемых для установления истины познавательных средств, каковыми в уголовном процессе выступают доказательства.

Однако картина резко меняется, если во главу угла в уголовном процессе ставить не достоверное, объективно-истинное установление факта объективной реальности путем познавательного движения от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, от версии к объективной истине, а выигрыш дела более сильной стороны в состязательном процессе, когда вместо объективной истины по делу устанавливается «истина силь-

нейшего» (формально-юридическая, вероятная), которая может не соответствовать тому, что было на самом деле в реальной действительности.

Достижение объективной истины по делу и выигрыш дела в противоборстве сторон обвинения и защиты — это разные вещи.

Следует иметь в виду, что объективная истина не может быть дана в «готовом виде», она не может презюмироваться и выигрываться состязательно, поскольку всегда доказывается объективно. Истина есть процесс постепенного постижения [1, с. 16]. Остановимся на этом подробнее.

Фактический подход к предмету доказывания и к доказательствам отличается от чисто *юридического*, *формального* подхода, когда исключительно юридическими доводами можно доказать все, что угодно, если исходить из того, что все реально, относительно, условно. Можно юридически доказать, что конкретное лицо совершило преступление, хотя в действительности это лицо данного преступления не совершало.

Тенденциозно подобранные доказательства могут «извратить» подлинную суть дела и привести к нарушению прав личности в уголовном процессе, нивелированию их подлинной ценности. В уголовном процессе, где все относительно, релятивно, важна формальная доказанность обстоятельств дела, юридически правильно оформленные сведения, внешне соответствующие требованиям закона. Но это не фактическая доказанность фактических обстоятельств дела. Формально-юридический (вероятный) и фактический (достоверный) виды доказывания необходимо четко различать. Более того, анализ текста уголовно-процессуального закона позволяет увидеть это сущностное отличие.

Для сравнения: в ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее — УПК РСФСР) два значимых вопроса, которые разрешались судом при постановлении приговора, звучали так: 1) *имело ли место деяние*, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) *совершил ли это деяние подсудимый* — т. е. действительно ли это было на самом деле — в реальной действительности. Такие формулировки закона демонстрируют «фактический подход» к доказыванию по уголовному делу, соответствующий объективной истине.

Несколько иначе, с другим смысловым оттенком, изложены данные вопросы для суда, поста-

новляющего приговор по уголовному делу в состязательном процессе. Так, ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предписывает суду разрешать вопросы в следующей форме:

- 1) *доказано ли*, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- 2) *доказано ли*, что деяние совершил подсудимый.

Налицо «чисто юридический подход», применение которого в конкретном уголовном деле может привести к тому, что знание суда о происшедшем в прошлом событии не будет соответствовать фактам объективной реальности, поскольку в состязательном уголовном процессе важна формальная юридическая доказанность сама по себе. По уголовному делу устанавливается вероятная, формально-юридическая (судебная) истина. Это весьма точно подметил Д. П. Туленков, оттеняя юридическую сущность истины в состязательном уголовном процессе: «Содержание правовой истины в рамках уголовного судопроизводства в большей степени сводится к внутренней согласованности и логической непротиворечивости системы утверждений при наличии содержательных вероятностных связей между ними (принцип когеренции), чем к соответствию полученного судом знания объективному положению дел предметного мира, в частности исследуемым событиям, связанным с предъявленным лицу обвинением» [2, с. 10].

Как видим, в процессе установления «правовой истины» в состязательном уголовном судопроизводстве «юридическое» берет верх над «фактическим». Вследствие этого, «юридическое» начинает «жить» своей собственной самостоятельной жизнью, отличной и независимой от «фактического». Другими словами, процессуальная форма в состязательном процессе имеет самодовлеющее значение, т. е. форма, юридическая процедура в нем выше объективной истины. Перед правоприменителем не ставится задача установления сведений, адекватно отражающих объективную реальность. Его миссия вполне конкретна: соблюсти все необходимые формальные требования при формировании доказательств и их использовании для обоснования процессуально значимых решений.

В состязательном уголовном процессе, регламентируемом действующим УПК РФ, вопрос ставится с позиции «приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [3, с. 8—9].

По большому счету в уголовном процессе объективно необходимы именно факты. Правоприменитель, принимая решения в ходе производства по уголовному делу, должен исходить только из фактов. Только путем изучения фактических обстоятельств дела устанавливается объективная истина — неперенный атрибут справедливого правосудия.

Кстати, принципиальное отличие объективной истины от формально-юридической, правовой истины — это тоже факт, с которым нужно считаться.

Однако в настоящее время объективную истину пытаются вытеснить из юридической сферы, где ее присутствие закономерно. «Такой сферой, — по справедливому утверждению Г. В. Мальцева, — является, например, судебно-процессуальная деятельность в части, касающейся установления фактов, обстоятельств рассматриваемых в суде дел. Свой приговор или решение суд основывает на объективном и полном исследовании обстоятельств дела, или, если использовать логическую терминологию, на *суждениях о фактах*, а это классический тип суждения, к которому применим критерий истинности. Тем не менее в действующем Уголовно-процессуальном кодексе (2001 г.) снято упоминание об истине как принципе правосудия, который был закреплен в предыдущих кодексах. Не оказалось в нем и статьи, обязывающей суд принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Многие новые институты уголовного процесса, похоже, намеренно не содействуют достижению истинности, полноты и объективности картины совершенного преступления» [4, с. 77].

И далее: «Когда некоторые юристы сегодня позволяют себе высказывания вроде: „поиск истины в правосудии — химера“, это серьезный симптом регресса правовой мысли. Право остается во власти науки и научных парадигм в части, касающейся юридических фактов, событий, явлений, предметов, действий, даже ценности и нормы, если отвлечься от их (должного) содержания, можно по форме рассматривать как факты, наличествующие в мире. Силу такой власти, видимо, не представляют себе люди, пытающиеся изгнать истину из права и правосудия. Истина и ложь существуют не сами по себе, а как признак или качество юридического знания. Есть истинное и ложное знание; в любом знании, включая ценностное и нормативное, имеются онтологические аспекты, к которым можно применить наш критерий» [4, с. 78].

Отрицание объективной истины есть агностицизм и субъективизм. Если объективная истина — это «химера», то, стало быть, нет места ничему объективному. Тогда в уголовном процессе закономерно торжествует субъективное, личное усмотрение правоприменителя, оформленное по правилам действующего закона, формально, а не содержательно, соответствующее его требованиям. В таком уголовном процессе нет места подлинной достоверности. Вероятность становится пределом познания, она кладется правоприменителем в основу принимаемых им решений.

Для нас важно, что объективная истина есть результат адекватного, точного отражения объективной (фактической) реальности, существующей независимо от субъекта, человека и человечества. Соответственно, и объективная истина как знание, полученное в результате отражения объективной реальности, представляет собой такое содержание, которое не зависит от ни субъекта, ни от человека, ни от человечества.

Итак, объективная реальность и объективная истина — это сфера объективного, фактического, а не субъективного. Мы познаем эту объективную реальность (материю) и устанавливаем объективную истину по уголовным делам с помощью доказательств — определенных информационных носителей, которые адекватно отражают объективную реальность. Каждое доказательство отражает конкретную сторону или частичку этой объективной, фактической реальности. Доказательства как свободные от всего субъективного являются объективными сведениями об объективной реальности (факте преступления), которые обладают фактическим содержанием, также не зависящим от субъекта, человека и человечества. В этом их доказательственная объективно-истинная ценность.

Фактические доказательства, как верно отражающие объективную реальность (факт объективной реальности), должны обладать объективно-истинной достоверностью, иначе они не подлинны доказательства, т. е. доказательства по уголовному делу тоже должны относиться к объективно-фактической сфере. Нечто объективно-истинное можно установить только с помощью объективно-фактического (фактических доказательств), а не субъективного, надуманного, кажущегося.

Таким образом, доказательства должны выступать «сведениями о фактах» объективной реальности (к которым относится и факт преступления), быть «*фактическими данными*» о преступном деянии, объективно информировать о нем или об отсутствии его как такового. Субъективизм и фак-

тические доказательства по уголовному делу — вещи несовместимые. В этом плане понятие доказательств, которое было закреплено в ст. 69 УПК РСФСР и определяло их как «любые фактические данные» (или данные о фактах объективной реальности), на наш взгляд, верно, поскольку точно выражает объективную, фактическую сущность доказательств (такими они и должны быть на самом деле), четко отличающуюся от всего субъективного, чего нельзя сказать о понятии доказательств, которое дано в ч. 1 ст. 74 действующего УПК РФ (доказательства определяются как «любые сведения»). С нашей точки зрения, в УПК РФ понятие доказательств широкое и неопределенное и не позволяет четко разграничить объективные, фактические и субъективные сведения. Однако, как представляется, легальная дефиниция уголовно-процессуальных доказательств ввиду ее большого идеологического и инструментального значения должна четко и бескомпромиссно закреплять это различие. Иначе затрудняется процесс правоприменения, в доказывании появляется субъективизм, по уголовному делу выносятся решения, которые весьма далеки от объективной истины. В связи с этим можно задать вопрос: «ложный донос» или субъективная «софистическая уловка» охватываются понятием доказательств, под которыми подразумеваются «любые сведения»? Положительный ответ очевиден. Тогда можно осуществлять процесс доказывания не только «фактическими данными», но и не фактическими данными — «любыми сведениями». Но такова сущность состязательного уголовного процесса, не приемлющего объективную истину, — в нем допустимо оперировать не фактическими данными, а любыми сведениями, которые не имеют ничего общего с объективной реальностью, а только формально соответствуют внешним атрибутам доказательств.

Диалектико-материалистическая методология, которой мы руководствуемся, исходит из *теории познания* (т. е. из возможности объективного, достоверного познания законов природы и общества, возможности раскрыть суть явлений и вещей) и *теории отражения*, согласно которой объект познания существует независимо от субъекта. Объект с субъектом нельзя отождествлять.

Объективная истина означает верное отражение в сознании человека объективной действительности, того, что существует вне сознания воспринимающего человека и независимо от него [5, с. 17]. Истина извлекается из фактов.

Если же мы отказываемся от теории отражения, не приемлем ее, то тогда невозможна по определению сама постановка вопроса и об объек-

тивной истине, о том «А как на самом деле?». Объективная истина — это истина, основанная на фактах объективной реальности или «фактическая истина».

Отказ от принципа отражения ведет к субъективной интерпретации событий и фактов. У каждого может быть своя интерпретация реальности. И тогда речь может идти лишь о вероятности, о правдоподобию, но не о достоверности.

Интерпретация — это всегда правдоподобие, отказ от принципа отражения. Если знание правоприменителя о преступном событии основывается не на закономерностях теории отражения, то он не получает объективную истину в ходе познания события прошлого. Его знание в таком случае является собой интерпретацию событий и фактов в той версии, которая кажется наиболее правдоподобной следователю, дознавателю. При отрицании теории отражения отрицается и объективная реальность, которая служит источником объективного, достоверного познания. Тогда за первооснову берется не объективная реальность, а «юридическая (правовая) реальность» [6, с. 241], «уголовно-процессуальная реальность» [7, с. 8], которые предстают для познающего субъекта итогом интерпретации «любых сведений», полученных им в ходе уголовного судопроизводства. Данный подход не является материалистическим, он основан на субъективном идеализме. Так, Эрнст Мах считал, что в природе не существует иной реальности, кроме наших ощущений [8, с. 29]. Здесь нет места принципу отражения и объективной истине. Такое понимание характерно, с нашей точки зрения, и для современного состязательного уголовного процесса России. В подтверждение этому приведем следующий тезис: «Судебная истина является гадательным, вероятным знанием. Концепция объективной истины — явление зла, порожденное инквизиционной (а значит, тоталитарной) юридической традицией. Мы не принимаем метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины» [7, с. 12].

А. С. Александров и В. В. Терехин по существу точно выражают вероятностную сущность состязательного уголовного процесса, не приемлющего объективную истину и достоверность познания: «Судебная истина есть результат судебного разбирательства (судебной аргументации). Она — в голове у судьи, это состояние его внутреннего убеждения. Судебная истина — это юридическая истина, ее действительность — в законе, ее разумность — в отсутствии разумных сомнений. Судебная истина

должна быть правдоподобной, а наиболее правдоподобно то, что ближе всего к знакомому, обычному, повседневному. Потому в области судебной аргументации в качестве индикатора истины выступают здравый смысл и общественное мнение» [7, с. 13].

В состязательном уголовном процессе, в котором нет объективной истины, все становится релятивным, относительным. Права личности в нем — не абсолютная (как в объективно-истинной модели уголовного процесса), а относительная ценность, поскольку все определяется и зависит от силы сторон: сильный выигрывает, а слабый проигрывает. «Состязательно-выигрышная» истина всегда на стороне победителя. В действительности виновный может оказаться сильнее и выиграть процесс (дело), а невиновный, оказаться слабее и проиграть дело.

Релятивизм (все относительно) состязательного уголовного процесса красноречиво выражен в следующем утверждении: «Оппозиция ложь/истина относительна („истина — ложь, вывернутая наизнанку“ (Ж. Деррида)). Особенно это актуально для уголовного судопроизводства. Мера лживости и истинности „правдоподобного“ утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности» [7, с. 12].

Итак, «убедительность» (убедительность аргументации) в состязательном уголовном процессе становится своеобразным «доказательством» (дополнительным доказательством), с нашей точки зрения, позволяющим стороне выиграть дело в поединке противоборствующих сторон в свою пользу, убедить суд в своей правоте. Насколько эти убедительные аргументы, доводы выражают действительное, истинное положение дел, для состязательного уголовного процесса, вопрос второстепенный.

Следует иметь в виду, что убедительными (и даже весьма убедительными) в процессе доказывания в состязательном (выигрышно-проигрышном) судопроизводстве могут быть различные словесные уловки — софизмы — выдвигаемые в обоснование своей позиции. Ведь софистика не запрещена уголовно-процессуальным законом, а «что не запрещено, то разрешено».

Софистическая уловка (например, подмена тезиса) в состязательном уголовном процессе неизбежно приобретает доказательное значение, ведь софизмы вполне вписываются в понятие доказательств как «любых сведений» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). С учетом этого можно сказать, что в состязательном уголовном процессе может устанавливаться

«софистическая истина», если победа над своим профессиональным противником одержана стороной на основе софистических приемов и ухищрений.

Естественно, софистический довод, аргумент не может быть равен *фактическим доказательствам* — сведениям о фактах объективной реальности, ведущим к установлению объективной истины по уголовному делу. Но для состязательного уголовного процесса объективная истина совсем не обязательна, а важен выигрышный результат сам по себе.

В состязательном уголовном процессе важно искусство спора (эристика), умение победить своего процессуального противника в споре, переговорить его. Выигрыш дела — за сильнейшим, чья аргументация окажется в процессе судебного разбирательства более убедительной, чья интерпретация событий будет вне разумного сомнения. Вообще для эристики характерна произвольная игра словами ради спора и без всякого желания формулировать истину. Так, античные софисты в Древней Греции обучали отыскивать различные точки зрения, с которых можно рассматривать вещи, а эти различные точки зрения, по сути, прежде всего, ни что иное, как аргументы, доводы, основания. Но поскольку, как подчеркивал Гегель, «основание еще не имеет в себе и для себя определенного содержания и можно так же легко находить основания для безнравственных и противоправных действий, как для нравственных и правовых, постольку решение того, какие основания должны быть признаны имеющими значение, оказывается предоставленным субъекту. От его индивидуального устроения и индивидуальных намерений зависит, какому основанию он отдаст предпочтение. Этим подрывается объективная почва того, что имеет значимость в себе...» [1, с. 285]. Основания (доводы, аргументы) можно подобрать решительно для всего на свете. При помощи софистики можно доказать что угодно. Сократ, как известно, вел борьбу с софистами. Он диалектически вскрывал несостоятельность одних лишь оснований (аргументов, доводов) и в противовес последним выдвигал «общие понятия»: справедливость, добро, истину. Софисты объективной истины не признавали, так как считали, что у каждого свое мнение, своя «истина», «человек — мера

всех вещей». Для софистов все относительно, релятивно.

В свое время немецкий философ-иррационалист А. Шопенгауэр написал книгу «Искусство побеждать в спорах» — руководство по ведению диспутов. В этом произведении автор ставит целью победу в споре и дает конкретные, не лишённые софистики рекомендации для ее последовательного достижения. По его мнению, для того чтобы одержать победу в споре, необязательно быть фактически правым, нужно лишь использовать некоторые приемы. Он приводит более 30 так называемых уловок, среди которых подмена тезиса, уход от предмета обсуждения в другие сферы, выведение противника из себя, недопущение верных аргументов, если они могут привести к неблагоприятным выводам, и т. д. [9, с. 7].

Современный УПК РФ, с нашей точки зрения, предрасположен к софистике в силу отказа от объективной истины. Софистика идеализируется. Не случайно профессора А. С. Александров и В. В. Терехин в своем «Манифесте критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права» утверждают: «Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации... Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек» [7, с. 12].

Спрашивается, может ли быть полноценным и по-настоящему удовлетворять социальные запросы общества уголовный процесс, построенный на софистике, на доказательствах-уловках, процесс, который уводит в сторону от объективной реальности, в котором форма, процедура выше истины, процесс, в котором торжествует право и справедливость сильного, а не правого?

По нашему мнению, объективно-истинная модель уголовного судопроизводства с объективной, фактической истиной и доказательствами, понимаемыми как «фактические данные», — это более высокий, современный и справедливый тип (вид) уголовного процесса, чем состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного судопроизводства.

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975.

2. Туленков Д. П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием

1. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophy. Volume 1. The science of logic. Moscow; 1975.

2. Tulenkov D. P. Cognitive activity in the production of criminal cases involving jurors. Ab-

присяжных заседателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017.

3. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.

4. Мальцев Г. В. Социальное основание права. М., 2007.

5. Петрухин И. Л. Истина, достоверность и вероятность в суде // Юридический мир. 2003. № 8. С. 17—25.

6. Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. М., 1996. Вып. I. Ч. 2.

7. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из Манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: «Юриспруденция». 2015. № 1 (26). С. 8—14.

8. Цит. по: Моисеев Н. Н., Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

9. Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. М., 2016.

© Печников Г. А., Земенков. А. И.,
Кокарева Е. В., 2019

Печников Геннадий Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: shmel82@list.ru

Земенков Александр Иванович,
преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Волжского филиала
Международного юридического института.

Кокарева Елена Валерьевна,
доцент кафедры
гражданского права и процесса
Волжского филиала
Международного юридического института
кандидат юридических наук.

tract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd; 2017.

3. Mikhailovskaya I. B. Handbook of a judge for evidence in criminal proceedings. Moscow; 2006.

4. Maltsev G. V. Social basis of law. Moscow; 2007.

5. Petrukhin I. L. Truth, credibility and probability in court. Legal world. 2003; 8: 17—25.

6. Competitive Justice: the works of scientific laboratories. Moscow, 1996; Vol. I; Part 2.

7. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. Five Theses from the Manifesto of Critical Legal Studies of Russian Criminal Procedure Law. Bulletin of Volgograd State University. Series 5: "Jurisprudence". 2015; 26 (1): 8—14.

8. Quoted from: Moiseev N. N. Universum. Information. Society. Moscow; 2001.

9. Schopenhauer A. The art of winning in disputes. Moscow; 2016.

© Pechnikov G. A., Zemenkov. A. I.,
Kokareva E. V., 2019

Pechnikov Gennady Alexeevich,
professor at the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: shmel82@list.ru

Zemenkov Alexander Ivanovich,
lecturer of the criminal law studies department
of Volzhsky branch of the International
Law Institute.

Kokareva Elena Valerevna,
associate professor at the department
of civil law and process
of Volzhsky branch of the International
Law Institute.
candidate of juridical sciences.

УДК 343.91
ББК 67.512

DOI 10.25724/VAMVD.IDEF

О. В. Плешакова

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье посредством описания предкриминального, криминального и посткриминального поведения раскрывается личность преступника, совершающего посягательства в отношении сотрудника органов внутренних дел.

Автором установлено, что совершение рассматриваемых преступлений не типично для преступных групп, несовершеннолетних и пожилых людей. Типичным лицом, совершающим данные преступления, является мужчина от 24 до 45 лет, пребывающий в состоянии алкогольного опьянения, привлекаемый к административной ответственности, работающий в сфере обслуживания и материального производства, ведущий добропорядочный образ жизни и положительно характеризующийся по месту жительства и работы, имеющий среднее или среднее специальное образование, в половине случаев не прошедший жизненных инициаций в виде военной службы, супружества и рождения детей. Указанным лицам свойственен правовой и бытовой инфантилизм, а также самокритичность, что показывает их посткриминальное поведение.

В качестве отдельных типов преступников, совершающих посягательства на сотрудников полиции, можно выделить ранее судимых лиц и женщин. Указанные группы лиц в силу полученного жизненного опыта имеют устойчивые, но скрытые антисоциальные установки (общие и правовые: негативизм, нигилизм, эгоцентризм, радикализм, популизм), высвобождающиеся в состоянии алкогольного опьянения при возникновении конфликтной ситуации с сотрудниками органов внутренних дел.

Ключевые слова: личность преступника, криминалистическая методика, насильственные преступления, совершаемые в отношении сотрудников органов внутренних дел, особенности преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами и женщинами.

О. V. Pleshakova

PERSONALITY OF THE CRIMINAL WHILE COMMITTING ENCROACHMENT UPON LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article deals with personality of the criminal while committing encroachment upon a law enforcement officer taking into account pre-criminal, criminal and post-criminal behavior features.

The author of the article proves the commission of the mentioned crimes to be not typical for criminal groups, minors as well as aged people. A typical person who commits such crimes is said to be a person of 24 up to 45 years old being under the influence of alcohol, brought to administrative responsibility, working in the service and material production sphere, conducting a respectable lifestyle, positively characterized at the place of his residence and work, having secondary education or specialized secondary one, not having had such life steps as military service, marriage or children. These individuals are characterized by legal and domestic infantilism as well as self-criticism as their post-criminal behavior demonstrates.

These groups of persons due to their life experience, education and position in society have stable, but hidden antisocial orientations (general and legal: negativism, nihilism, egocentrism, radicalism, populism) that are released under the influence of alcohol and lead to committing a crime during a conflict with law enforcement officers.

Key words: personality of a criminal, criminalistics method, violent crimes committed against law enforcement officers, specifics of crimes committed by persons having been convicted earlier and women.

Сегодня в криминалистике понятие «личность преступника» охватывает систему биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств человека, сведения о которых отражаются в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [1].

Необходимость изучения личности преступника обусловлена не только криминалистическими задачами, но и требованиями ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) об установлении обстоятельств, характеризующих личность преступника, и его виновности, в которую включаются цель, мотив и форма вины.

Поскольку личностные качества хорошо проявляются в экстремальных ситуациях, в нашем случае — в конфликтах с представителями власти, акцентуация личности преступников будет раскрыта нами через описания их предкриминального, криминального и посткриминального поведения.

Как было выяснено в процессе проведенного исследования по специально разработанной программе (нами были изучены и проанализированы 572 уголовных дела (604 эпизода преступной деятельности), возбужденных и оконченных производством по ст. 294—296, 317—319 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), за последние 10 лет в различных регионах России), групповое причинение насилия или угрозы насилия не являются характерным преступлением в отношении сотрудников ОВД. Нами выявлено всего 1,9 % групповых преступлений от общего количества исследованных уголовных дел, при этом 36,4 % таких преступлений было совершено женщинами.

Случаи привлечения несовершеннолетних лиц (от 16 до 18 лет) к уголовной ответственности за посягательства на сотрудников полиции не обнаружены. Другие исследователи также говорят о малом количестве преступлений несовершеннолетних против представителей власти (1—2 %) [2, с. 17]; [3, с. 12]. Случаи нападения на полицейских со стороны несовершеннолетних носят единичный характер и совершаются, как правило, в целях самоутверждения. Приведем пример. *Командир*

строевого подразделения полиции находился на Манежной площади в связи с выполнением своих служебных обязанностей, когда ему нанесли сильный удар в область спины. Неизвестный, которым оказался учащийся 11 класса одной из московских школ, пытался скрыться, но был задержан коллегами пострадавшего. По подозрению в причастности к происшествию были задержаны два школьника, ударившие полицейского. Выяснилось, что напавший подросток «сделал все согласно договоренности с другими подростками», проиграв некий спор [4].

Нами замечено, что пожилые люди (после 50 лет) практически не совершают преступных посягательств в отношении представителей власти.

В трех случаях сами сотрудники ОВД стали виновными в нападении на полицейских: в двух — при разбирательстве в связи с совершенными ими дорожно-транспортными происшествиями, в одном — во время задержания за получение взятки.

Большая часть посягательств на сотрудников ОВД была совершена мужчинами — 84,3 %, из них в 73,2 % случаев они находились в состоянии алкогольного опьянения. Вообще в таком состоянии совершается абсолютное большинство исследуемых нами преступлений — 75 %.

В 9,3 % случаев применяется насилие, опасное для жизни и здоровья сотрудника ОВД. Это характерно именно для мужчин, ими совершено 45 таких преступлений из 46.

Наиболее часто поводом для обращения полицейского к будущему преступнику является административное правонарушение (86,5 %). При этом в 21,7 % случаев административные правонарушения не были самостоятельно квалифицированы и рассматривались как часть преступления, что, на наш взгляд, нарушает законность в части разделения административной и уголовной ответственности, либо протоколы о совершении виновными административного правонарушения не были приобщены к материалам уголовного дела, что является процессуальным нарушением в части установления всех обстоятельств дела. Кроме того, нередко оставалось без административно-правовой оценки воспрепятствование исполнению сотрудником полиции своих служебных обязанностей, в то время как невыполнение законных требований сотрудников полиции квалифицировалось как административное правонарушение. По нашему мнению, это связано:

— с психологическими особенностями восприятия сотрудниками полиции своих действий как справедливых или несправедливых при их зеркальном проецировании в сложившейся ситуации (например, реакция родственников и близких на задержание правонарушителя);

— недостаточной научной разработкой и законодательной регламентацией права и пределов гражданского неповиновения и законного противодействия деятельности государства. В ситуации нестандартного воспрепятствования деятельности полицейского (например, пассивного противодействия) у него создается неуверенность в правомерности своих действий, поэтому он предпочитает не акцентировать внимания на правонарушении, послужившем поводом для совершения преступления в отношении него;

— в 6,1 % случаев сотрудники полиции на основании статьи 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) при малозначительности совершенного административного правонарушения (курение в общественном месте, употребление нецензурного выражения и т. п.) пытались ограничиться устным замечанием, однако такая лояльность не было воспринята нарушителем адекватно.

Среди других поводов для первичного контакта сотрудника полиции с лицом, которое в будущем посягнет на безопасность первого, можно назвать:

— нарушение иных правовых актов государственных и муниципальных органов власти, норм морали и нравственности, не повлекших привлечения виновного к уголовной, административной или дисциплинарной ответственности (например, Федерального закона «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ, приказов федеральных ведомств и муниципальных органов о правилах пользования общественным транспортом и объектами транспортной инфраструктуры, правил поведения в местах задержания и т. п.), — 8,7 %;

— действия сотрудников полиции по установлению и задержанию виновного лица в связи с ранее совершенным им преступлением — 4,7 %. Как правило, это насильственные (ст. 111, 112, 116, 119, 213 УК РФ) или имущественные (ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ) преступления.

Таким образом, типичным преступником, совершающим насильственные действия против сотрудников полиции, является мужчина в состоянии алкогольного опьянения, в возрасте от 24 до 45 лет, работающий в сфере обслуживания и материального производства (охранник, сторож, бармен, мастер-ремонтник, разнорабочий и т. п.), ве-

дущий добропорядочный образ жизни и положительно характеризующийся по месту жительства и работы, имеющий среднее или среднее специальное образование (71 %), женатый (51 %), в 56,5 % случаев не имеющий малолетних детей.

Среди перечисленных социальных характеристик наиболее определяющей является отсутствие у большинства виновных гуманитарных и правовых знаний, достаточных для адекватного общения с представителями власти, что обусловлено их средним или средним специальным образованием, а также (в половине случаев) отсутствие социально сдерживающих и гармонизирующих факторов в виде супруги и детей.

В совокупности указанные социальные характеристики говорят о преступнике как о социально незрелом члене общества (социальная зрелость рассматривается как «устойчивое состояние личности, характеризующееся целостностью, предсказуемостью, социальной направленностью поведения во всех сферах жизнедеятельности. Это личность, которая активно владеет своим окружением, обладает устойчивым единством личностных черт и ценностных ориентаций и способна правильно воспринимать людей и себя [5, с.177]), не обладающем достаточным жизненным опытом и набором правовых знаний и навыков, необходимых для признания самим себя и со стороны окружающих полноправным гражданином, в половине случаев не прошедшем жизненных инициаций в виде военной службы, супружества и рождения детей. В то же время названные лица не лишены самокритики как наиболее важного показателя характера, поскольку, как нами выяснено, большинство уголовных дел заканчивается полным признанием вины.

К отдельным типам преступников, совершающих посягательства на сотрудников полиции, можно отнести ранее судимых лиц и женщин. Их общий и правовой инфантилизм не является определяющей чертой личности в силу полученного жизненного опыта, однако алкогольное опьянение, в котором они чаще всего совершают рассматриваемые преступления, высвобождает их устойчивые антисоциальные установки, выражающиеся в правовом негативизме, правовом нигилизме, правовом эгоцентризме, негативно-правовом радикализме, спекулятивно-правовом популизме [6].

Женщинами совершается 15,7 % преступных посягательств в отношении сотрудников ОВД (каждое седьмое преступление).

Шесть преступлений (6,6 %) были совершены ранее судимыми женщинами с устоявшимся пре-

ступным поведением (как правило, они ведут маргинальный образ жизни), находившимися в состоянии алкогольного опьянения.

Большинство женщин, совершивших посяательства на сотрудников полиции, временно не работали, работали неофициально или являлись домохозяйками (66,6 %), остальные были заняты в сфере обслуживания, требующей активной коммуникации с людьми (продавцы, менеджеры и консультанты), или имели рабочие профессии (маляр, штукатур, уборщица). Почти половина из них воспитывали от одного до четырех малолетних и несовершеннолетних детей (44,4 %).

Подавляющее большинство преступлений (84,4 %) совершены женщинами в состоянии алкогольного опьянения. Трезвые женщины, попадающие в острые конфликтные ситуации с правоохранителями, обычно не относят себя к маргинальным слоям общества, требуют к себе уважительного отношения со стороны полиции. Поводом для конфликтов с женщинами в состоянии алкогольного опьянения были такие правомерные действия полицейских, как проверка условий жизни несовершеннолетних, проведение личного досмотра, попытка изъять спиртосодержащую продукцию у продавца киоска, проверка миграционного режима, пресечение незаконного сбора пожертвований, пресечение уголовно наказуемого хулиганства, отказ инспектора ГИБДД внести заведомо недостоверные сведения в документы о дорожно-транспортном происшествии, пресечение мелкого хулиганства на избирательном участке, недовольство действиями следователя, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела.

Женщина, как правило, не выступает инициатором конфликта с полицией (только в одном из 90 исследованных нами случаев ранее судимая пьяная женщина спровоцировала конфликт, когда разбила камнем окно в здании полиции [7]). Обратное наблюдается лишь тогда, когда она пытается воспрепятствовать законным действиям полицейских в отношении ее родственников и знакомых (мужа, детей, друзей). В таких ситуациях для женщин характерно совершение групповых посятельств на сотрудников полиции.

Обычно женщины применяют насилие, не опасное для жизни и здоровья правоохранителей, пытаются вербально и невербально (ударами по лицу, плевками) оскорбить полицейских, посредством укусов, ударов, толчков избежать законных действий, направленных на ограничение свободы их передвижения.

При исследовании процентного соотношения посятельств, совершенных женщинами, с общим количеством посятельств, совершенных в отношении сотрудников ОВД, мы выявили некоторые закономерности:

— женщинами совершено три из четырех посятельств на следователей, что, на наш взгляд, обусловлено полом потерпевших: должности следователей, дознавателей и инспекторов по делам несовершеннолетних нередко занимают тоже женщины, поэтому они входят в группу риска;

— женщинами совершено каждое четвертое преступление в отношении сотрудников дежурной части (5 преступлений из 21). Анализ обстоятельств уголовных дел показывает, что женщины болезненно воспринимают ограничение их прав на неприкосновенность (осмотр, задержание, помещение в камеру), к тому же помещение дежурной части, как правило, является местом разбирательства ранее произошедших конфликтов, куда женщины прибывают в психически возбужденном состоянии, часто усугубленным алкогольным опьянением;

— женщинами совершено каждое пятое посятельство на оперуполномоченных полиции (7 преступлений из 36). Типичным является отказ женщины проследовать с оперуполномоченным в помещение полиции для дачи показаний;

— женщинами совершено 42 % посятельств в отношении инспекторов по делам несовершеннолетних. В качестве отдельной категории можно выделить конфликты с женщинами, совершающими правонарушения, которые предусмотрены ст. 5.35—5.37 КоАП РФ. Как правило, это многодетные и одинокие матери, болезненно воспринимающие требования инспекторов по делам несовершеннолетних об обеспечении надлежащего уровня жизни и поведения, растолковывающие указанное как вмешательство в личную жизнь и издевательство над их бедственным и безвыходным положением. Жертвой в таких случаях становятся сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные полиции. Часто посяательства принимают опасные формы: выпады с ножом в руку в сторону сотрудника полиции, удар бутылкой по голове при попытке доставления в дежурную часть ребенка (единственное выявленное нами посятельство со стороны женщины, опасное для жизни и здоровья полицейского);

— в 23,5 % преступлений с материальным ущербом его причинителем была женщина (напомним, что согласно нашему исследованию женщины совершают 15,7 % посятельств на сотрудников

полиции), что делает данный способ совершения преступления характерным для них. Это объясняется аффективностью поведения женщин в стрессовых ситуациях, более продолжительным временем конфликта, небольшими физическими возможностями для нанесения телесного вреда сотрудникам полиции и концентрацией усилий на повреждении иных предметов, связанных с деятельностью полиции (форменной одежде).

Если основываться на показаниях виновных, то причиной их агрессии в отношении сотрудников полиции была болезненная реакция на применение к ним физической силы со стороны полицейских: загиба руки за спину, наручников — и нарушение их личного пространства: проникновение в интимную зону, попытки вытащить из «зоны безопасности» (личной автомашины, квартиры) и поместить в незнакомую среду (помещение полиции, служебный автомобиль).

Как правило, в ходе предварительного следствия женщины сотрудничают с полицейскими и не оказывают им противодействия, в частности, 76,6 % дел были рассмотрены в особом порядке судебного разбирательства (58 уголовных дел) или прекращены за примирением с потерпевшим (10 уголовных дел). Только в шести делах (6,6 %) обвиняемые вину не признали, в пяти (5,5 %) — признали частично. Особенно это характерно для ранее судимых женщин, которые согласно нашим исследованиям в четырех случаях из шести вину признали частично или отказались от дачи показаний.

Непризнание вины обвиняемыми связано либо с их субъективной оценкой законных действий сотрудников полиции как «грубых», «несправедливых», «непорядочных», т. е. нелегитимных (в трех случаях: *полицейский «грубо» вытащил обвиняемую из квартиры за плечо; сотрудник предъявил вместо служебного удостоверения паспорт и выпуску из приказа о назначении на должность, что «не соответствовало ее представлению о сотрудниках правоохранительных органов»; виновная заплатила по счету в кафе, но сотрудники все равно задержали ее вместе с подругой, не оплатившей счет*), либо с прямым оговором сотрудников полиции и их действий (в двух случаях: *со слов виновной, сотрудники ГИБДД остановили ее за управление автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляли, били, снимали на видеокамеру и грозились выложить в Интернет; мать осужденного на длительный срок за незаконное хранение наркотических средств, считая незаконным отказ в возбуждении уголовного дела в отношении со-*

трудников УФСН (служба упразднена Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156), сфальсифицировавших, по ее мнению, уголовное дело в отношении ее сына, обвинила следователя в бездействии и укрывательстве).

Ранее судимыми совершается каждое девятое преступление (11,5 % преступлений) против сотрудников ОВД, как правило, в состоянии алкогольного опьянения. В 9 % случаях ранее судимые применяли насилие, опасное для жизни и здоровья полицейского, что, впрочем, не расходится со средним показателем среди посягательств на полицейских, совершенных мужчинами, т. е. ранее судимые не проявляют большей агрессии в отношении правоохранителей.

В 24 случаях (36,4 %) ранее судимые совершали административные правонарушения (мелкое хулиганство, нахождение в состоянии алкогольного опьянения и распитие спиртных напитков в общественном месте, управление автотранспортом в алкогольном опьянении) и оказывали сопротивление законным действиям сотрудника полиции. В 5 случаях (7,5 %) — посягательство на жизнь или здоровье сотрудников полиции при задержании за ранее совершенное преступление. В 6 случаях (9 %) — срывали с сотрудников полиции погоны, нагрудные знаки, что вполниту (4,5 %) превышает количество подобных действий среди несудимых лиц. Это можно трактовать как непризнание властных полномочий полицейского, отрицание его права на корректировку поведения виновного, презрительное отношение лично к человеку, не имеющему, по мнению виновного, по своим внешним и внутренним качествам права требовать от него должного поведения. Срывая погоны, ранее судимый подсознательно лишает своего оппонента символов власти, старается перевести конфликт из публичной в межличностную сферу (преступник предложил сотруднику полиции снять форму и пообщаться на равных как гражданские лица [8]).

Часто ранее судимые лица выражают свое презрение нанесением сотруднику полиции ударов: в 25 случаях, рассмотренных нами, удары были нанесены в лицо, в трех случаях — в пах.

Согласно нашему исследованию для ранее судимых лиц характерен такой способ совершения посягательства в отношении сотрудника ОВД, как угроза применения насилия (11 случаев из 60). Обычно эти угрозы сопровождаются демонстрацией ножа (6 случаев из 11). Всего нож использовался в 16 (2,8 %) посягательствах на сотрудников

полицейские из 572, совершенных и судимыми, и не судимыми лицами, ранее судимые угрожали ножом 6 раз (10,6 %).

Нередко посягательство на сотрудников полиции со стороны ранее судимых лиц сопровождается особым цинизмом (преступник демонстративно рассыпал марихуану перед полицейскими, в двух из девяти случаев наезда автомобилем на сотрудников полиции виновными оказались ранее судимые лица).

По 10 уголовным делам (15 %) ранее судимые обвиняемые вину не признали: в одном случае лицо сослалось на беспамятство, еще в одном отказалось от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции Российской Федерации, в семи случаях вина была признана частично.

В результате проведенного нами исследования можно выделить два типа преступников, совершающих преступления в отношении сотрудников ОВД. В большинстве случаев это мужчина в возрасте от 24 до 45 лет, пребывающий в состоянии алкогольного опьянения, привлекаемый к административной ответственности, работающий в сфере

обслуживания и материального производства, ведущий добропорядочный образ жизни и положительно характеризующийся по месту жительства и работы, имеющий среднее или среднее специальное образование, в половине случаев не прошедший жизненных инициаций в виде военной службы, супружества и рождения детей. Указанным лицам свойственны правовая и бытовая инфантильность, а также самокритичность, как показывает их посткриминальное поведение.

27,2 % посягательств на сотрудников ОВД совершается ранее судимыми лицами и женщинами. В силу полученного жизненного опыта они имеют устойчивые, но скрытые антисоциальные установки (общие и правовые: негативизм, нигилизм, эгоцентризм, радикализм, популизм), высвобождающиеся в состоянии алкогольного опьянения при возникновении конфликтной ситуации с сотрудниками ОВД. Данные категории преступников наиболее часто противодействуют расследованию: не дают показаний на предварительном следствии, отказываются от своих показаний, не признают или частично признают свою вину.

1. Криминалистическое изучение личности: науч.-практ. пособие / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016).

2. Галимов С. А. Расследование посягательств на жизнь сотрудника милиции: по материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

3. Королев В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

4. Московский школьник на спор ударил полицейского. URL: <https://lenta.ru/news/2019/02/18/spasairossiu> (дата обращения: 22.02.2019).

5. Кон И. С. Социологическая психология. Москва; Воронеж, 1999.

6. Волпенко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000.

7. Приговор Новосибирского районного суда от 28 декабря 2016 в отношении Шпаковой Е. А. № 1-113/17. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2018).

8. Приговор Промышленного районного суда г. Самары от 30 марта 2017 г. URL: <http://sudpraktika.ru> (дата обращения: 02.12.2018).

© Плешакова О. В., 2019

1. Criminalistics examination of personality. Ed. by Ya. V. Komissarov. Moscow: Prospect; 2016.

2. Galimov S. A. Investigation of encroachment on life of a law enforcement officer (according to the materials of the Republic of Dagestan). Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010; 29 p.

3. Korolyev V. V. Criminological characteristics and prevention of encroachment on life of law enforcement officers. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 24 p.

4. A Moscow schoolboy hit a policeman on a dispute. Available from: <https://lenta.ru/news/2019/02/18/spasairossiu>. Accessed: 22 February 2019.

5. Kon I. S. Sociological psychology. Moscow; Voronezh; 1999: 560 p.

6. Voplenko N. N. Legal consciousness and legal culture. Volgograd; 2000: 52 p.

7. Verdict of the Novosibirsk district court of 28 December 2016 regarding E. A. Shpakova on Case 1-113/17. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 2 December 2018.

8. Verdict of the Industrial district court of Samara of 30 March 2017. Available from: <http://sudpraktika.ru/precedent/257747.html>. Accessed: 2 December 2018.

© Pleshakova O. V., 2019

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Плешакова Оксана Владимировна,
начальник отдела правового контроля
правового управления
Главного управления МВД России
по Волгоградской области;
e-mail: okspleshakova1980@yandex.ru

Pleshakova Oksana Vladimirovna,
head of legal control department
of the legal department
of the Main department of the Ministry
of the Interior of Russia of Volgograd region;
e-mail: okspleshakova1980@yandex.ru

* * *

О. А. Решняк

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА
СИНТЕТИЧЕСКИХ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННОГО БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ**

При рассмотрении проблемы борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота синтетических наркотиков следует учитывать, что способы совершения данного вида преступлений меняются. Изучение статистики зарегистрированных и раскрытых преступлений дает возможность лучше понять динамику противодействия преступности. В статье проанализирована ситуация борьбы с распространением и сбытом синтетических наркотиков в России. Значительное влияние на рост преступности в данной сфере оказала новая историческая фаза цивилизации — информационное общество. В связи с этим раскрываемость указанных преступлений снизилась, так как сотрудники правоохранительных органов стали испытывать трудности в поиске следов. Автором изучен и проанализирован бесконтактный способ сбыта синтетических наркотиков, рассмотрен механизм слеодообразования по данной категории преступлений, представлен перечень возможных мест нахождения доказательств, имеющих большое значение для раскрытия преступления.

Ключевые слова: синтетические наркотики, бесконтактный сбыт, борьба с наркопреступностью, компьютерные технологии, закладки-тайники.

О. А. Reshnyak

**ABOUT SOME QUESTIONS OF INVESTIGATION OF ILLEGAL SALE
OF SYNTHETIC DRUGS, COMMITTED A NON-CONTACT WAY**

Considering the problem of combating crime in the sphere of trafficking in synthetic drugs, it should be borne in mind that the methods of committing this type of crime are being improved. The study of statistics of registered and solved crimes in the field of sales makes it possible to better understand the dynamics of the fight against crime. The article analyzes the situation in the fight against the spread and sale of synthetic drugs in Russia. A significant impact on the dynamics of crime in this area has had a new historical phase of civilization — the information society. In this regard, the detection rate of these crimes has decreased, as law enforcement officers began to experience difficulties in finding traces. The author studied and analyzed the contactless method of sale of synthetic drugs and on the basis of it the mechanism of trace formation on this category of crimes is considered, and also versions of possible locations of the proofs which are important for disclosure of crime are offered.

Key words: synthetic drugs, contactless, fighting drug-related crime, computer technology, bookmark-caches.

На протяжении последних десятилетий вопросы наркотизации населения стали серьезной проблемой не только для правоохранительных органов, но и для государства в целом. Число зарегистрированных преступлений в России, связанных с незаконным

оборотом наркотиков, стабильно держится на одном уровне (диаграмма 1). Распространение наркотиков является преступным бизнесом с высокой прибылью.

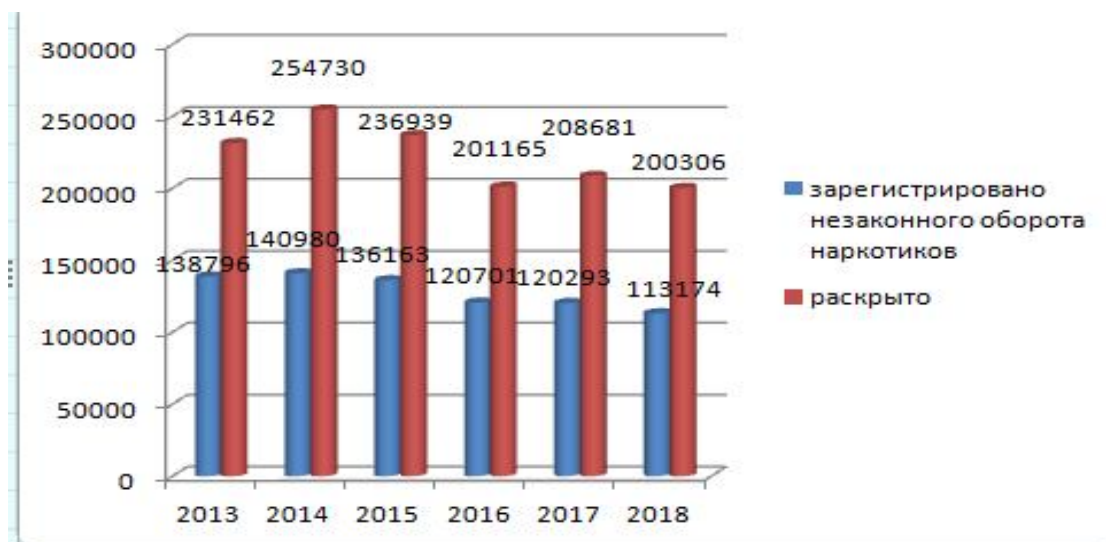

Диаграмма 1. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

В 2013 г. в России было зарегистрировано 231 462 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, из них 108 874 связаны со сбытом. Количество раскрытых общественно опасных деяний составило 138 796, среди которых 33 133 — незаконный сбыт. В 2018 г. в нашей стране было выявлено 200 306 преступлений рассматриваемой категории, из них 112 854 — сбыт. Раскрыто 113 174 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических

средств, в том числе 31 129 фактов незаконного сбыта [1].

Число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным сбытом, на протяжении нескольких лет остается практически неизменным (диаграмма 2), при этом раскрываемость таких деяний стабильно низкая (около 50 % от всех зарегистрированных преступлений, а в сфере незаконного сбыта — в три раза меньше).

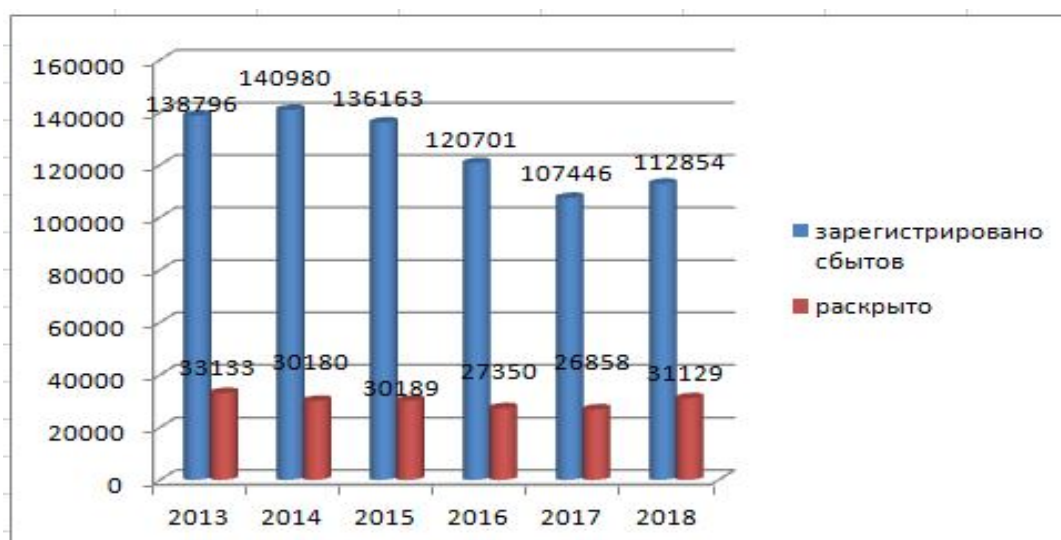

Диаграмма 2. Состояние преступности в сфере незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Это обусловлено, в том числе, тем, что в последнее время все чаще сбыт совершается бесконтактным способом: с использованием мобильных телефонов, планшетов, смартфонов, компьютеров, электронных терминалов, предназначенных для перевода денежных средств, и иных устройств. В рассматриваемой ситуации алгоритм приобретения наркотиков в общем виде выглядит следующим образом:

1. Преступники размещают в сети «Интернет» объявления о продаже наркотиков.

2. Покупатель, заинтересовавшись таким предложением, выходит на связь с продавцом и, согласовав детали, производит оплату через электронные платежные системы: «WebMoney», «Яндекс.Деньги», «Qіwі-кошелек» и др. — либо перечисляет деньги через систему переводов: «WesternUnion», «UNlstream» и т.п.

3. После получения денег продавец отправляет смс-сообщение покупателю о точном месте нахождения наркотика («закладке»), откуда последний самостоятельно забирает его.

В результате личного контакта между сбытчиком и приобретателем наркотиков не происходит, что влечет за собой трудности в доказывании. Кроме того, при совершении анализируемых преступлений организованными группами каждый член такой группы выполняет определенную организаторскую функцию в условиях строжайшей конспирации, что позволяет осуществлять незаконную деятельность в течение длительного времени и значительно снижает возможность привлечения к ответственности всех участников.

Поскольку все действия, связанные с поиском клиентов, перепиской в социальных сетях и мобильных приложениях, производством закладок и т. д., осуществляются курьерами, а переводы денежных средств с электронных платежных систем на счета — с использованием подставных лиц, на которых регистрируются эти счета, в большинстве случаев участники организованной группы не только не обладают информацией о ее руководителе, но и часто не знакомы между собой.

Все абонентские номера (для переписки сбытчика с приобретателем) регистрируются на ранее не знакомых лиц, не осведомленных о деятельности преступной группы. Обычно это лица, злоупотребляющие спиртными напитками, не имеющие постоянного заработка, которые за определенную денежную сумму осуществляют регистрацию на свое имя нескольких сим-карт, затем передают их преступникам. Таким же образом

оформляются банковские пластиковые карты, на которые в дальнейшем приобретатель переводит деньги за покупку наркотика. Сим-карты и банковские счета постоянно меняются.

При общении между собой посредством мобильной связи преступники используют определенные обозначения, кодовые слова, шифры. Как правило, организатор преступной группы находится далеко от места размещения закладки: в другом городе или стране.

Кроме того, при регистрации в электронных платежных системах («Qіwу-кошелек», «Яндекс.Деньги» и т. п.) не требуется подтверждение личности, что позволяет внести вымышленные данные, которые не будут подвергаться проверке.

В последнее время широкое распространение получили синтетические наркотики, производящиеся в лабораториях из различных химических веществ на основе растительных наркотиков, обладающие сильным наркотическим действием и отличающиеся относительно низкой стоимостью. Наиболее ярким примером являются так называемые курительные миксы или смеси, спайсы, соли и т. п. [2]. Это синтетические аналоги марихуаны, например, JWH (джи-ви-аш). Некоторые из них внесены в Список I наркотических средств, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством и международными договорами [3].

С учетом того что рассматриваемые деяния часто совершаются группой лиц, можно выделить несколько уровней преступной деятельности:

— организационно-управленческий — деятельность организатора по осуществлению поставок наркотических средств и их передаче сообщникам для дальнейшего измельчения, взвешивания и расфасовки;

— организационно-обеспечивающий, включающий в себя «диспетчеров», «массажистов». В обязанности первых входит сбор и хранение информации о местах расположения тайников; банковских и иных счетах, на которых хранятся денежные средства, полученные от продажи наркотиков; телефонных номеров продавцов и покупателей. Под «массажистами» понимают лиц, деятельность которых направлена на поиск помещений, а также приборов, технических средств и иного оборудования для удобства приготовления, расфасовки и хранения наркотических средств.

— исполнительский — так называемые «бегуны» — лица, непосредственно доставляющие

расфасованные свертки с наркотическим средством в тайники.

При бесконтактном способе сбыта наркотических средств с использованием современных инновационных технологий в структуру слеодообразования будут входить виртуальные следы, поэтому при расследовании анализируемых преступлений информацию о преступной деятельности нужно искать в компьютерной технике, мобильных средствах связи, на сайтах, где размещаются соответствующие предложения.

По мнению А. Ю. Семенова, следы преступления на компьютере потерпевшего можно обнаружить в таблицах расширения файлов (FAT, NTFS и др.); системном реестре операционной системы; отдельном кластере магнитного носителя информации (винчестер); файлах и каталогах (папках) хранения входящей электронной почты и прикрепленных исполняемых файлов конфигурации почтовой программы; файлах конфигурации программ удаленного соединения компьютера с информационной сетью [4].

Компьютеры устроены таким образом, что они могут хранить в своей памяти всю информацию о действиях, которые когда-либо с ними совершали. Включение, выключение, а также иные операции отображаются в журналах администрирования и журналах безопасности. Операции, связанные с установкой или удалением программ остаются в реестре компьютера (так называемых рег-файлах), а сведения о работе в сети «Интернет», локальных и иных сетях — в log-файлах. Все действия с файлами фиксируются в их свойствах (время создания, изменения, последнего открытия) и т. д. [5]. Данную информацию можно обнаружить и в компьютере предполагаемого преступника. Если у него отсутствуют специальные знания в области компьютерных систем и устройств, то удалить ее он не сможет.

Установление способа совершения преступления и выявление наличия признаков конкретного преступления будут способствовать правильной квалификации совершенного деяния, постановке версий о лицах, совершивших преступление, и определению направления расследования.

1. Статистика. URL: <https://мвд.рф/mvd> (дата обращения: 16.05.2019).

2. Корчагин О. Н., Чирков Д. К., Литвиненко А. С. Синтетические наркотики в России как реальная угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 245—253.

3. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (с изм. и доп. от 25.05.2017 № 631 // Рос. газ. 1998. № 134.

4. Семенов А. Ю. Некоторые аспекты выявления, изъятия и исследования следов, возникающих при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 53—55.

5. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=4083> (дата обращения: 12.04.2019).

1. Statistics. Available from: <https://mvd.rf/mvd>. Accessed: 16 May 2019.

2. Korchagin O. N., Chirkov D. K., Litvinenko A. S. Synthetic drugs in Russia as a real threat to national security. Actual problems of economics and law. 2015; 33 (1): 245—253.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 681 of 30 June 1998. "On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors that are subject to control in the Russian Federation". (ed. 05/05/2017 No. 631). Rossiyskaya gazeta. 1998; 134.

4. Semenov A. Yu. Some aspects of identifying, seizing and investigating traces arising from committing crimes in the field of computer information. Siberian Legal Bulletin. 2004; 1: 53—55.

5. Smushkin A. B. Virtual traces in forensics. Available from: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=4083>. Accessed: 12 April 2019.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Решняк Ольга Александровна,
преподаватель кафедры
криминалистики учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Reshnyak Olga Alexandrovna,
lecturer at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.1(575.3)
ББК 67.410.2(5Тад)

DOI 10.25724/VAMVD.IFGH

Д. Садоншоев

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ
В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Актуальность реализации принципа презумпции невиновности в практической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан обусловлена необходимостью воплощения в плоскости реальных правоотношений всех требований ст. 20 Конституции Республики Таджикистан и ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, обеспечения и уважения прав и свобод подозреваемого и обвиняемого в ходе досудебного производства. В статье анализируются вопросы правоприменения, возникающие в процессе реализации принципа презумпции невиновности в практической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан, выявляются основные проблемы, связанные с презумпцией невиновности: ее формулировкой, содержанием и правовыми последствиями ее несоблюдения. Особое внимание уделено правовому положению стороны защиты в ходе предварительного следствия. Предлагаемые в статье рекомендации по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Таджикистан аргументированы перечнем возникающих в процессе реализации принципа презумпции невиновности проблем, вызванных его нарушениями, которые приводят к недоверию граждан сотрудникам правоохранительных органов и законодательству Республики Таджикистан и отрицательно влияют на международную оценку состояния законности и демократии в государстве.

Ключевые слова: презумпция невиновности, презумпция виновности, обвиняемый, подозреваемый, нарушение прав, невиновность, пытка, жестокое обращение, бремя доказывания, толкование сомнений в пользу обвиняемого, объективная истина.

D. Sadonshoev

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE
IN PRACTICAL ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

The urgency of the principle of presumption of innocence in the practice of law enforcement agencies of the Republic of Tajikistan is due to the need to implement at the level of real legal relations all the requirements of Art. 20 of the Constitution of the Republic of Tajikistan and Art. 15 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, ensuring and respecting the rights and freedoms of the suspect and the accused during the pre-trial proceedings. The article analyzes law enforcement issues in the process of implementing the principle of presumption of innocence in the practice of law enforcement agencies of the Republic of Tajikistan, identifies the main problems associated with the presumption of innocence: its formulation, content and legal consequences of its non-compliance. Special attention is paid to the legal status of the defense during preliminary investigation. The recommendations proposed in the article for introducing amendments and additions to the legislation of the Republic of Tajikistan are justified by the list of problems arising in the process of implementing the presumption of innocence caused by violations of this principle. These violations lead to citizens' distrust of law enforcement officers and the very legislation of the Republic of Tajikistan, as well as at the international level, negatively affect the assessment of the state of law and democracy in the Tajik state.

Key words: presumption of innocence, presumption of guilt, the accused, the suspect, rights violation, innocence, torture, cruel treatment, burden of proof, interpretation of doubts in favor of the accused, objective truth.

Принципы уголовного судопроизводства выступают основными регулирующими нормами, которые определяют содержание всего уголовного

процесса, обеспечивают осуществление правосудия по уголовному делу и эффективную охрану и защиту индивидуальных прав, а также интере-

сов государства и общества от уголовных посягательств.

Презумпция невиновности как один из важнейших общеправовых принципов в истории уголовного судопроизводства впервые была объявлена в Декларации прав человека и гражданина в 1789 г.: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его вина не будет установлена по суду» [1, с. 89].

Источником содержания принципа презумпции невиновности в современном понимании и основой ее дефиниции в национальных законодательствах большинства государств является Всеобщая декларация прав человека (1948 г.). В данном документе указаны содержание и сущность рассматриваемого принципа: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [2] — что отражает не только объективное положение лица в уголовном судопроизводстве («лицо считается невиновным»), но и субъективное право обвиняемого самому определять, считаться ему невиновным или нет. Кроме того, данный принцип нашел свое отражение в некоторых межнациональных правовых документах в области прав человека и гражданина, где его толкование отличается незначительными деталями. Так, Всеобщая исламская декларация прав человека (1981 г.), которая учитывала культурные и религиозные традиции восточных стран, по инициативе Исламской Республики Иран закрепляет принцип презумпции невиновности в иной интерпретации: «Никто не может быть признан виновным в совершении правонарушения и понести наказание, если доказательство вины не было признано независимым судом» [3]. В этом же году была принята Каирская декларация прав человека, в ч. 4 ст. 19 которой анализируемый принцип сформулирован следующим образом: «Обвиняемый не виновен, пока его вина не доказана беспристрастным судом, на котором ему должны быть предоставлены все гарантии защиты» [4].

Конституция Российской Федерации в ст. 49 закрепляет презумпцию невиновности так: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» — т. е. формула принципа презумпции невиновности в Основном законе

России предусматривает не только констатацию вины обвиняемого судом в ходе процедуры судебного разбирательства, но и ее установление только по вступлении в силу приговора, что придает четкость и законченность этому нормативному положению.

С нашей точки зрения, презумпция невиновности обретает свое подлинное значение, когда находится в системной связи с объективной истиной как общей целью уголовного судопроизводства и, соответственно, целью доказывания по уголовным делам. Естественно, она активно содействует ее достижению. Превращение признания обвиняемого (подозреваемого) в самоцель неизбежно нарушает презумпцию невиновности, тем более, если оно получено под давлением, незаконно. Недопустимо принуждение обвиняемого (подозреваемого) к даче показаний любыми способами. Все сомнения в доказанности обвинения, которые невозможно устранить, должны разрешаться в пользу обвиняемого. Это влечет за собой прекращение дела, изменение объема обвинения и квалификации содеянного, постановление оправдательного приговора.

Значение принципа презумпции невиновности заключается и в том, что она является фундаментом тех правовых гарантий, которыми охраняется право обвиняемого на защиту. Это обуславливает диалектическую взаимосвязь между презумпцией невиновности и правом обвиняемого на защиту. Принцип презумпции невиновности не является выражением субъективной позиции лиц, ведущих расследование, а представляет собой объективное правовое положение, закрепленное на высшем законодательном уровне.

Принцип презумпции невиновности не запрещает лицу, осуществляющему расследование, избирать подозреваемого, обвиняемого, доказывать его виновность, но не позволяет объявлять подозреваемого (обвиняемого) виновным и поступать с ним как с преступником до вступления в законную силу обвинительного приговора суда [5, с. 66—67]. Исходя из этого сформулируем основные положения рассматриваемого принципа:

— обвиняемого нельзя отождествлять с виновным;

— угрозы, пытки, принуждение к даче показаний обвиняемого (подозреваемого) недопустимы;

— следователь, дознаватель и прокурор должны доказывать правильность предъявленного ими обвинения, нельзя на обвиняемого (подозреваемого) возлагать обязанность доказывания своей невиновности;

— если подозреваемый (обвиняемый) не предоставил доказательств своей невиновности, это не является доказательством его виновности;

— нельзя до полной доказанности виновности обвиняемого решать вопрос о его виновности, осуществлять расследование с обвинительным уклоном, проявлять предвзятость в собирании и исследовании доказательств;

— отказ лиц, подвергающихся уголовному преследованию, от дачи показаний и сотрудничества со следователем и дознавателем не может рассматриваться как обстоятельство, предрешающее вопрос об их виновности;

— предъявляемое лицу обвинение не может быть основано на предположениях так же, как и обвинительный приговор суда;

— при наличии не опровергнутых версий защиты вина обвиняемого в совершении преступления не может считаться доказанной;

— все неустранимые сомнения в виновности лица, подвергающегося уголовному преследованию, толкуются в его пользу.

Таким образом, презумпция невиновности представляет собой конституционно признанный «противовес» обвинительному уклону в практике органов предварительного расследования и суда, противостоит презумпции виновности обвиняемого.

Что касается правовой системы Республики Таджикистан, то принцип презумпции невиновности здесь закреплён на высшем законодательном уровне — в ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан от 24 ноября 1994 г.: «Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу».

В части 2 ст. 7 и ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) принцип презумпции невиновности указан как принцип осуществления правосудия, законодательный принцип уголовного процесса, который распространяется на деятельность правоохранительных органов, расследующих и разрешающих уголовные дела. В его структуре можно выделить пять основных элементов:

1. Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу.

2. Обязанность доказывать обвинение возлагается на обвинителя.

3. Подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не обязаны доказывать свою невиновность.

4. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, уста-

новленном УПК РТ, толкуются в пользу обвиняемого.

5. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Необходимо отметить, что принцип презумпции невиновности в Республике Таджикистан, безусловно, имеет особое значение на уровне юридических отношений между государством и его гражданами и играет существенную роль в духовном развитии общества. Высокая нравственная составляющая этого принципа подтверждается тем, что он прямо отражён в религиозных нормах [6, с. 52]. Презумпция невиновности как нравственно-правовая категория выявляет взаимосвязь между современными основами данного института и положениями исламского права. Н. Торнау отмечал, что в исламском праве чрезвычайно важным считается положение, согласно которому действия мусульман опираются на добропорядочность и добросовестность (правоту). «Основываясь на этом постановлении, судья не предполагает ни подлога, ни умышленности, ни вины в каком-либо действии без признания в том обвиняемого или без представления доказательств, основанных на свидетельских показаниях. Недоверие к судьям должно быть основано на неоспоримых и ясных доказательствах» [7, с. 451]. Данное правило реализуется в отношении аргументов, не только обосновывающих виновность обвиняемого, но и отрицающих виновность обвиняемого. Как справедливо подчеркивает М. С. Строгович: «Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения» [8, с. 256].

В качестве общей нормы права презумпция невиновности определяет правовой статус индивида в обществе, не позволяя ему быть объявленным виновным до того момента, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу решением суда. Она выступает одним из правовых институтов защиты прав и свобод человека и гражданина и находит свое отражение в Конституции Республики Таджикистан.

В соответствии с законодательством названного государства виновность в совершении преступления определяется исключительно вступившим в законную силу решением компетентного суда. Однако в практической деятельности правоохранительных органов принцип презумпции невиновности часто нарушается. Таджикские ученые Х. З. Искандарзода, Д. Т. Турахонова и Т. Ф. Каримова утверждают, что «в большинстве случаев толкование сомнительных доказательств тракту-

ется судами в пользу обвиняющей стороны, что приводит к неправильной имплементации составного содержания права на презумпцию невиновности» [9, с. 103]. Кроме того, принцип презумпции невиновности нарушается и тогда, когда во время досудебного производства средствами массовой информации демонстрируется лицо, в отношении которого идет разбирательство по уголовному делу. Для общественности такой человек становится заведомо виновным, даже если ему в дальнейшем будет вынесен оправдательный приговор. Итоги сложившейся ситуации чаще всего таковы:

- лицо, которое в открытом судебном заседании было оправдано, из-за низкого массового правосознания в обществе вынуждено носить «клеймо» бывшего преступника;

- возникают недоверие граждан правосудию, сомнения в законности деятельности правоохранительных органов.

В настоящее время телевидение Республики Таджикистан периодически транслирует криминальные новости по согласованию с Министерством внутренних дел. В рамках телепередачи демонстрируются лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений. Их называют «муттахам». Данный термин пришел из арабского языка и означает «опороченный, оклеветанный, непригодный, подлый, опозоренный, чувствующий себя виновным» [10, с. 780]. Называя задержанных лиц, в отношении которых идет предварительное расследование, словом «муттахам», средства массовой информации нарушают их конституционные права. Было бы разумно именовать их подозреваемыми или обвиняемыми в совершении какого-либо преступления, поскольку вина этих лиц не доказана вступившим в законную силу обвинительным приговором. Соответственно, они должны и обществом, и государством, и законом считаться невиновными.

Противоречание презумпции невиновности правоприменение и общественная практика могут быть объяснены тем, что диалектическая презумпция невиновности противостоит своей прямой противоположности — презумпции виновности обвиняемого, которая складывается под влиянием повседневной профессиональной практики расследования преступлений. Так как в большинстве случаев обвиняемый, как правило, оказывается виновным, в нем заведомо видят преступника. Но здесь кроется серьезная опасность: под влиянием презумпции виновности формируются обвинительный уклон, односторонность и предвзятость у должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

Обвиняемого отождествляют с виновным, что грубо нарушает презумпцию невиновности. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела — задача компетентного органа, осуществляющего расследование, способствование этой деятельности не входит в обязанности лица, против которого возбуждено уголовное дело. В частности, лицо, привлекаемое к уголовному преследованию в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, имеет право в соответствии с презумпцией невиновности не доказывать своей невиновности, занимая пассивную позицию.

Еще одной проблемой уголовного судопроизводства Республики Таджикистан являются незаконные действия правоохранительных органов в процессе реализации принципа презумпции невиновности, что выражается в применении запрещенных национальным и международным законодательством методов расследования [11, с. 206]: принуждение к даче признательных показаний пытками, насилием, угрозами и т. д.

Согласно национальному докладу Республики Таджикистан в Комитете Организации Объединенных Наций против пыток только в течение первого квартала 2018 г. секретариатом Группы правовой помощи и организациями — членами Коалиции общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане было зарегистрировано 16 обращений с жалобами на предполагаемое применение пыток и жестокое обращение, 14 из которых поступили из подразделений Министерства внутренних дел, 2 — из Государственного комитета национальной безопасности [12, с. 17]. Как отметила представитель Комитета Организации Объединенных Наций против пыток Ф. Гаер, вызывает беспокойство, что во многих случаях за факты пыток и жестокого, унижающего достоинство обращения виновные должностные лица наказываются по другой статье, в частности, «за превышение служебных полномочий» [13].

Конституция Республики Таджикистан гарантирует любому человеку, находящемуся на территории государства, судебную защиту, поскольку государство обязано защищать права человека во всех сферах. Это достигается путем реализации правовых принципов, в том числе принципа презумпции невиновности. Законодательство Республики Таджикистан прямо запрещает жестокое отношение к участникам уголовного судопроизводства, подвергающее опасности их жизнь и здоровье. Это указано в ст. 10 УПК РТ: участникам уголовного судопроизводства запрещается вымо-

гать показания посредством насилия, пыток, давления и других запрещенных методов.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан установил ответственность субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство, за принуждение лица, подвергающегося уголовному преследованию, к даче показаний путем незаконных действий. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан отсутствует требование, которое признавало бы недопустимыми показания, полученные незаконным путем, и запрещало бы принимать их во внимание в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства и при вынесении приговора. В дополнение УПК РТ закрепляет следующее: «Обнародование в ходе судебного процесса показаний, данных в ходе досудебного производства, и даже использование звуковых записей, прикрепленных к протоколу, имеют законный статус в таких случаях, как:

- 1) возникновение расхождений между показаниями и доказательствами, предоставленными подсудимым, свидетелем в ходе судебного процесса;

- 2) в случае если свидетели или подсудимый откажутся от дачи показаний в суде;

- 3) во время, когда уголовное дело разбирается в отсутствие самого подсудимого» (чч 3, 4 ст.280 УПК РТ).

Приведенные положения в условиях отсутствия норм о недопустимости использования в качестве доказательств показаний, полученных под пыткой, с применением угроз и другими незаконными методами, влекут нарушение принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, а также противоречат самой сути презумпции невиновности.

В случае отказа подсудимого, свидетелей от своих показаний, предоставленных в досудебном производстве, по причине оказанного на них давления, применения к ним угроз, пыток и иных незаконных действий со стороны лиц, осуществ-

ляющих расследование, оглашение подобных показаний и их использование в процессе для обоснования приговора суда будет искажать суть правосудия. Вряд ли такой приговор можно считать законным, истинным и справедливым.

Таким образом, несмотря на то что законодательно установлена возможность обжалования незаконных действий должностных лиц, на практике это положение применяется неэффективно. Исходя из сказанного, считаем необходимым внесение дополнительных норм в УПК РТ, которые бы регламентировали такие вопросы, как:

- предоставление подозреваемому, обвиняемому и их адвокату права запросить независимое медицинское обследование для установления факта пыток;

- закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве требование безотлагательного назначения судебно-медицинской экспертизы, если поступит жалоба со стороны лица, подвергающегося уголовному преследованию, его родственников, адвоката, общественной организации на использование сотрудниками правоохранительных органов пыток, насилия, давления, жестокого обращения.

По нашему мнению, все это в системном единстве с принципом презумпции невиновности способны создать нормативную основу для защиты личности от принуждения к даче показаний.

Положения Конституции Республики Таджикистан, регламентирующие принцип презумпции невиновности, должны быть лейтмотивом в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников правоохранительных органов, которые обязаны соблюдать права человека и гражданина, обеспечивать ему свободы, гарантированные Основным законом государства. Нарушение презумпции невиновности в досудебном производстве влечет за собой недоверие граждан правоохранителям и самому законодательству Республики Таджикистан, а также отрицательно влияет на международную оценку состояния законности и демократии в государстве.

1. Васильев Л. М Презумпция невиновности обвиняемого в истории российского права. Волгоград, 2003. 248с

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Vasilyev L. M. Presumption of innocence of the accused in the history of Russian law. Volgograd; 2003: 248 p.

2. Universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Всеобщая Исламская Декларация прав человека от 19 сентября 1981 г. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/ru> (дата обращения: 04.02.2019).

4. Каирская декларация прав человека. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 04.02.2019).

5. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В. М. Савицкого. М., 1984. 143 с.

6. Цыбулевская О. И, Омариева А. Н. Презумпция невиновности: аксиологическое измерение // Правовое регулирование в современной России. 2015. № 4 (49). С. 51—57.

7. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850. 652 с.

8. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 276 с.

9. Искандарзода З. Х., Турахонова Д. Т., Каримова Т. Ф. Международные стандарты справедливого судопроизводства: учеб. пособие. Душанбе, 2012. 244с.

10. Словарь таджикского языка (X — начало XX века) / под ред. М. Ш. Шукурова [и др.]. М., 1969. 952с.

11. Нуралиев С. Ш., Суфиев С. Н. Соблюдение и исполнение принципа презумпции невиновности в практической деятельности правоохранительных органов // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2012. № 1(17). С. 203—206.

12. Отчет Коалиции гражданского общества против пыток и безнаказанности в Таджикистане (результаты деятельности за январь—июнь 2018 г.). URL: <https://plus.google.com> (дата обращения: 07.02.2019).

13. Официальное слушание национального доклада Таджикистана в Комитете ООН против пыток 06.05.2018. URL: <https://news.tajinfo.org> (дата обращения: 06.02.2019).

3. Universal Islamic declaration of human rights of 19 September 1981. Available from: <https://docviewer.yandex.ru/view/ru>. Accessed: 4 February 2019.

4. Cairo declaration of human rights. Available from: <https://ru.wikisource.org>. Accessed: 4 February 2019.

5. Strogovich M. S. Right of the accused to the defense and presumption of innocence. Ed. by V. M. Savitsky. Moscow; 1984: 143 p.

6. Tsybulevskaya O. I., Omarieva A. N. Presumption of innocence: axiological dimension. Legal regulation in modern Russia. 2015; 49 (4): 51—57.

7. Tornau N. Description of the beginnings of Muslim jurisprudence. St. Petersburg; 1850: 652 p.

8. Strogovich M. S. Doctrine of material truth in criminal procedure. Moscow; 1947: 276 p.

9. Iskandarzoda Z. Kh., Turakhonova D. T., Karimova T. F. International standards for fair trial. Textbook. Dushanbe; 2012: 244 p.

10. Dictionary of the Tajik language (X — early XXth century). Ed. by M. Sh. Shukurov, V. A. Kapranova, R. Hashim, N. A. Masumi. Moscow; 1969: 952 p.

11. Nuraliev S. Sh., Sufiev S. N. Compliance with and implementation of the principle of presumption of innocence in the practice of law enforcement // Proceedings of the Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Tajikistan, № 1 (17). Dushanbe, 2012. p. 203-206.

12. Report Civil Society Coalition against torture and impunity in Tajikistan (January—June 2018 results). Available from: <https://plus.google.com>. Accessed: 7 February 2019.

13. Official hearing of the national report of Tajikistan in the UN Committee against torture 6 May 2018. Available from: <https://news.tajinfo.org>. Accessed: 6 February 2019.

© Sadonshoev D., 2019

© Садоншоев Д., 2019

Садоншоев Дониш,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Sadonschoev.donisch@yandex.ru

Sadonshoev Donish,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: Sadonschoev.donisch@yandex.ru

* * *

Б. П. Смагоринский, Е. П. Евстифеева

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА**

Оперативно-разыскные мероприятия — это важный элемент организации и тактики оперативно-разыскной деятельности, состоящий из системы взаимосвязанных действий, направленных на решение задач по борьбе с преступностью. При выявлении и расследовании преступлений в сфере игорного бизнеса сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел сталкиваются со значительными трудностями, потому что способ их совершения специфичен и недостаточно изучен. Проблема усугубляется и тем, что организованные группы и преступные сообщества активно используют новейшие достижения науки и техники, а также пытаются реализовать схемы, позволяющие закамouflировать игорный бизнес под отдельные виды легальной деятельности.

На основе анализа теоретического и эмпирического материала авторы выделяют наиболее общие тактические приемы (правила) проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий по делам о незаконных организации и проведении азартных игр, соблюдение которых поможет получить достоверные фактические данные, являющиеся после выполнения необходимых процессуальных действий доказательствами преступной деятельности.

Ключевые слова: незаконная организация, незаконное проведение, азартные игры, игорный бизнес, наблюдение, проверочная закупка, обследование помещений.

B. P. Smagorinsky, E. P. Evstifeeva

**FEATURES OF CARRYING OUT SEPARATE OPERATIONAL-RESEARCH ACTIVITIES
AT IDENTIFICATION AND DISCLOSURE OF CRIMES IN THE SPHERE OF GAMING BUSINESS**

Operational search activities is an important element of the organization and tactics of operational search activities, consisting of a system of interrelated actions aimed at solving problems in the fight against crime. In identifying and investigating gambling crimes, employees of the operational units of the internal affairs agencies face considerable difficulties because the way they are committed is specific and not well understood. The problem is aggravated by the fact that organized groups and criminal communities are actively using the latest achievements of science and technology, as well as trying to implement schemes that allow them to camouflage the gambling business under certain types of legal activities. Based on the analysis of theoretical and empirical material, the authors identify the most common tactical methods (rules) of carrying out some operational investigative activities in cases of illegal organization and conduct of gambling, compliance with which will help to obtain reliable factual data that is evidence of criminal activity after performing the necessary procedural actions.

Key words: illegal organization, illegal conduct, gambling, gambling, observation, test purchase, inspection of premises.

Оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ) — это важный элемент организации и тактики оперативно-разыскной деятельности, состоящий из системы взаимосвязанных действий, направленных на решение задач по борьбе с преступностью.

На основе анализа теоретического и эмпирического материала можно выделить общие тактиче-

ские приемы (правила) проведения некоторых ОРМ по делам о незаконных организации и проведении азартных игр, соблюдение которых поможет получить достоверные фактические данные, являющиеся после выполнения необходимых процессуальных действий доказательствами преступной деятельности проверяемых или разрабатываемых лиц.

Наиболее типичные ОРМ по выявлению незаконной игорной деятельности — *наблюдение, проверочная закупка, обследование помещений, опрос, исследование предметов и документов, прослушивание телефонных и иных переговоров, наведение справок*. Рассмотрим детально некоторые из них.

Для фиксации факта работы нелегального игорного заведения может использоваться ОРМ «наблюдение».

Скрытое наблюдение за местами расположения подпольных игорных заведений, залов игровых автоматов позволяет, в частности, установить:

- факты использования конкретного помещения для незаконных организации и проведения азартных игр;

- лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к незаконной игорной деятельности;

- способ проникновения в закрытое игорное заведение,

а также:

- зафиксировать число суточных инкассаций, среднее количество посетителей за определенный промежуток времени; составить социальный портрет типичного игрока;

- определить круг лиц, подозреваемых в организации незаконной игорной деятельности; оптимальное время проведения других ОРМ (обследования помещения, используемого для проведения азартных игр, проверочной закупки) и задержания с поличным лиц, имеющих отношение к незаконной игорной деятельности.

Скрытое наблюдение может осуществляться сотрудниками оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) либо иными лицами, содействующими ОВД на конфиденциальной основе.

Ход и результаты наблюдения оформляются соответствующими документами (в зависимости от того, какими силами оно проводилось): рапортом оперативного сотрудника подразделения ЭБиПК; сводками, справками о проведении ОРМ подразделениями специальных технических мероприятий или оперативно-поисковыми подразделениями ОВД; агентурными и иными сообщениями; актами наблюдения, в котором участвовали представители общественности.

В ряде регионов при выявлении незаконных организации и проведения азартных игр существует практика негласной *проверочной закупки*, так называемой «*закупки игры*».

Проведение негласной проверочной закупки позволяет установить факты незаконной игорной деятельности, механизм проведения азартной игры, принятия денежных средств в качестве ставок, предоставления в пользование игрокам игрового оборудования, получения денежного выигрыша. При этом у подразделений ЭБиПК органов внутренних дел возникают различные трудности. 25,8 % опрошенных сотрудников назвали причиной осложнений, возникающих при выявлении незаконной игорной деятельности и установления причастных к ней лиц, именно затрудненное агентурное проникновение в помещение, где эта деятельность осуществляется. Необходимо также учитывать риск привлечения для участия в ОРМ «проверочная закупка» гражданских лиц, являющихся постоянными клиентами игорного заведения. В силу неподготовленности таких участников и невозможности с их стороны оказать сотрудникам полиции физическую помощь в проникновении на территорию заведения может сложиться ситуация, при которой оперативные сотрудники, оставшись снаружи, не смогут довести ОРМ до конца, и, следовательно, орудие преступления не будет изъято.

С учетом изложенного для обеспечения проведения ОРМ «проверочная закупка» подразделениям ЭБиПК органов внутренних дел необходимо тщательно готовить привлеченных лиц к проведению данного ОРМ.

Результат негласной проверочной закупки во многом зависит от правильной оперативной игры «игрока», участвующего в азартной игре. При ее проведении рекомендуется представиться неопытным «игроком» и максимально подробно расспросить администратора или иного представителя нелегального игорного заведения о правилах игры, обороте денежных средств и т. п. Иногда при выявлении «лжелотерейных» аппаратов «игрок» уточняет, что это та же игра, которая стояла ранее, только с другим названием. На этот вопрос часто дается утвердительный ответ. «Игроку», привлеченному к негласному содействию и участвующему в негласной проверочной закупке, желательно сыграть на одном или нескольких игровых автоматах, установленных в клубе.

При выявлении признаков преступления, предусмотренного ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, оперативным сотрудникам, получившим соответствующий сигнал о завершении азартной игры, победе или проигрыше «игрока», необходимо незамедлительно проникнуть в нежилое помещение, используемое для организации

и проведения незаконной игорной деятельности, представиться и объявить о проведении ОРМ «проверочная закупка». При этом нужно разъяснить законность основания проведения ОРМ (ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]), а также попросить администратора или иное лицо пригласить руководителя игорного заведения.

Для организации и проведения незаконных азартных игр используются заранее арендованные нежилые и жилые помещения, площади в магазинах, торговых комплексах, объекты лотерейного бизнеса и другие объекты.

Порядок проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного ОРМ «обследование помещений...», не являющихся жилыми, регулируется специальной Инструкцией, утвержденной приказом МВД России [2].

При проведении *гласного обследования помещения*, используемого для незаконных организации и проведения азартных игр, необходимо:

- зафиксировать общую обстановку, указывающую на характер использования данного помещения, с помощью фото- или видеосъемки;

- установить наличие игрового оборудования для проведения азартных игр;

- осмотреть все технические средства (игровые автоматы, лотерейное и иное оборудование), установленные в игорном заведении, на предмет наличия в них денежных средств для дальнейшей квалификации правонарушения;

- установить лиц, обслуживающих проведение азартной игры (крупье, администратор, охранники и др.) и опросить их;

- установить наличие черновых записей администратора клуба, как на бумажных, так и на электронных носителях, тетрадей учета полученных от посетителей денежных средств за доступ к игровым автоматам и выданных в качестве выигрыша;

- изъять документы, содержащие информацию о доходах, получаемых от игорной деятельности, а также черновые записи о перемещении и распределении денежных средств; системные блоки, иные цифровые носители информации, оборудование, установленное для видеофиксации, подтверждающие деятельность, осуществляемую в данном заведении;

- установить личности всех находящихся в обследуемом помещении лиц, их местожительство, род занятий и цель пребывания в помещении.

Как показывает анализ практики, при проведении рассматриваемого ОРМ возникают определенные трудности, связанные прежде всего с про-

никновением и осмотром нелегального игорного заведения, что подтвердило 87 % опрошенных нами оперативных сотрудников ЭБиПК.

В настоящее время организаторы незаконных азартных игр полностью перешли на нелегальный характер работы. Эта деятельность осуществляется с соблюдением конспирации, а вход клиентов — только по спискам, предварительным звонкам, смс-сообщениям определенному кругу лиц.

Серьезность проблем, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам полиции, подтверждает практика. Так, в г. Барнауле для обеспечения конспирации незаконного игорного заведения и сокрытия преступной деятельности гражданин Л. организовал установку камер наружного наблюдения за периметром территории, прилегающей к арендованному помещению, пропускной режим, порядок проведения азартных игр. Доступ игрока, желающего принять участие в азартных играх с использованием игрового оборудования, осуществлялся лишь при установлении его личности либо по предварительному согласованию с организатором посредством телефонной связи. Приходящего в незаконное игорное заведение игрока встречал участник организованной группы и проверял его личность [3]. Другой пример: в г. Липецке гражданин П. — организатор и руководитель преступного сообщества, занимавшегося незаконными организацией и проведением азартных игр с использованием игрового оборудования, — создал ЧОП «Горгона» для охраны себя и своей незаконной игровой деятельности, поддержания порядка в игорных клубах, обеспечения безопасности инкассации денежных средств. В обязанности ЧОП также входили незамедлительный выезд в случае появления в клубах сотрудников правоохранительных органов и оказание им сопротивления при попытке проникнуть на территорию заведений [4]. Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости тщательной подготовки к проведению обследования помещений, используемых для незаконной игорной деятельности.

При подготовке к проведению обследования нелегального игорного заведения также следует:

- определить лиц, принимающих участие в ОРМ (специалист, представители общественности и др.);

- получить компетентную информацию, позволяющую разграничить игровое и лотерейное оборудование;

- решить вопрос с транспортом, на котором потребуются вывезти изъятое игорное оборудование, и обеспечить сохранность оборудования, место его хранения, а также возможность дальнейшего исследования;

— выбрать тактику обследования.

Время обследования выбирается с учетом наиболее благоприятных условий его проведения. Гласное обследование помещений в ночное время допускается лишь в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к сокрытию фактов преступной деятельности (п. 9 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств).

При необходимости оперативный сотрудник может привлекать для обследования нелегального игорного заведения либо полуправильных псевдотерейных заведений, а также интернет-клубов специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными познаниями (бухгалтеров, специалистов в области компьютерной техники и др.), для выполнения необходимых действий с игорным оборудованием, обнаружения информационных следов преступления, предотвращения уничтожения или повреждения компьютерной информации, изъятия компьютерной информации и пр.

Особое внимание при подготовке к проведению обследования нелегального игорного заведения сотрудники оперативных подразделений должны уделить инструктажу участвующих в нем лиц. Оперуполномоченные обязаны четко определить задачи каждого участника обследования и пределы его участия в осмотре соответствующего помещения, проинструктировать о способах действий при выполнении поставленных задач.

При изъятии предметов и документов в ходе ОРМ (обследования помещения, используемого для проведения незаконных азартных игр; проверочной закупки) проводится их исследование.

Предметы и документы, используемые в целях организации и проведения азартных игр, как объекты исследования могут быть сгруппированы следующим образом:

- игровое оборудование, компьютерная техника для проведения азартных игр;
- документы, содержащие сведения о месте приобретения игрового оборудования;
- договоры аренды помещений, используемых для незаконной игровой деятельности;
- «черная» бухгалтерия фирмы, связанной с незаконными организацией и проведением азартных игр;
- выдаваемые участникам азартных игр чеки, квитанции, игровые фишки, колоды карт для карточных игр;

— другие предметы и документы, свидетельствующие о незаконных организации и проведении азартных игр.

Часто преступники прибегают к шифрованным записям, всевозможным «дежурным» пометкам, условным обозначениям. Такие записи обычно выполняются в записных книжках, перекидных календарях, телефонных справочниках, блокнотах, дневниках, просто на клочках бумаги и др. [5]. В настоящее время широкое распространение получили всякого рода компьютерные и цифровые источники информации (смартфоны, мобильные телефоны со встроенной памятью и т. п.).

Тактику проведения *исследования предметов и документов* можно представить в виде системы следующих последовательно выполняемых действий оперативного сотрудника (инициатора). Инициатор ОРМ:

— определяет предмет (документ), представляющий оперативный интерес (например, договор аренды помещения, используемого для незаконной игровой деятельности), и приходит к выводу о том, что требуется проведение его исследования и получение заключения специалиста;

— определяет, кто из специалистов может провести такое исследование;

— подготавливает мотивированный рапорт с указанием наличия законных оснований для проведения данного ОРМ и докладывает об этом руководителю органа внутренних дел, уполномоченному на осуществление оперативно-розыскной деятельности;

— на основании принятого решения за подписью указанного руководителя подготавливает и направляет письменное требование на проведение необходимого исследования по перечню вопросов, интересующих инициатора и требующих привлечения специальных знаний. В данном требовании могут излагаться сведения об обстоятельствах получения объектов исследования.

Исследование предметов и документов проводится по письменному поручению органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, экспертно-криминалистическими службами правоохранительных органов, а также специалистами научно-исследовательских учреждений других организаций. К проведению исследования документов могут привлекаться на контрактной основе отдельные лица, обладающие специальными научными познаниями [6, с. 145].

При раскрытии тактики проведения исследования предметов и документов необходимо указать на важность взаимодействия с организациями, имеющими возможность проведения исследова-

ний оборудования, используемого организаторами незаконных азартных игр, на предмет установления его принадлежности к игровому. При этом важно организовать исследование алгоритмов работы используемых в оборудовании программ на предмет соответствия алгоритмам работы игровых программных продуктов. Поскольку подобные исследования в Экспертно-криминалистическом центре МВД России и территориальных экспертно-криминалистических подразделениях не проводятся, то подразделениям ЭБиПК органов внутренних дел, осуществляющим ОРМ по выявлению незаконных организации и проведения азартных игр, приходится обращаться к сторонним экспертным организациям. Поиск таких организаций является одной из основных проблем в связи с их загруженностью и другими факторами.

В заключение отметим, что рассмотренные ОРМ часто осуществляются сотрудниками ЭБиПК в условиях активного противодействия со стороны лиц, причастных к незаконной игровой деятельности. На имеющие место факты такого противодействия со стороны объектов оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел (система условных сигналов для прохождения в нелегальное игорное заведение, ограниченность доступа желающих участвовать в азартных играх, физическая охрана, внешнее видеонаблюдение за прилегающей территорией, внутреннее видеонаблюдение в игровых залах) указало 84,3 % опрошенных в ходе настоящего исследования оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула (Алтайский край) от 2 октября 2017 г. по делу № 1-178/2017 в отношении Лобачевой О. Б., Родиной Е. Е., Зотовой М. В., Зикратова С. И., Плотникова А. А., Плотниковой Л. В., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ. URL: <https://sud-praktika.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

4. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого от 26 июня 2015 г. по уголовному делу № 041520478 // Архив УМВД России по Липецкой области.

5. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 218 с.

1. Federal Law of No. 144-FZ of 12 August 1995. "On the operational-search activity" (ed. 03/07/2016). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 199 of 1 April 2014. "On the approval of the Instruction on the procedure for conducting by the officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation a public search operation survey of premises, buildings, structures, sections of terrain and vehicles and the List of officials of the internal affairs agencies of the Russian Federation authorized to issue orders for conducting a public operative search survey of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Barnaul (Altai Territory) of 2 October 2017 in case No. 1-178/2017 in respect of Lobacheva O. B., Motherland E. E., Zotova M. V., Zikratova S. I., Plotnikova A. A., Plotnikova L. V., accused of committing a crime, provided for by paragraph "A" part 3 of Art. 171.2 of the Criminal Code. Available from: <https://sud-praktika.ru>. Accessed: 10 April 2019.

4. Decision on bringing as an accused of 26 June 2015 in criminal case No. 041520478. Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Lipetsk region.

5. Lasko N. N. Forensic characteristics and the initial stage of the investigation of bribery and corruption. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2001: 218 p.

6. Иванов Л. Г., Егоршин В. М. Некоторые направления деятельности подразделений ОВД по предупреждению грабежей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 144—148.

© Смагоринский Б. П., Евстифеева Е. П., 2019

Смагоринский Борис Павлович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Евстифеева Екатерина Петровна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: evstifeeva-vamvd@mail.ru

6. Ivanov L. G., Egorshin V. M. Some Directions of Activities of ATS Units for Preventing Robberies. Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012; 54 (2): 144—148.

© Smagorinsky B. P., Evstifeeva E. P., 2019

Smagorinsky Boris Pavlovich,
professor at criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Evstifeeva Ekaterina Petrovna,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: evstifeeva-vamvd@mail.ru

* * *

В. В. Филатов

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ
ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ**

Автором рассматриваются особенности проведения доследственной проверки по факту совершения преступлений в сфере авторских и смежных прав. В результате анализа судебно-следственной практики предлагаются типичные следственные ситуации, указываются наиболее часто встречающиеся поводы к возбуждению уголовных дел по данной категории преступлений. Описываются проблемы, возникающие у сотрудников правоохранительных органов при проведении процессуальной проверки, и способы их решения.

На основе анализа материалов уголовных дел автором рассматриваются особенности использования специальных познаний при назначении судебных экспертиз, различные виды судебных экспертиз, назначаемых при проведении доследственной проверки по делам о нарушении авторских и смежных прав; приводятся конкретные примеры из судебной практики; предлагается алгоритм действий сотрудников оперативных подразделений в ходе проведения проверочной закупки по делам данной категории.

Ключевые слова: авторские и смежные права, процессуальная проверка, типичные следственные ситуации, проверочная закупка, специальные знания, криминалистическая характеристика.

V. V. Filatov

**SOME FEATURES OF THE PRE-INVESTIGATION INVESTIGATION OF CASES
ABOUT VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS**

The author discusses the features of the pre-investigation investigation into the commission of crimes in the field of copyright and related rights. As a result of the analysis of the judicial-investigative practice, typical investigative situations are proposed, the most frequent reasons for initiating criminal cases in this category of crimes are indicated. It describes the problems encountered by law enforcement officers during a procedural inspection, and ways to solve them.

Based on the analysis of the materials of criminal cases, the author considers the peculiarities of the use of special knowledge in the appointment of forensic examinations, various types of forensic examinations, appointed during the preliminary investigation in cases of violation of copyright and related rights; provides specific examples from judicial practice; It proposes an algorithm for actions of employees of operational units in the course of the test purchase in cases of this category.

Key words: copyright and related rights, procedural verification, typical investigative situations, test purchase, special knowledge, forensic characterization.

Проблема противодействия преступности в сфере нарушения авторских и смежных прав в настоящее время является актуальной и требует оптимизации и осмысления. Конституция Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания» [1]. Интеллектуальная собственность охраняется законом, однако, несмотря на это, упорядочить данные общественные отношения, вне-

сти ясность в их дифференциацию от уголовно-правовых не представляется возможным.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2017 г. было выявлено 1 046 преступлений, предусмотренных ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], наказание понес 481 человек (по ч. 2 — 198 человек, по ч. 3 — 283 человека) [3]. Здесь необходимо отметить некоторые особенности расследования указанной категории преступле-

ний: 1) сложность и неоднозначность процедуры оценки стоимости интеллектуальной собственности; 2) длительность технико-криминалистической экспертизы, объем следственных действий (в отдельных случаях только приложение к осмотру места происшествия может занимать до пяти авторских листов); 3) личностная незаинтересованность руководителя органа предварительного следствия и отдельного должностного лица в расследовании указанного преступления (срок следствия в большей части случаев составляет более шести месяцев, при этом нормы затрат служебного времени в несколько раз превышают процесс расследования преступлений общеуголовной направленности).

Чаще всего в качестве наказания виновным в совершении преступлений в сфере авторских и смежных прав суды назначают условное лишение свободы либо штраф, это говорит о том, что в сознании специального субъекта укоренилось восприятие отсутствия принципа соразмерности и справедливости наказания. Кроме того, данный вид преступлений используется как инструмент давления на юридических лиц, уголовно-политического устранения оппонентов, рейдерских захватов предприятий и т. д. Это связано, прежде всего, с низкой правовой культурой руководителей организаций и объединений, попыткой сэкономить некоторое количество средств и направить их на свои нужды. Поколение, выращенное на VHS (англ. *Video Home System* — кассетный аналоговый формат наклонно-строчной видеозаписи), контрафактных кассетах, не может и не желает осознавать того, что в самом общем смысле такими действиями осуществляет кражу чужого нематериального блага и распоряжается им по своему усмотрению. В результате уже сегодня в 9 из 10 организаций в том или ином формате используют контрафактное программное обеспечение, а в 9 из 10 семей в личном пользовании находится аудиовизуальная продукция на DVD-носителях (англ. *Digital Versatile Disc* — цифровой многоцелевой диск) с несколькими контрафактными произведениями, не говоря уже о личных гаджетах с якобы бесплатными архиваторами, приложениями, антивирусами и т. д. [4].

Особенности проведения проверки по тому или иному преступлению во многом определяются спецификой его состава. Статья 146 УК РФ предусматривает ответственность за присвоение авторства (плагиат) при наличии крупного ущерба, а также за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, приобрете-

ние, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, если умысел лица направлен на их сбыт в крупном размере. Из особенностей состава преступления вытекает специфика предмета доказывания, который должен быть отражен в полном объеме в материалах проверки. Это позволит установить достаточные данные для возбуждения уголовного дела.

Криминалистическая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, включает следующие элементы:

- предмет преступного посягательства, (авторские и смежные права, потерпевшим выступает автор или иной правообладатель);

- способ подготовки, совершения и сокрытия преступления (объявление себя автором произведения, приобретение, хранение, перевозка и т. д.);

- механизм следообразования, включающий как материальные (какие-либо носители информации авторских и смежных прав), так и идеальные следы (показания участников уголовного судопроизводства);

- обстановку совершения преступления (время, место, обстоятельства совершения преступления);

- личность преступника [5, с. 693].

В научной литературе приводятся некоторые типичные следственные ситуации:

- лицо застигнуто сотрудниками полиции и удерживается на месте совершения преступления (автор, правообладатель и очевидцы преступления, а также предмет преступного посягательства установлены);

- лицо, совершившее преступление, с места происшествия скрылось, однако его личность установлена (известны автор, правообладатель и очевидцы преступления, предмет посягательства);

- лицо, совершившее преступление, известно, автор, правообладатель установлены, очевидцы преступления и предмет посягательства — нет;

- лицо, совершившее преступление, не установлено (известен предмет посягательства, следы преступления выявлены и зафиксированы, автор, правообладатель не установлены) [6, с. 7].

На наш взгляд, выделять последнюю ситуацию нецелесообразно по той причине, что по делам данной категории наиболее типичными поводами для возбуждения уголовного дела являются заявление о преступлении или сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, оформленное в виде рапорта об обнаружении признаков преступления оперуполномоченным управления экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — УЭБиПК). По результатам

нашего исследования установлено, что заявление как повод к возбуждению уголовного дела фигурировало в 30 % случаев (были изучены 150 уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в сфере нарушения авторских и смежных прав в Волгоградской области). С учетом того что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146 УК РФ, относится к частно-публичному обвинению, возбуждение уголовного дела возможно только при наличии заявления о преступлении. Оно может поступить от автора или правообладателя, чьи права нарушены. При этом необходимо отметить, что в качестве потерпевшего по делам данной категории могут выступать и юридические лица. Заявление может быть и устным, и письменным. Однако В. В. Мозяков подчеркивает, что вторая форма предпочтительнее [7, с. 539]. Это обусловлено тем, что такое заявление будет более подробным, а это, в свою очередь, поможет следователю при квалификации деяния и установлении предмета преступного посягательства, его особенностей, способа и обстоятельств совершения преступления.

В ходе осуществления процессуальной проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, следователь в соответствии с ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) может затребовать документы и предметы, подтверждающие авторство (патенты, свидетельства, договоры о передаче авторских прав), назначить компьютерно-техническую и иные виды экспертиз, произвести осмотр места происшествия, документов, предметов, затребовать производство предварительных исследований документов для выявления признаков подделки, привлечь к участию в этих действиях специалистов. Специалисты особенно необходимы при осмотре места происшествия, который часто сопряжен с рядом трудностей. По мнению Е. В. Моториной, объектами осмотра являются «образцы контрафактной продукции (видеокассеты, аудио- и DVD-диски), образцы нелегальной полиграфической упаковки, офисная техника (компьютеры, копировальные машины, упаковочные аппараты), с помощью которых изготавливалась контрафактная продукция, бухгалтерские документы, черновые записи» [8, с. 22].

Интересна ситуация, когда основанием для проведения проверки служат сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (нами было зафиксировано 69 % таких случаев), получен-

ные из иных источников, под которыми здесь понимаются:

- материалы оперативно-разыскной деятельности;
- результаты мероприятий, проведенных совместно с сотрудниками контролирующих органов;
- материалы, полученные от правообладателей.

Основу процессуальной проверки составляют материалы оперативно-разыскной деятельности сотрудников УЭБиПК: справки; образцы для сравнительного исследования; материалы проверочной закупки; заключения исследования предметов и документов; результаты обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; информация, полученная по техническим каналам связи и из компьютеров. По результатам изучения 150 уголовных дел установлено, что примерно в 90 % случаев проводилась проверочная закупка, основанием для которой были «ставшие известными сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших» (п. 1 ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Иногда встречаются уголовные дела, где такие материалы отсутствуют: «Подсудимый Абреков А. К. органами предварительного следствия обвиняется в незаконном использовании объектов авторского права, совершенном в особо крупном размере. Действия Абрекова А. К. пресечены сотрудниками отделения №__ ОЭБиПК УМВД России по <адрес> в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий. В результате своих умышленных действий, выразившихся в незаконном использовании чужой интеллектуальной собственности, Абреков А. К. незаконно использовал объекты авторского права на общую сумму 3 088 200 руб., что является особо крупным размером. В ходе судебного следствия было установлено, что именно результаты оперативно-разыскных действий привели к обвинению Абрекова А. К. в незаконном использовании объектов авторского права, принадлежащего ООО „ПрофСегмент“. В связи с чем суд приговорил Абрекова А. К. признать невиновным и оправдать по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. „в“ ч. 3 ст. 146 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, так как имела место провокация преступления со стороны оперативных сотрудников» [9].

Приведенный пример свидетельствует о том, что сотрудники оперативных подразделений испытывают трудности при расследовании анализируемых преступлений. Это вызвано, прежде всего, отсутствием научно-теоретических разработок в данной области и недостатком практических умений и навыков. На наш взгляд, нужно продумать научно обоснованный алгоритм проверочной закупки при появлении повода к возбуждению уголовного дела рассматриваемой категории.

Проверочная закупка — это «совокупность действий по искусственному созданию ситуации сделки купли-продажи (мнимой) с лицом, подозреваемым в противозаконной деятельности (плагиат, использование объектов авторских и смежных прав при отсутствии на то законных оснований и т. д.)» [10]. Предметом проверочной закупки могут быть произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ и т. п. Данное мероприятие состоит в том, что оперативный сотрудник либо доверенное лицо под видом обычного покупателя приобретает у продавца объекты авторских и смежных прав. После их продажи и осуществления денежного расчета оперативный сотрудник предъявляет служебное удостоверение и объявляет, что была проведена проверочная закупка. Затем купленные предметы изымаются и проверяются на соответствие установленному качеству, цене и т. д. При проведении проверочной закупки могут быть использованы технические средства скрытой аудио- и видеосъемки, специальные порошки для обработки денежных купюр или документов, светящиеся в ультрафиолетовых лучах, и др. [10]. По окончании мероприятия составляется акт о его проведении. Возможна и гласная проверочная закупка: ее результаты оформляются справкой, рапортом, актом оперуполномоченного сотрудника и объяснениями.

После проведения всех необходимых мероприятий материалы оперативно-разыскной деятельности передаются в орган предварительного следствия в соответствии с требованиями приказа «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» от 27 сентября 2013 г. [11]. Для этого составляется сопроводительное письмо от имени уполномоченного руководителя, постановление о представлении результатов ОРД и при необходимости постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

Как показывает практика, наибольшие сложности у сотрудников ОВД вызывают оперативно-разыскные мероприятия по установлению размера вреда, причиненного правообладателю, а также самого правообладателя (предполагаемого потерпевшего) или его законного представителя. Нужно отметить, что часто при проведении проверочной закупки нарушаются принципы законности и обоснованности, что влечет за собой оправдательные приговоры с формулировкой «совершение провокационных действий со стороны оперативных сотрудников». В сложившейся ситуации оперативно-следственная практика пошла по пути выявления лиц, осуществляющих подготовку к преступлению рассматриваемой категории.

При проведении проверки сообщения о преступлении нужно использовать специальные знания для установления принадлежности авторских и смежных прав и фактов их неправомерного использования. Действующее уголовно-процессуальное законодательство наделяет субъекта, осуществляющего расследование преступлений, широкими полномочиями по привлечению различных специалистов к производству следственных и иных процессуальных действий в целях повышения эффективности противодействия преступлениям, связанным с нарушением авторских и смежных прав.

В ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, к проведению оперативно-разыскных мероприятий и первоначальных следственных действий в зависимости от фактических обстоятельств (количества контрафактной продукции, ее географического размещения, порядка хранения и перевозки) могут быть привлечены специалисты, обладающие специальными познаниями в области компьютерной информации, бухгалтерии, товароведения, химии, технологии производства и т. д. Например, в решении Арбитражного суда Свердловской области от 25 января 2018 г. по делу № А60-42307/2017, в частности, отмечается: «По факту данной проверки было вынесено постановление о назначении программно-технической судебной экспертизы от 22.04.2015, в котором указано на то, что в результате проведенных проверочных мероприятий подтвержден факт использования предприятием ООО „Металлинвест — завод металлоконструкций“ программного обеспечения с признаками незаконного использования объектов авторских и смежных прав; при проведении проверочных мероприятий в ходе осмотра места происшествия в офисах ООО „Металлинвест — завод металло-

конструкций" изъято 6 системных блоков с признаками контрафактности программного обеспечения, вследствие чего сделан вывод о том, что в действиях сотрудников ООО „Металлинвест — завод металлоконструкций“ усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ.

На основании данных результатов экспертизы постановлением старшего следователя СО-4 СУ межмуниципального УМВД России „Нижнетагильское“ от 27.07.2015 было принято решение о возбуждении уголовного дела в отношении неизвестного лица» [12].

В соответствии с указанными обстоятельствами можно говорить о том, что противодействие нарушениям авторских и смежных прав, борьба с аудио-, видео- и компьютерным пиратством, распространением контрафактной продукции различных видов имеют принципиальное значение для повышения инвестиционного рейтинга и экономического развития России. Особенностью проведения доследственной проверки по делам данной категории является обязательное привлечение к осмотру места происшествия специалиста, обладающего необходимыми познаниями. Кроме того, нужно отметить, что в основе раскрытия преступлений в сфере авторских и смежных прав лежат материалы оперативно-разыскной деятельности, переданные руководителю следственного ор-

гана в установленном порядке и выполненные в соответствии с требованиями нормативных правовых актов. Приведем алгоритм таких действий:

1. Приобретение сотрудниками органов внутренних дел экземпляров предметов (1—2), предположительно имеющих признаки нарушения авторских прав, с их оплатой маркированными денежными купюрами.

2. Изъятие продукции с признаками нарушения авторских прав, обнаруженной в результате оперативно-разыскных мероприятий, а также предметов и документов, которые бы содержали информацию об ассортименте и количестве, источниках поступления и сбыта контрафактной продукции. После их обнаружения они подлежат пересчету, после чего отдельно упаковываются, упаковка проверяется на наличие повреждений, опечатывается и удостоверяется подписями участников проверочной закупки.

3. Изъятие документов, подтверждающих стоимость продукции, накладных, ценников и чеков с обязательной фиксацией в акте проверочной закупки.

4. Постановка отметки в акте проверочной закупки о наличии или отсутствии документов, дающих право на осуществление данной предпринимательской деятельности, договоров аренды помещения, лицензионных соглашений, сведений о регистрации предприятий и т. д.

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 31.01.2018).

3. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения: 31.01.2018).

4. Редько А. А., Дронова О. Б., Касаев И. Х. Особенности производства предварительного следствия по уголовным делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав: учеб. пособие. — Волгоград, 2017.

5. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. М., 2006.

6. Душенко М. М. Методика расследования нарушений авторских и смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

7. Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2005.

1. The Constitution of the Russian Federation. Collection of legislation of Russian Federation; 2014; No. 31; Art. 4398.

2. The state of crime. Available from: <https://мвд.рф>. Accessed: 31 January 2018.

3. Judicial statistics. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 31 January 2018.

4. Redko A. A., Dronova O. B., Kasaev I. Kh. Features of the preliminary investigation in criminal cases involving infringement of copyright and related rights. Volgograd; 2017.

5. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G. (et al). Criminalistics. Ed. by R. S. Belkin. Moscow; 2006.

6. Dushenko M. M. Methods of investigation of violations of copyright and related rights. Abstract of dissertation of the candidate of juridical science. Krasnodar; 2014.

7. Guide for investigators. Total edition by V. V. Mozyakov. Moscow; 2005.

8. Моторина Е. В. Первоначальный этап расследования нарушений авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005.

9. Решение по делу 1-219/2017. Приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 31.03.2018).

10. Киселев А. П., Васильев О. А., Белянинова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Рос. газ. 2013. № 282.

12. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25 января 2018 г. по делу № А60-42307/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Филатов В. В., 2019

Филатов Владимир Владимирович,
старший научный сотрудник
научно-исследовательской группы
по изучению проблем
оперативно-служебной деятельности
органов внутренних дел
научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

8. Motorina E. V. The initial stage of the investigation of violations of copyright and related rights in the audiovisual sphere. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Rostov on Don; 2005.

9. The decision in the case of 1-219/2017. The verdict of the Red Army District Court of Volgograd. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 31 March 2018.

10. Kiselev A. P., Vasilyev O. A., Belyaninova Yu. V. Commentary to the Federal Law No. 144-FZ of 12 August 1995. "On Operational Search Activity" (itemized). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ministry of Defense of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Customs Service of Russia, SVR of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia of 27 September 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On approval of the Instruction on the procedure for presenting the results of operational-search activity to an inquiry body, investigator or court". Rossiyskaya gazeta. 2013; 282.

12. The decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk region of 25 January 2018 in case number A60-42307/2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Filatov V. V., 2019

Filatov Vladimir Vladimirovich,
senior researcher of the research team
to study operational problems
of law-enforcement bodies
of the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.1
ББК 67.410.2

DOI 10.25724/VAMVD.IIJK

А. Н. Конев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена исследованию понятия идеологического парадокса, который, по мнению автора, заключается в том, что современный уголовный процесс одновременно испытывает и дефицит, и пресыщение идеологией. С одной стороны, идеологизированным сегодня считают и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, и сам уголовный процесс во всех его проявлениях. В идеологических пристрастиях упрекают не только законодателя, но и правоприменителей. С другой — от либерализма в уголовном процессе сегодня осталось лишь одно название. Констатация дефицита уголовно-процессуальной идеологии как раз и означает отсутствие понимания необходимости идеологического разнообразия. Современный уголовный процесс, насытившись процедурными проектами, опирающимися на либеральную идеологию, жаждет особой созидательной идеологии, на основании которой он мог бы определить траекторию своего развития, в том числе траекторию, не отрицающую позитивного потенциала тех же либеральных идей. Современный уголовный процесс полон идеологических парадоксов. Но сам этот факт лишь в очередной раз подтверждает актуальность исследования идеологических основ уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, судопроизводство, парадокс, идеология, правоприменение.

A. N. Konev

IDEOLOGICAL PARADOXES OF THE CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the study of the concept of "ideological paradox", which, according to the author, is that the modern criminal process is experiencing both a deficit and satiation with ideology. On the one hand, the criminal procedure code of the Russian Federation and the criminal process itself in all its manifestations are considered ideologized today. In the ideological preferences of the accused not only legislators, but also law enforcers. On the other hand, from liberalism in the criminal process today there is only one name. The statement of the lack of criminal procedure ideology means the lack of understanding of the need for ideological diversity. The modern criminal process, sated with procedural projects based on liberal ideology, craves a special creative ideology, on the basis of which it could determine the trajectory of its development, including a trajectory that does not deny the positive potential of the same liberal ideas. The modern criminal process is full of ideological paradoxes. But this fact only once again confirms the relevance of the study of the ideological foundations of criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, legal proceedings, paradox, ideology, law enforcement.

Многолетняя разработка темы идеологических основ отечественного уголовного процесса привела нас к выводу о том, что в современном уголовном судопроизводстве сложилась проблемная идеологическая ситуация, которая вполне может претендовать на статус парадокса. Наука и практика косвенно ощущают его присутствие и негативное влияние, но вот должной формулировки пока никто не предложил. Мы решили взять на себя эту нелегкую задачу и конкретизировать указанный парадокс в предельно остром его выражении, одновременно обозначив и другие идеологи-

ческие нюансы, различаемые в юридической науке.

Идеологический парадокс, по нашему мнению, заключается в том, что *уголовный процесс одновременно испытывает и дефицит, и пресыщение идеологией*. Для первоначального понимания сути этого парадокса лучше всего подойдет метафорическое сравнение уголовно-процессуальной идеологии с водой. Но не просто с водой, а с водой соленой и пресной. У них, как известно, много общего: прежде всего и то, и другое — вода. Разница заключается лишь в нюансах. Но именно они

иногда перемещаются в зону экзистенциального выбора, категорию вопроса жизни и смерти. Исключительно эти нюансы приходится учитывать человеку, испытывающему жажду: морскую воду при всех ее достоинствах нельзя пить. Для человеческого организма она не пригодна. Организм нуждается в воде пресной. Вселенная, наверняка, замыслила в подобной дифференциации воды какой-то глубокий метафизический подвох. Его, судя по всему, испытывал на себе спасшийся от кораблекрушения моряк, оказавшийся в шлюпке посреди бескрайних вод океана и погибающий от отсутствия воды. Так и в уголовном процессе. С одной стороны, идеологии здесь невероятно много, как воды в океане. Идеологизированным сегодня считают и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), и сам уголовный процесс во всех его проявлениях. В идеологических пристрастиях упрекают не только законодателя, но и правоприменителей. Весь уголовный процесс, по мнению одних, пропитан «соленой водой» идеологии либерализма. Другие же, напротив, полагают, что от либерализма в уголовном процессе сегодня стало лишь одно название, и уголовно-процессуальная идеология уже давно имеет антилиберальный привкус. Однако все это, так или иначе, касается той идеологии, что мы метафорически отнесли к разряду «морской воды». Важно понять, что сама по себе она не является вредной. У нее есть свое функциональное предназначение, место и роль в современном судопроизводстве. Проблема лишь в том, что она не может заменить той идеологии, которая попадает в категорию идеологии «питьевой воды». Когда мы говорим о дефиците уголовно-процессуальной идеологии, мы имеем в виду именно данную категорию идеологических оснований. Примерно об этом же мы пытались сообщить, когда вводили в свои исследовательские инструменты такие понятия, как истинная и проектная идеология, «прима-концепты» и «альтер-концепты». Но тогда мы все еще были в плену мировоззренческих установок, побуждающих нас делить уголовно-процессуальную идеологию на вредную и полезную. Из этого плена до сих пор не могут вырваться сторонники состязательности и розыска.

Осознанное использование идеологического подхода позволило нам иначе расставить акценты. Теперь мы понимаем, что гармония мира уголовного процесса может поддерживаться разными идеологиями. Одну из них можно назвать внешней, другую внутренней. Одна будет поддерживать «уголовно-процессуальный корабль» подоб-

но волнам океана, вторая будет наполнять его трюмы запасами пресной воды.

С высоты нынешнего дня мы можем говорить о том, что в уголовном процессе вполне допустимы идеологические компромиссы, но лишь при условии четкого осознания идеологических основ, питающихся из «пресных источников». Тех основ, что генетически связаны с физикой и химией уголовно-процессуального организма.

Констатация дефицита уголовно-процессуальной идеологии как раз и означает отсутствие понимания необходимости идеологического разнообразия. Современный уголовный процесс, насытившись процедурными проектами, опирающимися на либеральную идеологию, жаждет особой созидательной идеологии, на основании которой он мог бы определить траекторию своего развития, в том числе траекторию, не отрицающую позитивного потенциала тех же либеральных идей.

Парадокс заключается сегодня и в том, что многие выпады против так называемой либеральной идеологии уголовного судопроизводства обусловлены отсутствием представлений о настоящем идеологическом стержне уголовного процесса. Том стержне, который дает основание для веры в уголовное судопроизводство, его метод. В крайнем огрублении можно говорить о том, что источником идеологических основ (источником самого права на судопроизводство) в разные времена была сначала религия (иррациональность), потом наука (рациональность). Но создается впечатление, что сегодня возникает потребность в ином источнике: либо это будет синтез рациональности и иррациональности (упоминание в УПК РФ о совести явная примета того), либо переход к особой искусственной рациональности. О чем-то подобном пишут М. П. Поляков и А. Ю. Смолин: «Первый уголовно-процессуальный технологический уклад был от Бога, второй — от человека, а третий, судя по всему, будет от компьютера или, говоря шире, от техники (информационных технологий)». Далее они предлагают юридической науке задуматься над идеологией этого «третьего информационно-технологического (постчеловеческого) уклада» [1, с. 260—261].

Для понимания парадоксальности идеологической ситуации в уголовном процессе необходимо держать в уме следующее обстоятельство. В своих идеологических поисках уголовный процесс встраивается в общую траекторию общественного развития. Сегодня только ленивый не говорит о том, что настало время глубокой идеологической перестройки. В то же время эта общественная по-

требность пока выражается в простом хотении какой-то безликой идеологии. По сути, все сводится к лозунгу «нужна новая идеология». Но идеи, в которой бы человечество узнало знамя новой идеологии, пока не предъявлено. Все прежние идеи, претендовавшие на роль идеологической панацеи, не выдержали испытания временем. Как сказал классик: «Иных уж нет, а те далече». Такие же тенденции присущи и уголовному судопроизводству, поэтому, если в общем социальном контексте начинает набирать силу какая-то новая идея, то она откликается и в идеологических нюансах уголовного судопроизводства. Так, идея патриотизма, столь востребованная российской общественностью, в уголовном процессе оформляется в идеологему «отечественный уголовный процесс». На первый взгляд, перед нами всего лишь красивое словосочетание. На самом же деле это важнейший уголовно-процессуальный концепт. При этом не столь однозначный. Все попытки сконструировать идеологические основы современного уголовного процесса на патриотических (национальных) традициях пока не выглядят научно безупречными [2]. Движение мысли в данном направлении вполне оправданно, но оно опять же не исчерпывает всего многообразия идеологических предпосылок. Этот аспект непременно должен учитываться при осмыслении идеологических основ уголовного судопроизводства. Однако и сам он должен быть осмыслен в современном контексте, заметно меняющем представления о ключевых скрепах общества.

Оригинальные попытки отыскать фундамент для переформатирования современного отечественного уголовного судопроизводства опять же говорят о дефиците идеологических знаний и одновременной потребности в них. Не будет преувеличением сказать, что уголовно-процессуальная наука пока явно не знает, с какой стороны подобраться к этой идеологии («пресной воды»), где найти для нее точки опоры. Если И. Е. Адаменко считает возможным искать их в сфере национальной культуры, то, по нашему мнению, их источник все же наднациональный. Он находится на общем цивилизационном уровне. Такие формулы, как иррациональность, рациональность, «пострациональность», из этого мира. Обнаружить идеологические основы уголовного процесса можно только поняв все источники эволюции оснований веры в уголовно-процессуальный метод.

Вдумчивый идеологический взгляд позволяет уловить давно укоренившуюся (опять же парадоксальную) тенденцию: с одной стороны, в науке

уголовного процесса имеется мало серьезных теоретических разработок, посвященных уголовно-процессуальной идеологии, а с другой — можно уловить постоянное присутствие идеологического пафоса.

Наука до сих пор не выработала четких понятий, которые должны стоять за широко используемыми терминами, ставшими уже и лозунгами, и штампами. К числу таких, например, можно отнести формулы «состязательная идеология», «следственная идеология», «инквизиционная идеология». Ученые нередко смело оперируют этими формулировками, приподнимая себя и принижая своих идеологических противников. Вместе с тем внятного описания сути данных идеологий, системы их главных концептов нет. Нам пытаются показать, что существует борьба идеологий, на самом же деле речь идет о произвольном развешивании идеологических ярлыков. Таким образом, создается ситуация, когда в юридической науке много идеологических «брызг и всплесков», много мелкой ряби, в которой трудно разглядеть облик настоящей внятной уголовно-процессуальной идеологии. Но в то же время уголовной процесс вязнет в невнятной идеологии. Речь здесь в первую очередь идет об уголовно-процессуальной науке и учебной дисциплине, где можно встретить разделы, в которых идеологическая аргументация бессовестно теснит научные факты и доказательства. Так, в попытках обвинить уголовно-процессуальную науку советского периода авторы часто встают на чрезвычайно идеологизированную платформу, по сути, на платформу мифов. Типичный пример такого подхода мы встретили в одном учебнике по уголовному процессу: «Наука уголовного процесса в советский период была подвержена партийному диктату. В 1930—1940 гг. наукой уголовного судопроизводства единолично распоряжался А. Я. Вышинский, который теоретически оправдывал массовый террор, пытки „выколачивание признаний“ Согласно А. Я. Вышинскому, признания вины, добываемого, как ему было известно, под пыткой было достаточно для вынесения обвинительного приговора и назначения смертной казни» [3, с. 77].

Подобный «демонизирующий» подход к оценке исторических фактов, упрощение ситуации, сгущение красок явно не способствуют глубокому осмыслению идеологической сущности уголовного судопроизводства различных исторических периодов, поэтому идеологический подход как исследовательский инструмент должен отсекают такую сугубо эмоциональную схему убеждения.

Правда, справедливости ради, следует отметить, что А. Я. Вышинский в свое время и сам не гнушался идеологической аргументации. Примером тому может служить его характеристика розыскного процесса: «Розыскной процесс — это первоначальная, неразвитая форма следственного процесса. В XVIII веке... развитие розыскного процесса в следственный процесс завершилось, и следственный, или инквизиционный процесс стал основной процессуальной формой. Этот процесс ничем не отличался по существу от розыскного: он был так же бессмысленно жесток и нелеп, хотя и прикрывал свою жестокость и бессмысленность целой системой правил судопроизводства, якобы

призванных обуздать произвол так называемых судей» [4, с. 73]. В контексте наших рассуждений следует заметить, что это не просто невинная цитата из монографии, частное мнение ученого, а идеологическая установка, которая на многие десятилетия сформировала отношение к уголовному судопроизводству розыскного типа. Современным исследователям приходится с большим трудом ее переламявать.

В завершение еще раз подчеркнем, что современный уголовный процесс полон идеологических парадоксов. Но этот факт лишь в очередной раз подтверждает актуальность исследования идеологических основ уголовного судопроизводства.

1. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в контексте «третьего уголовно-процессуального технологического уклада» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 260—261.

2. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018.

3. Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. В. М. Лебедева. М., 2012.

4. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.

© Конеv А. Н., 2019

1. Polyakov M. P., Smolin A. Yu., the Principle of procedural economy in the context of the "third criminal procedure technological order". Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018; 44 (4): 260—261.

2. Adamenko I. E. Criminal procedural activity: system-forming bases and components. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2018.

3. Criminal procedure law. Textbook. Under the editorship of V. M. Lebedev. Moscow; 2012.

4. Vyshinsky A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow: State publication of legal literature; 1950.

© Konev A. N., 2019

Конеv Андрей Николаевич,
начальник Академии управления МВД России,
доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: aumvd@mvd.ru

Konev Andrey Nikolaevich,
head of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of technical sciences,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: aumvd@mvd.ru

* * *

А. И. Мелихов, Г. С. Працко, Г. А. Никитина

ПОНЯТИЕ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

В статье на основе анализа и систематизации гуманитарных научных разработок выявляются закономерности исследования вопросов безопасности в России. Наиболее масштабно они рассмотрены в юриспруденции, философии, социологии и политологии. При этом в юриспруденции внимание уделено исследованию понятия «безопасность» в работах по теории государства и права, конституционному и административному праву. Здесь описываются направления разработки теории безопасности, зарубежный опыт обеспечения безопасности, различные аспекты общественной, информационной, экономической, военной, государственной и экологической безопасности. Более трети гуманитарных научных исследований посвящены изучению проблем обеспечения национальной безопасности. Однако ведомственные научные труды традиционно затрагивают проблемы общественной безопасности, собственной безопасности, безопасности участников уголовного процесса и обеспечения экономической безопасности российского государства. Деятельность же органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности в целом остается малоизученной. Круг вопросов, входящих в предмет такого исследования, определяет актуальность и целесообразность формирования новой научной специальности — национальная безопасность наряду с государственным управлением в рамках юридических наук.

Ключевые слова: безопасность, субъекты безопасности, угрозы безопасности, безопасность в оперативно-разыскной деятельности, национальная безопасность, международно-правовое регулирование безопасности.

A. I. Melikhov, G. S. Pratsko, G. A. Nikitina

THE CONCEPT OF "SECURITY" IN MODERN HUMANITIES AND RUSSIAN LEGISLATION

The article on the basis of the analysis and systematization of humanitarian scientific research reveals the patterns of research into security issues in Russia. The most extensively they are examined in jurisprudence, philosophy, sociology and political science. At the same time in law attention is paid to the study of the concept of "security" in the works on the theory of state and law, constitutional and administrative law. It describes the direction of the development of the theory of security, foreign experience in ensuring security, various aspects of public, informational, economic, military, state and environmental security. More than a third of humanitarian research is devoted to the study of problems of national security. However, departmental scientific works traditionally affect the problems of public security, their own security, the security of participants in criminal proceedings and the provision of the economic security of the Russian state. The activity of the internal affairs bodies in the system of ensuring national security as a whole remains poorly understood. The range of issues included in the subject of such a study determines the relevance and feasibility of the formation of a new scientific specialty — national security, along with public administration in the framework of law.

Key words: security, security subjects, security threats, security in operational investigative activities, national security, international legal security regulation.

Современные интернет-базы данных российской государственной библиотеки (www.rsl.ru) открывают широкий доступ к отечественному научному наследию в области гуманитарных наук, а благодаря установленной постановлением Пра-

вительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 обязанности размещения материалов диссертационных исследований без ограничительных грифов на сайтах Высшей аттестацион-

ной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (далее — ВАК) и организации, при которой создан диссертационный совет, принявший диссертацию к рассмотрению, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» современный исследователь имеет возможность провести исчерпывающий анализ истории разрабатываемой им научной проблематики.

Переход к постмодернистской стадии развития российского общества и продолжающаяся глобализация, в очередной раз меняя систему цивилизационных ценностей, потребовала научной разработки нового отношения к безопасности как базовой потребности человека в условиях изменения характера традиционных угроз и интересов и возникновения совершенно новых. На протяжении последних 20 лет происходила активная регламентация вопросов безопасности в федеральном законодательстве и правовой доктрине: так, трижды указами Президента Российской Федерации менялась концепция национальной безопасности, было принято 17 федеральных законов по различным видам безопасности (по результатам поиска в справ.-правовой системе «Консультант-Плюс»). Этому предшествовала серьезная научная разработка проблем законодательства.

В номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени (утверждена приказом Минобрнауки России 23 октября 2017 г. № 1027), безопасности посвящены следующие разделы технических наук: 05.13.19 — Методы и системы защиты информации, информационная безопасность, 05.23.19 — Экологическая безопасность строительства и городского хозяйства, 05.26.00 — Безопасность деятельности человека, 05.26.02 — Безопасность в чрезвычайных ситуациях, 05.26.03 — Пожарная и промышленная безопасность, 05.26.05 — Ядерная и радиационная безопасность, 05.26.06 — Химическая, биологическая и бактериологическая безопасность. Кроме того, безопасность рассматривается в рамках таких комплексных наук, как экономика (08.00.05 — Экономическая безопасность (в том числе — прим. авторов)) и военное дело (исследуются военные аспекты безопасности государства, экологическая безопасность деятельности вооруженных сил и др.). К сожалению, мы не можем оценить степень разработанности данной темы в диссертационных работах, имеющих гриф секретности или ограничения доступа.

Из 428 паспортов научных специальностей, размещенных на сайте ВАК, безопасность высту-

пает объектом исследования по 106 из них. Наиболее часто рассматриваемая категория упоминается в паспорте научной специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством — 39 раз и 05.13.19 — Методы и системы защиты информации, информационная безопасность — 16 раз. Наибольшее количество раз в паспортах научных специальностей упоминается экологическая безопасность (42), экономическая безопасность (31), информационная безопасность (30). Другие виды безопасности в паспортах гуманитарных научных специальностей упоминается значительно реже: национальная безопасность — 6 раз, безопасность личности и безопасность государства — 3 раза, военная безопасность — 2 раза, безопасность человека — 1 раз.

Некоторые виды безопасности, обеспечиваемые силовыми структурами, непосредственно не упоминаются в паспортах научных специальностей, хотя за последние 20 лет в ведомственных научно-исследовательских и образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Вооруженных сил Российской Федерации и т. д. активно ведутся научные исследования по этой проблематике. Так, можно выделить научные направления, изучающие:

- государственную безопасность и безопасность конституционного строя (более 500 результатов поиска на сайте Российской государственной библиотеки, где данные термины фигурируют в тексте диссертационного исследования более пяти раз);

- национальную безопасность (более 500 результатов поиска);

- общественную безопасность (427 результатов поиска);

- налоговую безопасность (141 результат поиска);

- пограничную безопасность (117 результатов поиска);

- миграционную безопасность (67 результатов поиска);

- таможенную безопасность (77 результатов поиска);

- безопасность персонала и заключенных в изоляторах и других местах лишения свободы (7 результатов поиска).

Из 660 исследованных нами диссертаций и авторефератов диссертаций наиболее активно вопросы безопасности исследуются в юридических науках — 42,2 %, политологии — 31 %, философии — 10,5 %, экономике — 6 %, истории — 5,6 %, социологии — 4,7 %. Согласно результатам поис-

ка на сайте Российской государственной библиотеки по экономике за последние 20 лет написано 332 диссертации (учитывались диссертации, где рассматриваемый термин имеется в названии и плане исследования), по политологии — 200, по юриспруденции — 91, по философии — 65, по социологии — 55, по истории — 21

Анализ паспортов экономических научных специальностей свидетельствует о том, что наиболее часто категория безопасность упоминается в паспорте научной специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством. Здесь исследуется не только экономическая, но и энергетическая, продовольственная, информационная, социальная, экологическая, военная безопасность и безопасность труда.

В политологии объектом исследования становятся информационная (специальности 23.00.02, 23.00.03), национальная (23.00.04, 23.00.05), региональная и глобальная безопасность (23.00.04).

Согласно паспортам научных специальностей в рамках юридических наук исследуется экологическая безопасность (специальности 12.00.06, 12.00.07); безопасность государств и народов, деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (специальность 12.00.10), информационная безопасность (специальность 12.00.13), национальная безопасность (специальность 12.00.08). Однако тематика реально проводимых юридических работ несколько отличается от требуемых. Так, наше исследование показало, что в 247 юридических диссертационных исследованиях, посвященных проблематике безопасности, термины «безопасность народа» и «народная безопасность» практически не употребляются, впрочем, как и в других гуманитарных специальностях), тема деятельности ОБСЕ отражена в 8 диссертациях, более 5 раз употреблялись термины «экологическая безопасность» — в 22 работах, «информационная безопасность» — в 27 работах, «государственная безопасность» — в 38 работах.

В социологии исследуется управление и проблемы информационной безопасности общества, государства, корпорации и личности (специальность 22.00.08). В результате проведенного анализа можно говорить о том, что в данной отрасли науки реальный сектор защищенных работ несколько отличается от запланированного в паспортах научных специальностей, ученые заняты разработкой социологического аспекта безопасности и вопросами национальной безопасности как межнаучной категории. Согласно результатам по-

искового запроса на сайте dslib.net в области социологии написано 162 диссертации, в названии или плане которых фигурирует понятие «безопасность». Социология активно исследует различные аспекты социальной безопасности (40 работ), информационную (38 работ), национальную (35 работ), экономическую (32 работы), экологическую (16 работ) безопасность и др. Особый вклад в научную разработку социологического аспекта категории «безопасность» внесли докторские диссертации В. И. Волковского, С. Н. Епифанцева, Н. И. Зинченко, Н. В. Макарейко, С. Н. Соколовой, В. П. Солониной, А. М. Филиппова, М. П. Хрипко и др.

Несмотря на отсутствие в паспортах научных специальностей таких фундаментальных наук, как история и философия, проблематики безопасности, она активно разрабатывается в аспектах безопасности личности, человеческих сообществ в различных условиях жизни, чрезвычайных ситуациях (О. В. Вознесенская), интернет-пространстве (Л. М. Мкртчян), в условиях сетевых войн (Р. С. Балаев), духовной безопасности (А. Б. Макушкин, А. Н. Сыроваткин, А. В. Тонконогов.), информационной безопасности (Г. А. Атаманов, О. И. Немыкина, Е. Е. Перчук), образовательной безопасности (А. В. Блиникова, С. В. Камышев.), идеологической безопасности (Л. В. Солодовник), военной безопасности (С. С. Антюшин, А. Э. Арутюнян, П. И. Чижик), социальной безопасности (В. Б. Пугин), цивилизационной безопасности (Е. А. Ходаковский), антикоррупционной безопасности (Г. Г. Кондратенко), антитеррористической безопасности (А. В. Петров), национальной безопасности (В. В. Кулаков, Ю. Г. Носков, О. В. Холин, А. В. Чаевич).

Необходимо отметить, что отечественная наука оперирует терминологией теории безопасности: во всех отраслях гуманитарных наук исследуются проблемы интересов коллективных субъектов (различных сообществ, государств и их объединений), разнообразных угроз интересам, ценностям, субъектам и объектам безопасности.

В последнее время особую популярность в науке приобрела тема национальной безопасности. Результаты нашей выборки показали, что данной проблеме посвящено более 35 % диссертаций в области гуманитарных наук. Согласно содержанию паспортов научных специальностей различные аспекты национальной безопасности служат объектом исследования по семи специальностям: в аэрокосмической деятельности (специальность 05.07.09) обеспечение национальной безопасности является целью разработок инновационных

технологий; в экономике (специальности 08.00.05, 08.00.14) исследуется международная экономическая безопасность, а также национальная экономическая безопасность в системе национальной безопасности; в журналистике (специальность 10.01.10) опыт ведущих мировых держав в области государственной информационной политики исследуется как инструмент национальной безопасности; в политологии (специальности 23.00.04, 23.00.05) рассматриваются проблемы национальной безопасности в международных отношениях, системы региональной и глобальной безопасности, роль региональной и этнополитической конфликтологии в обеспечении национальной безопасности; в криминологии (специальность 12.00.08) исследуется криминологическая политика в системе уголовной политики и обеспечении национальной безопасности, иерархия криминальных угроз и критерии криминологической безопасности.

Проблема национальной безопасности в отечественной гуманитарной науке обрела самостоятельное развитие в 1990-е гг., что было обусловлено отходом от категориального аппарата марксистско-ленинской философии и принятием в 1997 г. концепции национальной безопасности. Первоначально она разрабатывалась с позиций военных и технических наук, позднее стала объектом изучения различных отраслей как междисциплинарная проблема. В настоящее время национальная безопасность постепенно приобретает свойства отдельной отрасли права и науки со своей философией (работы В. Н. Амельчаковой, С. А. Вершилова, Д. В. Дзюбы, А. Б. Жбанкова, М. П. Коваленко, В. А. Кольцова, А. А. Ключева, В. С. Поликарпова, С. Н. Соколовой, Д. А. Тукало, Е. А. Яковлевой и др.) и историей (работы Г. С. Пыпиной, Д. Е. Сердюкова, Н. Н. Швердяева, Е. В. Штурбы) и нормативно-правовой базой.

Наиболее активно категория «национальная безопасность» исследуется в юридических науках (157 из 247 исследованных работ, в названии или плане которых упоминалась категория «национальная безопасность»). Часто различные аспекты национальной безопасности исследуются в административном праве (45 из 157 исследованных диссертаций по юриспруденции), теории и истории государства и права (32 работы), конституционном праве (26 работ), уголовном праве и криминологии (23 работы), правоохранительной деятельности (15 работ), международном праве (13 работ), криминалистике, уголовном процессе и теории оперативно-разыскной деятельности (3 работы). Причина

значительного количества диссертаций по специальности 12.00.14 — Административное право; административный процесс обусловлена необходимостью научной разработки административно-правового регулирования деятельности по защите безопасности личности, государства и общества. Можно выделить следующие направления исследований в данной отрасли права:

— посвященные различным видам национальной безопасности: банковской (Д. Г. Алексеева), внешне-торговой (Е. А. Устинова), пожарной (А. И. Стахов), продовольственной (С. С. Санникова), религиозной (И. А. Тарасевич), таможенной (Н. В. Шайдуко), транспортной (И. А. Бадура), финансовой (Д. В. Галкин), экономической (С. Н. Максимов) и т. д.;

— анализ зарубежного опыта обеспечения национальной безопасности (Д. А. Бондяев, М. Ю. Васькова, В. И. Кацуба, Ю. И. Кацуба, А. А. Касаткина, А. Ю. Манцуров, И. А. Смородинская и др.);

— посвященные различным аспектам деятельности МВД России и других силовых структур по обеспечению национальной безопасности (В. Н. Амельчакова, Н. А. Босхамджиева, Д. В. Галкин, И. Б. Кардашова и др.).

Разработка правовой теории национальной безопасности стала целью фундаментальных работ ведущих государственных деятелей: В. И. Булавина, А. И. Васильева, В. В. Данилейко, Р. Ф. Идрисова, И. Б. Кардашовой, В. А. Колокольцева, А. А. Куковского, А. Б. Мельниченко, В. Л. Райгородского, Д. О. Рогозина, С. В. Степашина, С. Ю. Чапчикова и др.

Конституционно-правовые аспекты национальной безопасности и безопасности конституционного строя (конституционной безопасности) исследовали Н. И. Глебов, С. В. Кот, В. В. Красинский, В. В. Мамонов, Д. С. Миц.

В международном праве национальная безопасность рассматривается как составляющая системы международной и региональной безопасности (А. В. Архангельский), исследуются международно-правовые основы борьбы с угрозами национальной безопасности (Э. А. Иванов, Ю. В. Игнатов, А. О. Линдэ), роль международных организаций в поддержании стабильности в государствах как главное условие национальной безопасности (Т. В. Говердовская), а также обеспечение национальной безопасности России в отдельных регионах мира (А. П. Кузнецов).

В теории оперативно-разыскной деятельности, криминалистике и уголовном процессе проблемам

безопасности посвящены 128 работ (учитывались диссертации, где данный термин фигурирует в названии и плане). В исследованиях представителей ведомственной науки можно выделить следующие направления:

— обеспечение безопасности участников уголовного процесса (М. А. Авдеев, Л. В. Брусницын, А. Ю. Епихин, Е. И. Замылин, А. В. Макеев, М. В. Новикова, А. Н. Петрова, В. В. Трухачев, С. А. Янин). Данное направление является наиболее популярным (60 работ);

— расследование преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности (В. Н. Апоревич, Ю. А. Бондаренко, М. В. Григорьева, М. М. Дмитриев, И. Ю. Ермаков, И. А. Кучерков, А. Б. Маханек, А. А. Митрофанова, Т. А. Мохова, А. А. Мухачев, Г. М. Овсепян, В. М. Хамцов, Н. Р. Чепцов и др.);

— обеспечение экономической, информационной и иных видов безопасности криминалистическими (Ю. В. Гаврилин, В. А. Гамза, С. С. Воронов, С. В. Кричун), оперативно-разыскными (Е. В. Демянчук, А. Е. Шарихин) и уголовно-процессуальными средствами (Р. О. Никитин, С. В. Петраков);

— обеспечение собственной безопасности (Е. В. Лемешев);

— обеспечение безопасности проведения криминалистических исследований (А. Н. Евтушенко).

В теории оперативно-разыскной деятельности вопросы национальной безопасности затрагивались в трех фундаментальных работах В. И. Козлова [1], В. И. Панышина [2] и А. Е. Шарихина [3], в то время как деятельность органов внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности в целом остается малоисследованной в области криминалистики.

Как было сказано ранее, согласно паспортам научной специальности 12.00.08 безопасность исследуется в криминологическом аспекте. Объектами исследования являются: криминологическая политика в системе уголовной политики и обеспечении национальной безопасности; иерархия криминальных угроз и критерии криминологической безопасности. Однако тематика реально проводимых исследований расходится с ожидаемыми, основное внимание здесь уделяется уголовно-правовым средствам обеспечения национальной безопасности и ее разновидностей (работы И. А. Биккинина, М. А. Ефремовой, И. С. Макеевой, А. Б. Мельниченко, А. Г. Хлебушкина и др.). Криминологическая политика в обеспечении национальной безопасности затрагивается всего в 19 диссертациях (результаты поиска на сайте Россий-

ской государственной библиотеки, где данные термины фигурируют в названии или плане диссертационного исследования), криминологическая безопасность — в 2 работах (Ю. Ю. Думби, О. В. Воронцова), проблемам криминальных угроз посвящено 18 исследований, в которых словосочетание «криминальная угроза» встречается в названии или плане работы, причем этот термин, как правило, используется в узком контексте обеспечения безопасности заключенных от криминальных угроз в местах лишения свободы (работы Н. Н. Карькиной, А. Л. Коновалова, Д. А. Кравцова, Э. Е. Кудряшова, Н. Н. Кутакова, А. М. Савихина). Проблемы криминальных угроз на фундаментальном уровне исследуют и в теории оперативно-разыскной деятельности, где В. А. Козловым была защищена докторская диссертация, посвященная оперативно-разыскным мерам противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства, однако научная школа так и не появилась и данные проблемы в работах по теории оперативно-разыскной деятельности рассматриваются редко.

Приведенные результаты научной деятельности говорит о недооценивании всего масштаба и роли категории «криминальная угроза» в отечественной науке. Поскольку именно угрозы различного вида порождают потребность человека, общества и государства в безопасности как во благе, становятся ясными причины ограниченности тематики ведомственной науки рамками общественной безопасности и ее отстраненности от разработки проблем обеспечения национальной безопасности в деятельности органов внутренних дел.

Анализ научных исследований безопасности позволяет сделать вывод об их преимущественно экономической направленности, что весьма пагубно с аксиологической и методологической точек зрения. Изучение безопасности через призму экономических или политических ценностей и методов приводит к упрощенному взгляду на нее как на средство достижения состояния оптимальной упорядоченности (рациональности) и доминирования, в то время как основной ценностью науки является поиск истины, а значит, раскрытие объекта исследования со всех возможных сторон, в первую очередь с позиций иррациональных ценностей: духовности, гуманизма и др. Безопасность активно исследуется в большинстве отраслей гуманитарной науки. Здесь предпринимаются попытки создания теории безопасности, рассматриваются ее исторический и философский аспект. Вместе с тем для научного обеспечения развития катего-

рии «национальная безопасность» недостаточно отдельных теоретических исследований. Необходимо новая научная специальность, объектом изучения которой станет национальная безопасность наряду с государственным управлением [4]. Это должно проводиться в рамках юридических наук: национальная безопасность и государственное

управление воздействуют на объективную реальность и затрагивают интересы всех без исключения субъектов права, соответственно, их развитие должно происходить в сфере правовой регламентации, позволяющей мирно достигать компромисса в расстановке приоритетов.

1. Козлов В. И. Оперативно-розыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства: правовые и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009

2. Панышин В. И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства: дис... канд. юрид. наук. М., 2013

3. Шарихин А. Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007

4. Костюченко Н. И. Проблемы теории государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 182—187.

© Мелихов А. И., Працко Г. С.,
Никитина Г. А., 2019

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Працко Геннадий Святославович,
профессор Донского
государственного технического университета,
профессор Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор;
e-mail: M-13913@yandex.ru

Никитина Галина Анатольевна,
старший преподаватель
кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

1. Kozlov V. I. Operational-search measures to counter the criminal threats of the law enforcement function of the state: legal and methodological problems. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2009

2. Panshin V. I. The institutional and legal mechanism for ensuring national security by the resources of criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2013

3. Sharikhin A. E. Scientific bases for ensuring the economic security of Russia through operational investigative activities. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2007

4. Kostuchenko N. I. Problems of the theory of public administration related to the absence in the Russian Federation of the specialty "management science" // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 48 (1): 182—187.

© Melikhov A. I., Pratsko G. S.,
Nikitina G. A., 2019

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Pratsko Gennady Svyatoslavovich,
professor of the Don state technical university,
professor of the Rostov branch
of the Russian State University of Justice,
doctor of juridical sciences,
doctor of philosophical sciences, professor;
e-mail: M-13913@yandex.ru

Nikitina Galina Anatolevna,
senior lecturer at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- анализ актуальных проблем обучения и воспитания в ведомственных вузах МВД и поиск оптимальных путей их решения;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.52008;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков государственной образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте;
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук и научным званием доцента или профессора соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи);
- авторская справка об отсутствии в тексте статьи сведений, имеющих ограниченное распространение или предназначенных для служебного пользования;
- справка о проверке рукописи статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения с приложением заключения, сформированного программой.

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
E-mail: sgoliatina@mvd.ru
Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета ВА МВД России по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

Рецензирование статей, представляемых для опубликования в журнале, осуществляется в два этапа: внешнее и внутреннее рецензирование. В качестве внешней рассматривается рецензия, подготовленная специалистом в соответствующей отрасли науки, не являющимся сотрудником (работником) ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях при возникновении необходимости рецензирования статьи специалистом-практиком к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, адвокатуры и т. д., чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

На этапе внутреннего рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА
на публикацию статьи в журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

1. Сведения об авторе

1.1. ФИО полностью	
1.2. Ученая степень	
1.3. Ученое звание	
1.4. Место работы	
1.5. Должность	

2. Контактная информация

2.1. Почтовый индекс, адрес места работы, рабочие телефоны	
2.2. Почтовый индекс, домашний адрес, домашний телефон	
2.3. Мобильный телефон	
2.4. E-mail*	
2.5. Контактная информация для опубликования в журнале (телефон или e-mail)	

3. Информация о статье

3.1. Название статьи	
3.2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3.3. Ключевые слова	
3.4. Рубрика**	

4. Другие сведения

4.1. Подпись автора	Я не возражаю против того, чтобы указанные мной в пп. 1.1, 1.5 и 2.5 сведения были опубликованы в открытом доступе «___» _____ 20__г. _____ (подпись)
---------------------	--

* Наличие e-mail обязательно.

** Указать желаемую рубрику в соответствии с рубрикацией журнала.

Внимание! При неправильно заполненной заявке и предоставлении неполной информации вопрос о публикации статьи рассматриваться не будет.